

Лев Николаевич Гумилев

Зигзаг истории

Между двух океанов

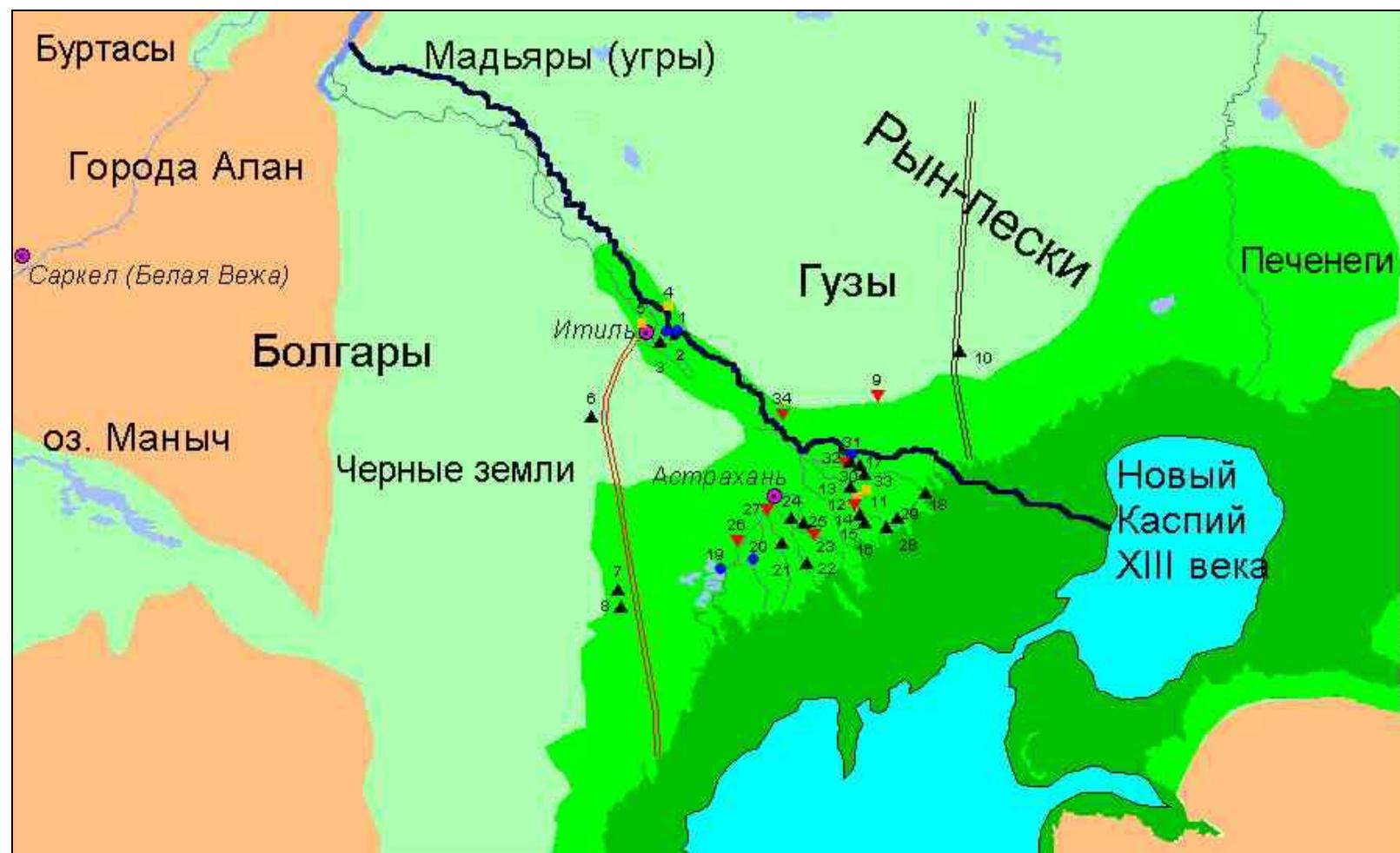
Евразийский континент не монолитен. Его четко делят на части природные барьеры. Западный полуостров Евразийского континента, омываемый Средиземным и Северным морями, отделен от холодной Восточной Европы невидимой, но крепкой границей — положительной изотермой января.

Сухие и жаркие области Переднего Востока и Северной Африки тоже являются ландшафтной целостностью, ограниченной с юга Сахарой, а с востока пустынями Средней Азии. Особое, но вполне независимое положение занимает гористый район, тянувшийся от Адриатического моря, через Малую Азию до Закавказья. На стыках этих трех больших регионов постоянно возникали этнические контакты. Таковыми были в XII в Испания, Иллирия, Великая Армения, простиравшаяся до берегов Средиземного моря, где располагалась Малая Армения, Киликия.

Ограниченная высокими горами и жаркими пустынями, Индия справедливо рассматривается как континент. Однако области Пенджаба и Синда уже в XII в. стали зонами контактов между индусами, арабами, афганцами и тюрками. Природные барьеры не спасли Индию от вторжений иноземцев.

Субтропический, обильно увлажненный Китай отделил себя от сухой, холодной Великой степи стеной, которая в XII в. лежала в развалинах, но считалась естественной границей между Китаем и Великой степью.

И наконец, внутренняя часть континента, Евразия в узком смысле слова, простиралась от Китайской стены до Карпат, включая степную, лесостепную и лесную зоны. Здесь районами контактов были венгерская степь на западе и Западная Маньчжурия на востоке. На юге к этому региону можно причислить Тибетское нагорье и Семиречье, а Среднеазиатское Междуречье рассматривать как район контактов.

Условные обозначения

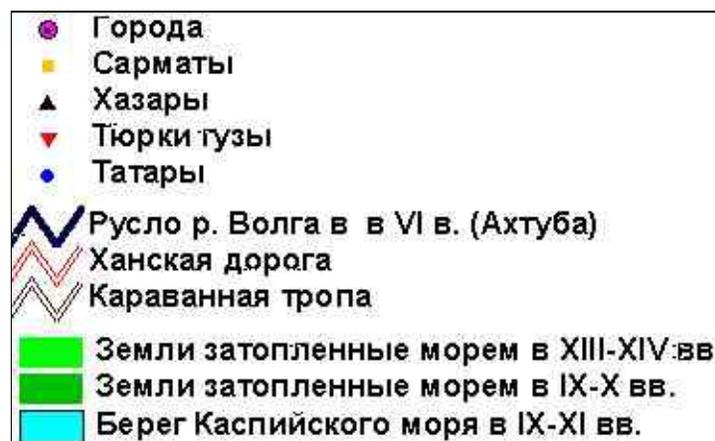

Рис. 1. Волжская Хазария VI–XIII вв. Легенда: 1 — хазарские степи; 2 — земли, затопленные морем в XIII в.; 3 — берег моря в VI в.; 4 — современный берег моря.

Центральная часть великого Евразийского континента только на первый взгляд кажется бесплодной и дикой страной, не приспособленной для развития самостоятельной культуры. Соседствуя на востоке с древней цивилизацией Китая, а на западе с не менее древней культурой западноевропейского полуострова, Великая степь ограничена с севера непроходимой тайгой, а с юга — горными хребтами. Эта географическая целостность, населенная разнообразными народами с разными хозяйственными навыками, религиями, социальными учреждениями и нравами, тем не менее всеми соседями ощущалась как некий монолит, хотя содержание доминирующего начала ни этнографы, ни историки, ни социологи не могли определить.

И это не случайно. Еще в первой половине XX в. само существование этнографических целостностей подвергалось сомнению, так как наука еще не нашла аспекта, позволяющего их воспринимать как реалии. Но и не замечать их было нельзя, и тогда сложились такие абстракции, как Запад и Восток, бессмысленность которых показал акад. Н. И. Конрад,^[39] или «Лес» и «Степь»,^[10] или «желтая» и «белая» расы.^[53]

Действительно, деление материала на два раздела всегда упрощает задачу, но далеко не всегда ведет к правильному решению. По сути дела классификатор неосознанно применяет первобытный этнический принцип: «мы» и «не мы», лишь абстрагируя его в соответствии с требованиями академической подачи. Но мы обязаны отрешиться от этого примитивного аспекта и исходить не из двоичной системы отсчета, а из реального наличия этногеографических регионов, которых на пространстве Евразии оказалось шесть, и из смены суперэтносов, которых еще больше. Поэтому мы изменили ракурс и рассматриваем Евразийский континент не из того или иного угла, а сверху. Это позволяет установить соразмерность этногеографических регионов.

Люди, жившие на этих территориях, различались не только языками, обычаями и учреждениями, но отношением к природе и истории, к жизни и смерти, к добру и злу. Посмотрим как. В многочисленных первоисточниках мы не найдем ответа на то, что интересует нас, ибо их авторы писали для других читателей. Однако наряду с разноречивыми и эмоционально насыщенными традициями мы имеем в поле зрения массу немых фактов, объяснение коих — наша обязанность. Отчасти это затрудняет исследователя, отказавшегося от оценок, подсказываемых ему предшественниками. Но разве наука — это пересказ чужих знаний? И разве в естественных науках, где нет словесных сообщений, а только немые факты, невозможны обобщения? И разве только углубление в предмет дает познание, а расширение диапазона ведет к поверхностности?

Системный подход, давая возможность широких обобщений, отнюдь не мешает точности изучения деталей. Так, на пейзажах старинных мастеров второстепенные фигуры только кажутся цветными пятнами. Будучи увеличены путем фотографии, они представляются перед зрителем как законченные, вырисованные до мелочей. Все на них верно, но в композицию они входят лишь настолько, насколько они нужны. Этим подходом мы и собираемся воспользоваться.

Описание хазарской страны

Ландшафты, как и этносы, имеют свою историю. Дельта Волги до III в. не была похожа на ту, которая существует ныне. Тогда по сухой степи среди высоких бэровских бугров струились чистые воды Волги, впадавшие в Каспийское море много южнее, чем впоследствии. Волга тогда была еще мелководна, протекала не по современному руслу, а восточнее, через Ахтубу и Бузан, и, возможно, впадала в Уральскую западину, соединенную с Каспием узким протоком.

От этого периода остались памятники сармато-аланской культуры, т. е. туранцев. Хазары тогда еще ютились в низовьях Терека.

Во II–III вв. атлантические циклоны сместили свой путь к северу. Дожди перестали орошать степную зону, где на время воцарилась пустыня, а стали изливаться в Волго-Окском междуречье и на широтах водосбора Камы. Особенно значительным было зимнее увлажнение: сугробы мокрого снега и, как следствие, огромные весенние половодья.

Волга понесла все эти мутные воды, но русло ее в низовьях оказалось для таких потоков узким. Тогда образовалась дельта современного типа, простиравшаяся на юг почти до полуострова Бузачи (севернее Мангышлака). Опресненные мелководья стали кормить огромные косяки рыб. Берега протоков поросли густым лесом, а долины между буграми превратились в зеленые луга. Степные травы, оставшись лишь на вершинах бугров (вертикальная зональность), отступили на запад и восток (где ныне протоки Бахтемир и Кигач), а в ядре возникшего азонального ландшафта зацвел лотос, запели лягушки, стали гнездиться цапли и чайки. Страна изменила свое лицо.

Тогда изменился и населявший ее этнос. Степняки-сарматы покинули берега протоков, где комары не давали покоя скоту, а влажные травы были для него непривычны и даже вредны. Зато хазары распространились по тогдашней береговой линии, ныне находящейся на 6 м ниже уровня Каспия. Они обрели богатейшие рыбные угодья, места для охоты на водоплавающую птицу и выпасы для коней на склонах бэровских бугров. Хазары принесли с собой черенки винограда и развели его на новой родине, доставшейся им без кровопролития, по случайной милости природы. В очень суровые зимы виноград погибал, но пополнялся снова и снова дагестанскими сортами, ибо связь между Терской и Волжской Хазарией не прерывалась.

Воинственные аланы и гунны, господствовавшие в степях Прикаспия, были не опасны для хазар. Жизнь в дельте сосредоточена около протоков, а они представляют собой лабиринт, в котором заблудится любой чужеземец. Течение в протоках быстрое, по берегам стоят густые заросли тростника, и выбраться на сушу можно не везде. Любая конница, попытавшаяся проникнуть в Хазарию, не смогла бы быстро форсировать протоки, окруженные зарослями. Тем самым конница лишалась своего главного преимущества — маневренности, тогда как местные жители, умевшие разбираться в лабиринте протоков, могли легко перехватить инициативу и наносить врагам неожиданные удары, будучи сами неуловимыми.

Еще труднее было зимой. Лед на быстрых речках тонок и редко, в очень холодные зимы, может выдержать коня и латника. А провалиться зимой под лед, даже на мелком месте, значило обмерзнуть на ветру. Если же отряд останавливается и зажигает костры, чтобы обсохнуть, то преследуемый противник за это время успевает скрыться и ударить по преследователю снова.

Хазария была естественной крепостью, но, увы, окруженной врагами. Сильные у себя дома, хазары не рисковали выходить в степь, которая очень бы им пригодилась. Чем разнообразнее ландшафты территории, на которой создается хозяйственная система, тем больше перспектив для развития экономики. Дельта Волги отнюдь не однообразна, но не пригодна для кочевого скотоводства, хотя последнее, как форма экстенсивного хозяйства, весьма выгодно людям,

потому что не трудоемко, и природе, ибо количество скота лимитируется количеством травы. Для природы кочевой быт безвреден.

Хазары в степях не жили и, следовательно, кочевниками не были. Но и они брали от природы только избыток, которым она могла смело поделиться: рыбу, виноград и плоды из садов. Короче говоря, этносы низовий Волги в то время находились в фазе гомеостаза — равновесия с природой и друг с другом. При этой системе жизни этносы редко активно общаются между собой, потому что воевать не из-за чего, а брать в жены чужих девушек невыгодно: привыкшие к иному быту, они будут плохими хозяйками в доме мужа.

Чем крупнее цель, тем легче в нее попасть. Поэтому заключим наш сюжет — трагедию хазарского этноса — в рамку истории сопредельных стран. Конечно, эта история будет изложена «суммарно», ибо для нашей темы она имеет только вспомогательное значение. Но зато можно будет проследить глобальные международные связи, пронизывавшие маленькую Хазарию насквозь, и уловить ритм природных явлений биосферы, вечно изменчивой праматери всего живого. Тогда и история культуры заиграет всеми красками.

Может показаться, что, утверждая невозможность существования активного этноса без пассионарного толчка, мы погрели против собственного тезиса. Например, хазары стали известны византийским и персидским авторам в IV в., а армянским — в III в. [\[прим. 1\]](#), но ни меридиональный толчок II в. (от Скандзы до Палестины), ни широтный толчок IV в. (от Аравии до Северного Китая) не должны были их задеть. Каким же образом объяснить особенности их этногенеза в течение тысячи лет и образование многочисленных реликтов: гребенских и нижнедонских казаков, астраханских татар и караимов Крыма? Короче говоря, хазары вели себя как «полноценный» этнос, прошедший все фазы развития, но за счет чего?

Русский летописец правильно сопоставляет хазар со скифами, [\[42, ч.1, с.14\]](#) под которыми его источник, Георгий Амартол, подразумевал древнее, досарматское население южной части Восточной Европы. [\[42, ч. II, с. 223\]](#) В то время, когда степные водораздельные пространства захватывались последовательно сарматами (III в. до н. э.), гуннами (IV в. н. э.), болгарами (V в.), аварами (VI в.), мадьярами и печенегами, хазары спокойно жили в густых прибрежных зарослях, недоступных для кочевников, с которыми они всегда были врагами.

Благодаря столь благоприятным природным условиям хазары — потомки древнего европеоидного населения Западной Евразии — жили как этнос-персистент до конца VI в., когда ситуация изменилась крайне резко и неожиданно.

Самая важная роль в хазарском этногенезе выпала на долю новорожденного этноса древних тюрков — тюркютов, как принято их называть, чтобы избежать терминологической путаницы — смешения этого этноса с прочими тюркоязычными племенами [\[прим. 2\]](#). Возникли тюркюты так, в 439 г. небольшой отряд князя Ашина бежал из Северо-Западного Китая от победоносных и безжалостных табгачей. Состав этого отряда был пестрым, но преобладавшим этносом были сяньбийцы, т. е. древние монголы. Поселившись на склонах Алтая и Хангая и смешавшись с аборигенами, тюркюты сделали своей узкой специальностью плавку железа и выделывание оружия. В 552 г. их первый хан — Тумын — одержал победу над жужанями, господствовавшими в Степи в IV–V вв. Так был создан Великий тюркютский каганат.

Младший брат Тумына, хан Истеми, был поставлен во главе войска, имевшего задачей подчинение западных степей. Истеми дошел до Дона и берегов Черного моря. Некоторые племена бежали от него, другие подчинились силе оружия, а третьи сочли за благо помочь завоевателю, дабы разделить с ним плоды победы. В числе последних оказались хазары и болгарское племя утургуров, жившее между Кубанью и Доном. Когда же в начале VII в. Великий каганат распался, то хазары и утургуры оказались в составе Западного каганата. Те и другие искренне помогали своим новым правителям в войнах против Византии и Ирана. Однако в Западно-Тюркютском каганате два племенных союза образовали две партии, боровшиеся за власть над бессильным ханом. Утургуры примкнули к одной, а хазары, естественно, к другой партии, а после ее поражения приняли убежавшего царевича себе в ханы (650 г.); [\[Подробнее см.: 3, с.171\] \[23, с. 238.\]](#)

Через 8 лет Западно-Тюркютский каганат был захвачен войсками империи Тан, что пошло на пользу хазарам, принявшим сторону ранее побежденного царевича, и во вред болгарам-утургурам, лишившимся поддержки верховного хана (658 г.). Вследствие этого хазары около 670 г. разгромили болгар, и те разбежались — кто на Каму, кто на Дунай, кто в Венгрию, а кто даже в Италию.

Одновременно хазарам пришлось отражать вторжение арабов, победоносных от Индии до Аквитании. Но на Кавказе, неожиданно для завоевателей Ирана и Испании, война шла с

переменным успехом, причем хазарские вторжения в Закавказье чередовались с арабскими походами до Дербента (662–744 гг.), севернее которого арабам так и не удалось закрепиться. Откуда взялась у маленького реликтового этноса такая грандиозная пассионарность, позволившая хазарам при неравенстве сил свести вничью войну с самым сильным и агрессивным государством VIII в.? Численный перевес был на стороне арабов, потому что хазарских ханов тюркской династии не поддерживали ни аланы, ни мадьяры, ни буртасы, ни мордва, ни славяне, а уж меньше всего болгары. Особую позицию занимали горцы Дагестана — царства Серир, Туман, Зирих-Геран, Кайтаг, Табасаран, Лакз и Филан, уже в 739 г., подчинившиеся наместнику Азербайджана и Армении Мервану, [\[35, т. I, с. 153\]](#) опиравшемуся на неприступный Дербент [\[прим. 3\]](#). Но маленькая Хазария героически отстояла свою независимость. Почему?

Вспомним, что целых 100 лет (558–650) тюркютские ханы использовали территорию Хазарии как базу для своих военных операций. В Хазарии тюркютские богатыри отдыхали после перехода через сухие степи, а по возвращении из Крыма или Закавказья прогуливали награбленную добычу. И тут наверняка не обходилось без женщин, которые, как известно, не бывают равнодушны к победителям. Дети, появившиеся после военных походов, искренне считали себя хазарами. Отцов своих они не знали, воспитаны были в среде хазар и в ландшафте Волжской дельты. В наследство от тюркютов они получили только некоторые антропологические и физиологические черты, в том числе пассионарность. А поскольку такой симбиоз длился более ста лет, то естественно, что привнесенной чужаками пассионарности стало достаточно, чтобы превратить реликт в активно действующий этнос.

Но еще существеннее для хазарского этногенеза был следующий период, когда Хазарией управляли тюркские ханы династии Ашина (650–810), наследники правителей Великого тюркского каганата (552–745). Царевич-беглец и его соратники, принятые хазарами гостеприимно, не слились с массой народа и не противопоставили себя ей. Они продолжали жить кочевым бытом, только зиму проводя в домах в Итиле; они возглавили борьбу с арабами и, будучи мастерами степной маневренной войны, научили хазар отбивать натиск регулярных войск; оставаясь язычниками, почитавшими Синее Небо и Черную Землю, они были веротерпимы до полной неразборчивости. Это-то их и погубило. Но из-за чего и каким образом?

Хазары и фазы этногенеза

Внесение признака пассионарности со стороны по последствиям не отличается от возникновения ее путем мутации. Разница проявляется лишь в том, что при генетическом дрейфе признак распространяется более быстро, а, следовательно, процесс идет более интенсивно. Поэтому инкубационный период хазарского этногенеза уложился в три поколения — около 70 лет, после чего с 627 г. становится уместным название «тюрко-хазары», теряющее смысл после 650 г., когда хазарами называют именно метисов тюрко-хазарского происхождения. Почему-то Истахри и другие восточные географы делили хазар на два разряда: смуглых [\[прим. 4\]](#), черноволосых и «белых, красивых, совершенных по внешнему виду». [\[31, с.137\]](#) Также они относили хазар то к тюркам, то к нетюркам, возводя их то к грузинам, то к армянам. [\[31, с. 135\]](#) Хазарский язык, по замечанию Истахри, не походит ни на тюркский, ни на персидский, ни на какой другой известный язык, а схож с языком болгар. [\[31, с. 135\]](#) Это последнее вызвало множество недоумений, ибо языком болгар считается тюркский. Однако так ли было в V–VI вв., когда тюрки впервые появились в Поволжье? Наверяд ли!

Тюркский язык распространился как международный и общеупотребительный лишь в XI в. благодаря половцам, причем вытеснил из степи древнерусский, господствовавший в X–XI вв. [\[41, т. I, с. 54\]](#) До этого этносы говорили дома на своих языках, которые до нас не дошли, а кроме того, знали древнетюркский язык воинского начальства.

Таким образом, в VII в. в Нижнем Поволжье создались оптимальные условия для этногенеза: разнохарактерные ландшафты в тесном сочетании, соответствующие им хозяйственные уклады, сосуществование этнических субстратов, относящихся к единому (евразийскому) суперэтносу, и импорт пассионарности, позволивший оформить этническое разнообразие в социальную систему. Эта последняя была достаточно эластичной, чтобы вошедшие в нее этносы стали субэтносами хазарского этноса, унаследовавшего название от предков.

Вот почему М. И. Артамонов сомневался в достоверности армянских хроник, упоминавших хазар в III в. н. э. [\[3, с. 116\]](#) Этноним был тот же, но этнос другой, а это бывает часто.

Фаза этнического подъема заняла около 150 лет — с середины VII до конца VIII в. За это время хазары шли от успеха к успеху и весьма удачно находили контакты с соседями. Однако характер этих контактов был различен, что и повело к смещению нормальной кривой этногенеза, вследствие чего акматическая фаза не наступила. Поэтому обратим внимание и на соседей хазар, но сначала напомним, что в III–V вв. хазарский этнос находился в фазе гомеостаза. Производительные силы его были стабильны, а общество пребывало в первобытнообщинной формации с устоявшимися производственными отношениями.

Зато соседи хазар развивались бурно. Византия и Древняя Русь росли мучительно, но неуклонно; сасанидский Иран терял потенцию роста за счет упрощения системы, что вело к усилению государственной власти в ущерб общественным группировкам.

Восточные народы — гунны, пришедшие в Европу, проиграли войну с аборигенами: германцами на западе и болгарами на востоке, после чего потеряли политическое и этническое значение. Судьба гуннов — яркий пример того, что любой этнический процесс может быть нарушен политическими коллизиями, которые невозможно предугадать. Гунны могли бы выиграть битву с гепидами при Недао в 453 г. и разгромить сарагуров (болгар) в 453 г. Тогда в Восточной Европе уже в V в. создалось бы сильное государство. Но так как этого не случилось, то многочисленные местные этносы вернули себе самостоятельность.

Второй азиатский этнос, попавший в Европу — авары (обры) — в 630 г. утратили свои

позиции в Причерноморье вследствие конфликта с болгарами-кутургурами, населявшими степи от Дона до Карпат. Авары сосредоточили свои усилия на борьбе с греками и франками и угнетении славян-дулебов, населявших Вольнь. В начале IX в. авары потерпели поражение от франков, но сохранили самостоятельность и удержали территорию восточнее Дуная до прихода венгров, которых встретили как родных, и вскоре объединились с ними в один этнос. Аварский каганат, последний осколок древнего Турана, перестал существовать в начале X в.

Соседи хазар в VII–VIII вв

Гуннская трагедия оставила след на этнической карте Восточной Европы. Болгар-сарагуров потеснил другой азиатский народ — сабиры или савиры, частью проникшие в Закавказье, а частью осевшие в Понтийской Скифии..., «до Рипейских гор, из которых вытекает Танаис». [\[3, с. 651\]](#) Савиры были выходцами из Западной Сибири и, видимо, принадлежали к угорской или южной ветви самодийской группы. Западные племена их ославянились, но сохранили древний этноним — северяне. С хазарами они не граничили и, кажется, не общались, как это делали другие соседние этносы.

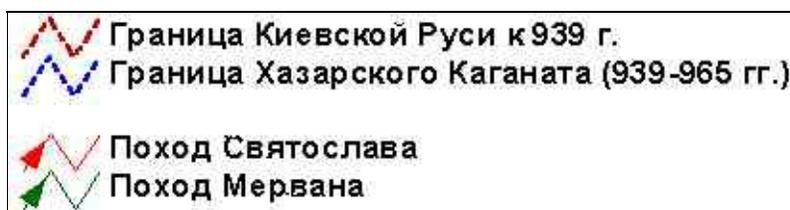
Не только маленькая группа алтайских монголоидных тюркютов [\[прим. 5\]](#), но и вассалы, сопутствовавшие им в походах, вошли в состав хазарского этноса в течение VII–VIII вв. Одни из них ассимилировались, другие сохранили свой этнический облик. Так, барсилы авторы X в. перестали отличать от хазар, а печенеги, до IX в. приходившие в Хазарию с востока как друзья и союзники, с хазарами не смешались, [\[17\]](#), [\[18\]](#), [\[24\]](#). Очевидно, кочевой быт привлекал их больше, чем оседлая жизнь хазар. Но дружбе это не мешало. Хазар, барсилы, тюркютов, телесцев, печенегов связывала не общность быта, нравов, культуры и языка, а общность исторической судьбы: наличие общих врагов и единство политических задач, основной из коих было не погибнуть, а уцелеть. И до начала IX в. хазары справлялись с этой задачей блестяще именно потому, что они не были одиноки.

Хазария возглавила силы сопротивления и, благодаря этому, расширила сферу своего влияния до Крыма и Аральского моря, до Кубани и Оки, до Десны и Сакмары. Но в такой этнической пестроте для государственной системы часто таится опасность.

Гузы на востоке, мадьяры на севере, аланы и булгары (черные) на западе не всегда были друзьями хазар. Но поскольку эти этносы входили в систему единого евразийского суперэтноса, межплеменные столкновения не переходили ни в истребительные, ни в завоевательные войны. Все эти этносы жили натуральным хозяйством, которое всегда тесно связано с природными особенностями вмещающих ландшафтов. Гузы привыкли к сухим степям и полупустыням, где снежный покров тонкий и не препятствует круглогодичному кочеванию. Но эти степи были не нужны уграм, населявшим лесостепную полосу западной Евразии, и аланам, обитавшим в роскошных злаковых степях между Кубанью и Доном. Там зимой выпадает много снега, следовательно, необходимы заготовки сена для скота; значит, кочевой быт невозможен; скотоводство должно быть отгонным.

Условные обозначения

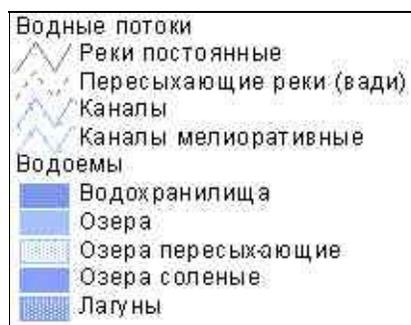

Рис. 2. Хазарский каганат в X в. Цифрами обозначены государства Закавказья: 1 — Серир, 2 — Савиры, 3 — Ширван, 4 — Албания, 5 — Табарсаран, 6 — Эгриси, 7 — Лазика, 8 — Иберия, 9 — Армения, 10 — Картли, 11 — Кахетия, 12 — Лакз, 13 — Гунны

Но никому из перечисленных этносов не были нужны поймы рек, заселенные хазарами, равно как и хазарам нечего было делать в степях и окаймляющих их лесах. Поэтому они спокойно смотрели на то, как в лесной полосе западной Евразии распространялся новый этнос — славяне: вятичи и радимичи, а в среднем Поднепровье другая группа славян постепенно ассимилировала россомонов и савиров, преобразовав их в полян и северян. Каждый из этих этносов обрел свою экологическую нишу, а потому и конфликты между ними могли определяться только колебаниями пассионарности.

К счастью для всех перечисленных этносов, в этом отношении и в VIII в. было благополучно. Аланы, потомки страшных своей жестокостью сарматов, которые в III в. до н. э. физически истребляли скифов, а парфянам подарили вождя с дружиной (250 г. до н. э.), за тысячу лет превратились в культурный, трудолюбивый и спокойный этнос, лишенный наклонностей к агрессии. Этому превращению способствовало и то, что наиболее активная и неукротимая часть алан ушла после 371 г. в Испанию, чтобы избежать подчинения гуннам. А как мы знаем, пассионарность — признак наследственный. Следовательно, потомков пассионарных аланов следует искать в Кастилии, а не на Северном Кавказе.

Угры, в том числе мадьяры — этнос очень древний, получивший дополнительную инъекцию пассионарности во II–V вв. от хуннов ^[прим. 6]. Наименее пассионарны были гузы, сумевшие уберечь независимость и от гуннов и от тюркютов.

Византийский этнос не имел предков. Это, конечно, не означает, что люди, его составлявшие, не произошли от питекантропов, но этнос — не поголовье людей, а динамическая система, возникающая в историческом времени, при наличии пассионарного толчка, как необходимого компонента при пусковом моменте этногенеза, процесса, ломающего старую культуру.

В Средиземноморье в древности существовала единая эллинистическая культура, включившая в себя в процессе развития Лациум и финикийские города. В этническом аспекте она напоминает западноевропейскую, потому что основное эллинское ядро не исчерпывает всех вариантов разносторонней эллинистической культуры. Конечно, Рим, Карфаген, Пелла имели свои локальные особенности и представляли собой самостоятельные этносы, но в суперэтническом смысле входили в широкий круг эллинистической культуры. Впрочем, это не ново, но для нас важно как отправная точка. Римское господство способствовало этнической нивеляции, а уравнивание греческого языка с латинским привело к тому, что почти все население Средиземноморья слилось в один этнос. Но в I в. н. э. в Римской империи появились новые люди, образовавшие в последующие два века новую целостность. Уже в начале своего появления они противопоставили себя «языцам», то есть всем остальным, и действительно выщелились из их числа, конечно не по анатомическим или физиологическим признакам, но по характеру поведения. Они иначе развлекались, иначе относились друг к другу, иначе думали и ставили

себе в жизни цели, казавшиеся их современникам бессмысленными. Эллинистическому миру был чужд аскетизм, новые люди создали Фиваиду; греки и сирийцы проводили вечера в театрах и любовались «пляской осы» (древний стриптиз), а эти собирались для бесед и тихо расходились по домам; своих богов эллины и римляне уже несколько веков считали литературными образами, сохранив культ как государственную традицию, а в быту ограничиваясь многочисленными приметами, новые же проповедники и неопиты с полной убежденностью считали реальностью инобытие и готовились к загробной жизни. Относясь лояльно к римскому правительству, они отказывались признавать его божественную природу и поклоняться статуям императоров, хотя это стоило им жизни. Эти нюансы поведения структуры общества не ломали, но из этнической целостности новые люди выпадали и вызвали жгучую ненависть у городских низов, требовавших их уничтожения. Считать, что причиной возникшей неприязни была разница в убеждениях, неправильно, ибо у необразованных язычников в это время никаких стойких убеждений не было, а у людей нового склада они были многообразны. Но почему-то с Митрой, Исидой, Кибелой, Гелиосом эллины и римляне не ссорились, делая исключение только для Христа. Очевидно, что вынести за скобки следует не идеологический или политический признак, а этнологический, т. е. поведенческий, который для эллинистической культуры был действительно новым и непривычным. Впрочем, он был также чужд иудеям, которые, отнюдь не сливаясь с римлянами и греками, гонениям за веру не подвергались.

В первом тысячелетии новой эры был еще один суперэтнос, без территории, без централизованной власти, без войска... но он был. Евреи, рассеянные от Германии до Ирана, жили, не теряя своего внутреннего единства, несмотря на внешнее разнообразие. Среди них были носители разных культурных традиций, разных идеалов, разных стереотипов поведения. Восточные евреи не были похожи на византийских или немецких, но мы ведь и называем их не этносом, а суперэтносом. И в IX в. настало время им сказать свое слово. А так как это «слово» было произнесено в Хазарии и весьма значительно отразилось на судьбе хазар, то придется проследить, как и почему это могло произойти. А для этого нам придется углубиться в древность и проследить судьбу восточной ветви иудейской общины и ее связи с Ираном.

Этническая история евреев была извилиста и многообразна, но трансформации, возникавшие вследствие пассионарных толчков, видоизменяли их не менее, чем все прочие этносы. При этом менялись даже облик культуры и догмы религии, феномены куда более устойчивые, чем этнические стереотипы, но сохранялся этноним, что и вводило в заблуждение и невежественных людей, и даже ученых.

Легендарные сведения первых книг Библии [\[прим. 7\]](#) туманно повествуют о неясных связях предков евреев с Шумером, — а потом с Египтом, но к нашей теме это не имеет отношения. Исторически зафиксированные племена хабиру в XIV в. до н. э. начали завоевание, крайне жестокое, беззащитного и миролюбивого Ханаана, но натолкнулись на сопротивление филистимлян, одного из «народов моря», по-видимому древних ахейцев или хеттов. Война с хананеями и филистимлянами затянулась до X в. до н. э. (акматическая фаза этногенеза). Лишь царь Давид (1004-965 до н. э.) достиг решительных успехов и взял Иерусалим, где его сын Соломон соорудил храм. Но после смерти Соломона его царство распалось на два (надлом), а в 586 г. до н. э. Иерусалим был взят вавилонским царем Навуходоносором, который вывел пленных в Вавилон. Так началось знаменитое рассеяние (диаспора) — инерционная фаза этногенеза.

В Вавилоне евреи прижились, и, когда в 539 г. до н. э. Кир позволил им вернуться на родину, этим позволением воспользовались немногие. Вавилонская колония евреев оказалась богаче и многочисленнее палестинской.

Из Вавилона евреи распространились по всей Месопотамии и Сузиане, [\[57, с.63\]](#) где вошли в тесный контакт с персами. Есть даже предположение, что знаменитая антидэвовская надпись Ксеркса, запретившего почитание племенных богов — дэвов, нашла отражение в Библии, в книге «Эсфирь», содержащей описание того, как мудрый Мардохей благодаря очарованию своей племянницы Эсфири, пленившей царя, сумел организовать погром македонян [\[прим. 8\]](#) и других соперников евреев, боровшихся за влияние на персидского царя царей. [\[57, с. 80\]](#)

Однако успех Мардохея оказался эфемерным. Персы охладели к евреям, и те радостно приветствовали Александра Македонского, пользуясь тем, что ни царь, ни его эллинские друзья никогда не сталкивались с евреями. Когда же греки и евреи оказались в пределах единой Селевкидской державы, между ними возникла кровопролитная война, закончившаяся победой евреев, основавших в Палестине царство с династией Хасмонеев. Постепенно палестинские евреи и евреи диаспоры стали обособляться друг от друга, «образуя как бы две нации». [\[57, с. 216\]](#) И судьбы их были различны.

Судьба палестинских евреев была печальна. Они последовательно ссорились с персами, македонянами и римлянами. Последние так расправились с евреями в 70 и 132 гг. н. э., что Палестина обезлюдела и была заселена арабами. Но в крупных городах Римской империи, в

греческих колониях — Пантикапее, Горгиппии и Танаисе, в Армении [\[5, с. 10\]](#) и в оазисах Аравии еврейское население сохранилось. Однако это были уже новые евреи, затронутые пассионарным толчком I в. и, следовательно, ровесники византийцев и славян. Они поддерживали активные связи со своими иранскими единоверцами, пользовавшимися покровительством врагов Рима — парфянских царей. Вследствие этого обе общины до конца V в. непрестанно обменивались идеями и людьми [\[прим. 9\]](#).

А как это было им нужно! Персия была страна бедная, но благоволившая к евреям; Восточная Римская империя была богата, но греки успешно конкурировали с евреями. В те века центр тяжести межэтнических конфликтов был перенесен в область идеологии. Библия была уже переведена на греческий язык и перестала быть тайной. Ее читали усердно, но реакция читателей была различной. Одни вступались за змея, побудившего Еву заполучить познание добра и зла, а того Бога, который хотел оставить людей в невежестве, именовали злым демоном (офиты). Другие объявили материю, а следовательно, весь видимый мир несуществующими, т. е. просто помехами на пути к совершенствованию души, реальность коей утверждалась (гностики). Третьи отрицали преемственность Нового и Ветхого Заветов, считая древнюю еврейскую религию поклонением сатане (Маркион и его школа).

Четвертые — манихеи — рассматривали мир как область борьбы Света и Тьмы, но если христиане признавали мир и жизнь творением Божиим, то манихеи держались обратной точки зрения: мир — это Тьма, пленившая частицы Света (души).

На Западе дуализм не удержался. Язычник Плотин и христианин Ориген создали стройные монистические концепции, овладевшие умами мыслящих людей III в., а последователи гностиков замкнулись в своем пренебрежении к черни, и их идеи перестали влиять на широкие слои римского общества и этносов, его составлявших. В Иране гностическое манихейство натолкнулось на стройную систему зороастризма, где жизнь благословлялась и утверждалась как творение Ормузда, а смерть и уничтожение (аннигиляция материи) считались делом Аримана. Мани заплатил жизнью за последовательность своего учения. Казалось бы, для жизнеотрицающих гностических систем нет места в мире, но оно нашлось.

На рубежах великих суперэтносов — эллинизма и Ирана, Ирана и Турана, Турана и Индии, где ютились небольшие, хотя и самостоятельные княжества арабов, кавказцев, эфталитов, — последователи гностических идей находили приют и безопасность. И евреи, променявшие Палестину на Месопотамию, были в их числе. Стесненные жесткими установлениями официальной религии, они чутко реагировали на развитие мировой творческой мысли и выдавали свои соображения за древние предания — Каббалу, тем самым давая им место рядом с жесткой системой Талмуда. В Каббале были и монистические системы, близкие к неоплатонизму, и дуалистические, унаследованные от ессеев, и тяга к новым идеям, то и дело возникавшим в Иране и Византии. А так как пассионарных людей в вавилонской общине было много, то с III по VI в. она бурлила идеями и принимала активное участие в событиях, имевших значение для нашей темы.

Римляне, даже в период наибольшей военной мощи, не могли захватить Двуречье. Местное население активно помогало парфянам, а потом персам. За проявленную лояльность шахи Ирана благоволили к евреям, позволив им создать колонии в Ктезифоне и Испагани (Исфаган). Аналогичными льготами пользовались несториане Месопотамии и монофизиты Армении за то, что они были противниками православного византийского царя.

Зороастризм, подобно иудаизму, — генотеистическая религия, т. е. все персы должны были следовать учению магов и поклоняться огню, но ни один иноземец к культу не должен быть допущен. Переход персов в христианство карался смертью, что иногда вызывало осложнения, коих не возникало с евреями, которые, также как и персы, не допускали в свою среду инородцев. Поскольку при таком последовательном подходе ассимиляция исключалась, то в Западном Иране и Месопотамии возникла иудео-сиро-армяно-персидская химера с добавкой из парфянской знати и арабов Бахрейна, почитавших звездных богов и служивших за деньги иранскому шаху. Внутри этой причудливой мозаики мира не было. Вельможи и маги старались ограничить власть шаха, не покушаясь на престол, ибо центральная власть была нужна для защиты от внешних врагов. Шах норовил пресекать самовольство знати, но без кровопролития, так как знать составляла конное войско. Евреи были на стороне короны и, со свойственной этому этносу горячностью, превысили меру усердия, что им на пользу не пошло.

В 491 г. Иран постигли засуха, связанный с нею недород и налет саранчи. Шах Кавад открыл государственные амбары с зерном, но это не предотвратило народных волнений. И тогда один из вельмож, Маздак, предложил шаху свою концепцию спасения государства. Она была дуалистична, но в ней, в отличие от манихейства, «царство света» наделялось качествами воли и разума, а «царство тьмы» — качеством неразумной стихии. Отсюда вытекало, что существующая в мире несправедливость — следствие неразумности и исправить ее можно средствами разума: введением равенства, уравниванием благ (т. е. конфискацией имущества богатых и разделом его между маздакитами) и... казнями «сторонников зла», т. е. тех, кто был с Маздаком не согласен.

Система подкупала безукоризненной логикой, и шах поддержал Маздака. Но как было отличить сторонников света от защитников мрака? Только по их личному заявлению! И тут пошла в ход ложь ^[прим. 10]. Маздакиты, взяв власть в свои руки, развернули массовый террор, а шах стал в их руках марионеткой. В 496 г. Кавад бежал от своих министров к эфталитам, вернулся с войском и занял престол, но маздакиты продолжали занимать должности вокруг престола и расправляться с неудобными людьми, как с чужими, так и друг с другом. Только в 529 г. царевич Хосрой собрал войско из людей, обиженных маздакитами, привлек на свою сторону саков и повесил Маздака, а его сторонников закапывал в землю живыми. Ожесточение партий было так велико, что уцелевшим маздакитам пришлось бежать на Кавказ, ибо ни эфталиты на востоке, ни византийцы на западе их не принимали.

Могли ли многочисленные евреи Двуречья и Исфагана остаться равнодушными к событиям, происходившим вокруг них? Конечно, они приняли в них живое участие, но, как всегда, разделились. Ортодоксам-талмудистам маздакиты были омерзительны, вольнодумцам-каббалистам — любезны. Внутри еврейской общины Ирана шла борьба столь же напряженная и даже кровавая, как и в самой великой державе. ^[54] Торжество маздакитов грозило евреям-ортодоксам гибелью, и они эмигрировали в Византию. Там их приняли кисло, но это было лучше, чем смерть.

Когда же в 529 г. в Иране пошла расправа с маздакитами, то и примкнувшим к ним евреям пришлось плохо. Экзарх еврейской общины Ирана Мар Зутра, сотрудничавший с маздакитами,

был повешен, так же как и все, кто попал в руки Хосроя Ануширвана, принявшего власть еще при жизни своего отца, Кавада. Уцелевшие маздакиты бежали на Кавказ, чтобы затеряться среди христианского населения Мидии-Антропатены (совр. Азербайджан). Это им удалось, так как христиане относились к огнепоклонникам-персам крайне отрицательно и укрыли беглецов из Ирана.

Связанные с маздакитским движением евреи тоже удрали на Кавказ, но подальше от разъяренных персов. И очутились они на широкой равнине между Терекон и Судаком, стали пасти там скот, избегая конфликтов с соседями и не слишком строго соблюдая традиционные обряды. Однако они свято праздновали субботу и совершали обряд обрезания [\[прим. 11\]](#).

Вернемся к судьбе евреев-ортодоксов, так как в последующей эпохе главную роль будут играть именно они. Православная церковь Византии в эпоху Великих соборов (V в.) относилась к иудаизму благожелательно. Когда же эмиграция евреев из Ирана усилилась и активизировала византийскую еврейскую общину, то начался период не то чтобы гонений, а государственных ограничений свободы еврейского культа. Эдиктом 546 г. Юстиниан запретил евреям праздновать Пасху и есть в эти дни мацу, если еврейская Пасха приходилась на Страстную Неделю. В 553 г. евреям было запрещено «употреблять... устную традицию». [\[5, с. 76\]](#) Короче, евреев стремились превратить в граждан второго порядка (*inferiores, quasi, infames, turpes*), [\[5, с. 76\]](#) что повело к возрождению ирано-фильских настроений в еврействе Византии. Случай для отплаты за унижение представился им в начале VII в.

В 602 г. солдаты убили императора Маврикия и возвели на престол свирепого тирана Фоку. Шахиншах Хосрой Парвиз начал войну под предлогом мести за погибшего, который был его приемным отцом, фактически же эта война ставила целью изгнание греков из Азии и Египта, т. е. восстановление Ахеменидской империи. Евреи стали на сторону персов. Они вызывали беспорядки в тылу у греков, причем успевали заручиться покровительством греческого начальства и обратить его гнев против восточных христиан — монофизитов и несториан; [\[49, с. 183–185\]](#) [\[40\]](#) что было на руку персам, так как симпатии местного населения, после карательных экспедиций из Константинополя, переходили на их сторону. Таким образом персы продвинулись до берегов Средиземного моря.

Самое страшное произошло в 615 г. в Иерусалиме, где после капитуляции города персы взяли в плен от 62 до 67 тыс. человек. [\[49, с. 20\]](#) Не имея возможности перегнать живой товар через Сирийскую пустыню без больших потерь, персидские воины охотно распродавали рабов и рабынь. «Иудеи же, из-за своей вражды, покупали их по дешевой цене и убивали их», [\[49, с. 263\]](#) — пишет в 1234 г. Сирийский аноним, т. е. человек, не имеющий личной заинтересованности, а следовательно, и пристрастия. Там же он сообщает, что иудеи «были уведены из Иерусалима», т. е. просто вернулись на родину предков, в Месопотамию. Здесь они уже после заключения мира в 629 г. убедили персидский гарнизон оборонять от греков Эдессу, которая должна была быть возвращена Византии по условиям мирного договора. При этом они обеспечили себе безнаказанность, послав к императору Ираклию парламентаря, который вымолил своим соплеменникам прощение, а персидские воины погибли от рук византийцев. [\[49, с. 270\]](#)

Византийское правительство то ли не видело, то ли не хотело видеть реального соотношения сил. Ираклий мечтал о воссоединении монофизитства с православием. Для этого он предложил компромисс — доктрину монофелитства, согласно которой у воплощенного Слова два тела — божественное и человеческое — и одна воля — божественная. Эту доктрину не приняли ни греки, ни сирийцы с египтянами, ни персидские несториане, ни папа. Сторонников это учение обрело только в горах Ливана, но и там их было очень мало, так как горцы Ливана, равно недоброжелательно относившиеся и к грекам, и к сирийцам, были

реликтовым этносом.

На этом фоне общего отчуждения Ираклий сохранил свои симпатии к евреям и даже очень их выручил. [\[57, с.276\]](#) Западные евреи, проникшие на берега Рейна в римскую эпоху, сильно пострадали от вторжений германцев в V в., но на берегах Роны и Гаронны они жили спокойно и богато. Меровинги относились к евреям без симпатии, и в 629 г. король Дагоберт решил изгнать их из своих владений. Но император Ираклий вмешался, и изгнание не состоялось. [\[57, с. 241–243\]](#)

Чем руководствовался Ираклий — непонятно. Может быть, он обратил внимание на то, что в Аравии уже начались кровавые столкновения между еврейскими общинами и сторонниками нового пророка — Мухаммеда, а может быть, были мотивы, нам неизвестные. Однако в любом случае сделка проходила за счет христианских народов Ближнего Востока, причем проиграть могли либо греки, либо персы, а евреи только выигрывали.

Столь откровенная изменническая позиция вызвала озлобление против евреев сирийских и аравийских семитов, почему это трудно назвать антисемитизмом. Результатом была договоренность, достигнутая в 637 г. между епископом Софронием и халифом Омаром. Епископ сдал халифу Иерусалим, с тем «чтобы евреи не жили в Иерусалиме», [\[49, с. 285\]](#) после чего Омар велел построить на месте Соломонова храма мечеть.

С мусульманами иудеи не ладили куда категоричнее, чем с христианами. Первые конфликты произошли еще в Медине, с самим пророком. Побежденные в уличных схватках иудеи покинули Аравию и поселились в Палестине, у Генисаретского озера, поскольку эта страна находилась тогда под властью персов. Потом некоторые из них ушли в Иран вместе с отступавшими персами, страшась возмездия сирийских христиан. Однако к 650 г. те и другие попали под арабское иго. Персы перенесли это довольно легко, так как приняли ислам, но евреям вероотступничество было противно. Они нашли другой выход — шиизм как способ раздробления мусульманской общины [\[прим. 12\]](#).

Некий Абдулла ибн-Сабах — иудей, перешедший в ислам, выдвинул в 653 г. учение, на первый взгляд правомерное, что перед концом света пророк Мухаммед вернется в мир, а пока его должен замещать тот, кто при жизни был его помощником, т. е. Али и его потомки. Здесь таилось зерно не только тогдашнего раздора — претензии Али на престол, но и позднейшего шиизма, [\[45, т. I, с.332\]](#) прививавшегося у персов лучше, чем у арабов. Так была создана идеологическая основа гражданских войн, вызвавших относительно быстрое распадение халифата.

Нет, мы не будем здесь излагать историю многих восстаний и подавлений, убийств и предательств, игры ума и безумия страстей человеческих; жертвами этой войны стали Али (зарезан в 661 г.) и его сын Хуссейн (пал в бою в 680 г.), покинутые друзьями и сподвижниками. Однако те, «раскаявшись», снова восстали и снова были разбиты в 690 г., вслед за чем последовали очередные экзекуции.

Вот тогда и покинули злосчастную Персию евреи. Они прожили в этой стране 1200 лет, пользуясь покровительством законов и сочувственной поддержкой венценосцев. Но когда законы Ирана заменил шариат, а шахов — назначенные эмиры (уполномоченные), евреи вновь обратились к поискам «земли обетованной». Сами они представляли себе эту миграцию так: «И было в лето 4450 (т. е. в 690 г.), и усилилась борьба между исмаильтянами и персами в ту пору, и были поражены персы ими (арабами), и пали они под их ноги, и спаслись бегством многочисленные евреи из страны Парас, как от меча, и двигались они от племени к племени, от государства к другому народу и прибыли в страну Русию и землю Ашкеназ и Швецию и нашли там много евреев...» [\[5, с. 78–79\]\[прим. 13\]](#).

Этот текст показывает многое. Страна Русия уже была в VII в.; в Германии (Ашкеназ) и Швеции, еще языческой, есть еврейские колонии, а вот Хазарии в списке нет, хотя в 737 г. арабский завоеватель будто бы принудил «персов-огнепоклонников, хазар, поклонявшихся тельцу, и некоторых исполнявших закон Мусы» принять ислам [\[прим. 14\]](#). На самом деле это было только пожелание Мервана II, оставшееся без последствий. А в 690 г. хазары под предводительством тюркютов по происхождению, принцев царственного рода Ашина, ставших ханами Хазарии, громили Закавказье и удерживали до 693 г. Дербент. Как же евреи могли не заметить такую сильную державу? — Только не видя ее!

Значит, путь еврейских эмигрантов из Ирана пролегал не через северокавказские степи, в те годы обгаренные болгарской и аланской кровью, а только через Малую Азию и Черное море к устью Днепра и в Русию, а оттуда — в земли, где уже были колонии западной ветви евреев, оставшихся в Европе после распада Римской империи.

Но если так, то кто в Хазарии «исполнял закон Мусы»? Очевидно, те евреи, которые бежали на Кавказ вместе с маздакитами. Они в 690 г. очень хорошо помнили кровавые столкновения внутри еврейской общины Ирана, с полным на то основанием опасались своих соплеменников и

отказали им в убежище. Зато их потомки в VIII в. поступили по-иному, так как маздакитская трагедия была забыта потомками ее участников.

Итак, сирийские Омейяды оказались врагами обеих ветвей иудеев: маздакитской и ортодоксальной. Первые были союзниками хазар, вторые обрели убежище среди христиан. Такая расстановка сил дает право заключить, что во время сражения за Константинополь в 717–718 гг., когда Лев Исавр сжег арабскую эскадру «греческим огнем» и отбросил изнуренную голодом сухопутную армию от стен столицы, евреи сражались на стороне христиан.

Силы арабов были скованы на всех фронтах. В Испании в 718 г. непокорившиеся христиане образовали королевство Астурию. В Средней Азии тюргеши договорились с Китаем, заключили мир с Тибетом, союзником халифата, и поддержали восстание согдийцев, только что завоеванных, но не смирившихся. Хазары же принудили арабскую армию к отступлению и перенесли военные действия сначала в Азербайджан, потом в Армению (721–722 гг.), им помогли уцелевшие огнепоклонники-персы и поклонники Мусы — евреи. Вождь евреев, носивший тюркское имя Булан (Лось), отличился в этом походе, вследствие чего повел себя самостоятельно: он восстановил еврейские обряды для своего народа [\[прим. 15\]](#).

«Обращения хазар» в иудаизм не было, да и быть не могло, так как в средние века прозелитические религии — христианство и ислам — резко противопоставлялись древним религиям, где к исполнению культа допускались только члены рода, даже в том случае, если род вырос в этнос. Персом-огнепоклонником или индусом — членом высшей касты надо было родиться, но нельзя было стать. Если же возникала необходимость принять в свою среду чужого или приобщить к себе иное племя, то выдумывались фальшивые генеалогии, чтобы оправдать нарушение принципа. Так, шах Иездегерд, решив увеличить конное войско, предложил армянским нахрамам стать зороастрийцами на том основании, что эти знатные люди вели происхождение от парфян — Аршакидов. Когда же те отказались отречься от христианства, дело заглохло.

Иудаизм — это культ народа, «избранного Яхве», и потому редкие новообращенные считались «проказой Израиля». Евреи мирно соседствовали с хазарами, ходили вместе в походы, но молились отдельно, справедливо полагая, что для хороших отношений с соседями нет необходимости делать их похожими на себя или, наоборот, лицемерно подделываться под них. Даже забыв большую часть сложных предписаний Талмуда, что было неизбежно для пастушеского племени, где юношам негде и некогда учиться даже просто грамоте, потомки евреев-маздакитов не растворялись в среде окружавших их племен Дагестана. Они к этому не стремились, да и те бы их в свою среду не приняли. Заслуга Булана была в другом: он удалил из своей страны идолослужителей и убедил других князей и верховного князя евреев восстановить забытую веру; он соорудил шатер, ковчег, светильник, стол-жертвенник и священные сосуды, [\[3, с. 269\]](#) т. е. восстановил еврейские обряды для своего народа. В сочинении Иехуды б. Барзилая, еврейского автора XI в., это сообщение переведено так: «Хазары стали прозелитами и имели царей прозелитов (иудаизма)». [\[67\]](#) Однако С. Шишман указывает, что слово *ger* в Библии означает чужеземца, инкорпорированного другим народом и получившего права члена племени, которое его приютило. [\[70, с. 327\]](#) Значение «прозелит» это слово приобрело позже. Судя по общему ходу событий, древнее значение в данном случае предпочтительнее, ибо Булан принял не раввинизм, а караизм. [\[69, с. 68–76\]](#)

И пусть не смущает читателя, что евреи, жившие в Хазарии, именуются хазарами. Это обычное для этнонимов обобщение, когда субэтнос на чужбине принимает название этноса. Так, бретонец в России назовет себя французом, а карел во Франции — русским. Для иноземцев хазары — это люди, живущие в Хазарии и подчиняющиеся власти Хазарского каганата. Но для

самых обитателей страны, а равно и для ее исторической судьбы различия на субэтническом уровне заметны. Иногда они не имеют большого значения, но при некоторых обстоятельствах их роль возрастает. Так произошло в Хазарии во второй половине VIII в., когда туда стали приезжать еврей-раввинисты из Византии.

В 723 г. император Лев III Исавр издал указ о насильственном крещении всех евреев, находящихся в пределах Византийской империи [\[прим.16\]](#). Этот указ был издан после победы над арабами и за год до начала борьбы против почитания икон. Зачем ему это понадобилось?

Ответа на этот вопрос в источниках нет, значит, следует искать смысл указа исходя из общей ситуации. Малоазийские христиане, а также монофизиты и несториане были противниками иконопочитания и врагами арабов. Не хотел ли Лев Исавр увеличить число своих сторонников, зачислив иудеев в число христиан, дабы дать им право участвовать в будущей реформе? Это, пожалуй, наиболее вероятное толкование, так как последующие гонения обрушились не на иудеев, оставшихся в своей вере, а на православных. И наоборот, один из чиновников халифа, Иоанн Дамаскин-Мансур, писал обличение иконоборцев под покровительством Омейяда Хишама.

Считается, что этот указ вызвал эмиграцию евреев из Византии в Хазарию, но неизвестно, был ли он приведен в исполнение. Даже если так, то эмиграция шла в Хазарию, в то время союзницу Византии. И поскольку инициативу войны с арабами перехватил Булан, не исключено, что Лев Исавр создал условия для переброски боеспособного этноса на тот участок фронта, где он был необходим. Примерно так поступило византийское правительство с горцами Ливана — мардаитами: их вывели из Сирии и поместили в гарнизонах Малой Азии, чтобы использовать их опыт борьбы с мусульманами.

Реформа Булана имела еще то значение, что она порвала связи с маздакитскими традициями. Идеиные связи вольнодумных членов иудейской общины с группой вольнодумных персов оказались призрачными. Как только жизнь поставила иные проблемы, химера распалась. То, что для персов-маздакитов было органической частью сложившегося мироощущения, евреи сбросили как отсохшую шелуху. Впоследствии маздакиты, точнее, хуррамиты пытались блокироваться с христианами-иконоборцами [\[прим. 17\]](#), ибо в смертельной борьбе (815–837 гг.) с арабами и персами-мусульманами хазарские евреи не помогли своим бывшим соратникам и единомышленникам.

Зато внутриэтнические связи от идейных разногласий не пострадали. Наоборот, эмиграция византийских евреев в Хазарию была облегчена тем, что беглецов встречали единоверцы и помогали им устроиться. А так как евреи-раввинисты VII–VIII вв. были горожане, то они и селились в городах: Итиле, Семендере, Самкерце, Беленджере — и занимались в них торговлей, к чему сами хазары способностей не проявляли.

Разные межэтнические коллизии дают в этнической истории разные результаты. Тюркюты, объединившись с хазарами, повели их к победам и подарили им гегемонию над соседними этносами. Булан, около 718 г. принявший имя «Сабриэль», в 737 г. был наголову разбит последним великим Омейядом — Мерваном, который взял с хазар обещание принять веру ислама. Хазары, конечно, обещания не сдержали, тем более что уже в 750 г. Мерван был разбит Аббасидами и погиб. В Хазарии все осталось по-прежнему, за исключением того, что столицу перенесли с Терека, из Семендера, подальше от арабов, на Волгу, в Итиль. Издавна хазары жили в низовьях Волги, в дельте и пойме ее. Они занимались не столько скотоводством, сколько виноградарством и рыбной ловлей. Прекрасные голубые протоки среди зеленых лугов и густых зарослей кормили многочисленное население и столицу Итиль, расположенную на острове, образуемом Волгой и ее восточным протоком Ахтубой. Имея роскошную экономическую базу, хазары господствовали над редким населением сухих степей, окружавших их оазис, простиравшийся в то время почти до полуострова Бузачи. Это были «прикаспийские

Нидерланды», причем сходство дополнялось тем, что Итиль стал перевалочным пунктом на двух караванных путях: из Ирана в Биармию, или Великую Пермь, и из Китая в Прованс.

В IX-X вв. в Итиле жили и играли главную роль евреи, но когда они туда попали? Очевидно, надо проследить историю Византии дальше.

Следующее свидетельство о разрыве между Византией и еврейской диаспорой недвусмысленно, а дата его примечательна, так как на фоне мировой истории оно наиболее весомо: «Владелец Константинополя во время Харуна ар-Рашида (786–809) изгнал из своих владений всех живущих там евреев, которые вследствие сего отправились в страну хазар, где они нашли людей разумных, но погруженных в заблуждение (язычников. — Л. Г.); посему евреи предложили им свою религию, которую хазары нашли лучшей, чем их прежняя, и приняли ее». Этот текст, во-первых, подтверждает нашу догадку, что императоры-иконоборцы гонений на евреев не осуществляли, иначе было бы некого изгонять, а во-вторых, что эти гонения совпали с Седьмым Вселенским собором (787) и последующим преобладанием греков над малоазиатами и примыкавшими к последним евреями. Согласно логике событий, именно в последние годы VIII в. у греков появился смысл в том, чтобы стремиться избавиться от евреев, так как антипатия последних к арабам сменилась симпатией после того, как престол халифа перешел от Омейядов к Аббасидам, окруженным персидскими советниками и возобновившим традиции политики Сасанидского Ирана.

В истории повторение политической ситуации чаще всего влечет за собой восстановление расстановки сил, хотя буквальных совпадений не бывает никогда. За 250 лет самостоятельного существования Хазария выросла настолько, что из крошечного удела западнотюркютских царевичей превратилась в сильную державу, выигравшую войну у Арабского халифата. И тут-то сплелись судьбы еврейского и хазарского этносов.

Рахдониты

В середине VIII в. на всем пространстве Евразийского континента произошедшие события изменили мир таким образом, который никто не мог бы предугадать. Деморализованная франкская держава была зажата в стальной обруч Карлом Мартеллом, сын которого Пипин Короткий лишил престола «ленивых королей» династии Меровингов в 751 г.

В этом же году арабы встретились с китайцами в долине реки Талас и разбили их наголову. Две другие китайские армии: одна в Маньчжурии, другая в Юньнани, были разбиты ополчениями местных племен, и мечта о гегемонии Китая над Азией, бывшая руководящей идеей политики империи Тан, испарилась.

За шесть лет перед этим, в 745 г., пал второй Тюркютский каганат, и его богатыри погибли в боях или были убиты во время бегства. На его месте возник Уйгурский каганат, отнюдь не агрессивный и открытый культурным влияниям Ирана, но не Китая.

Но самым большим сдвигом было воцарение Аббасидов в Багдаде и начавшийся развал халифата, ибо это открыло дороги с Запада на Восток тем предприимчивым купцам, которые эти дороги изучали. Дорога по-персидски — *rah*; корень глагола «знать» — *don*; знающие дороги — рахдониты. Так называли еврейских купцов, захвативших в свои руки монополию караванной торговли между Китаем и Европой.

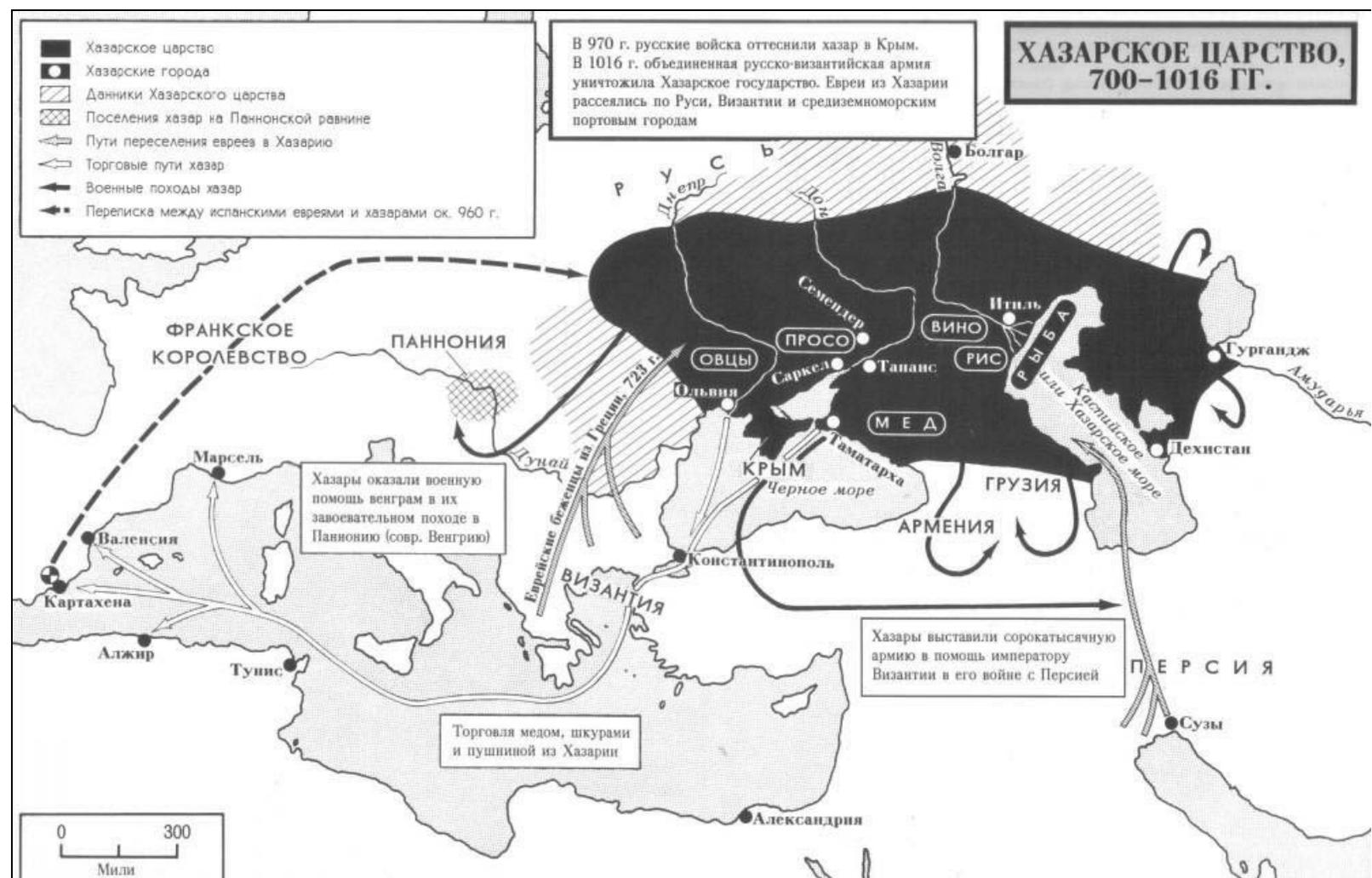

Рис. 3. Торговые пути еврейских купцов, 800–900 гг. (М. Гилберт. Атлас по истории еврейского народа. Иерусалим, 1990)

Торговля была баснословно выгодна, потому что торговали не товарами широкого

потребления, нужными для населения, а предметами роскоши. В переводе на понятия XX в. эта торговля соответствовала валютным операциям и перепродаже наркотиков. Только подобные сверхприбыли покрывали расходы на перевозку и содержание в порядке трассы, на которой сооружались купола над источниками и прудами, ставились вешки, указывающие направление дороги, строились караван-сарай для ночевки или дневок в особо жаркие дни.

От Красного моря до Китая было около 200 дневных переходов, а вокруг северного берега Каспия еще больше. Но и северным путем пользовались, так как в Аббасидском халифате восстания были делом заурядным, а хазары строго следили за безопасностью на степных дорогах. Поэтому значение Итиля как перевалочного пункта на долгом пути росло. Отдохнуть на Волге было не только удобно, но и приятно.

То, что путешествующие евреи VIII в. названы персидским словом рахдониты, показывает, что основу этой торговой компании составили выходцы из вавилонской, т. е. иранской общины, бежавшие от халифа Абд ал-Мелика в 690 г. В 723 г. к ним добавились евреи из Византии, но до тех пор, пока на границах Согда и Халифата, Китая и Тюркютского каганата шли постоянные войны, торговля встречала препятствия. Когда же эти войны прекратились, а Китай, после восстания Ань Лушаня (756–763), лежал в развалинах и продавал шелк дешево, евреи-рахдониты развернулись. Они основали не только восточный путь, по которому шел шелк в обмен на золото, но и северный — из Ирана на Каму, по которому текли меха в обмен на серебро. Хазария лежала как раз на перекрестке этих путей. Сюда и устремились эмигранты из Ирана и Византии.

Тюркютские ханы из династии Ашина по свойственной степнякам религиозной терпимости и благодушию считали, что их держава приобретает работающих и интеллигентных подданных, которых легко использовать для дипломатических и экономических поручений. Богатые евреи подносили хазарским ханам и бекам роскошные подарки, а красавицы еврейки пополнили ханские гаремы. Так сложилась еврейско-хазарская химера.

Для евреев-рахдонитов было, вероятно, досадно лишь то, что попытка Булана добиться гегемонии в политической жизни Хазарии разбилась об арабское мужество, и военная власть осталась в руках тюрко-хазарской знати, ладить с которой было не всегда легко.

Описанный процесс занял вторую половину VIII в. За это время хазары перенесли военные действия против арабов в Закавказье и в отместку за разрушение Семендера и Беленджера опустошили Азербайджан. Об участии в этих операциях евреев, как старых, соратников Булана, так и новых — рахдонитов, сведений нет.

Не преуспев в военном деле, хазарские евреи наверстали потери любовью. В конце VIII в. между Терекон и Волгой появилось множество детей от смешанных еврейско-хазарских браков. Однако судьба их была различна в зависимости от того, кто был отцом ребенка, а кто матерью. И вот почему.

Все евразийские племена считали ребенка членом рода отца. Законнорожденный ребенок имел долю в родовом имуществе, право на защиту, взаимопомощь и участие в родовых культах. Род был элементом этноса и культуры; следовательно, членство в роде определяло этническую принадлежность; происхождение матери в расчет не принималось.

У евреев этническая принадлежность совпадала с принадлежностью к общине. Право быть членом общины, а следовательно евреем, определялось происхождением от еврейки. Во II в. до н. э. это правило дало возможность включить в состав евреев родственные семитские племена, например идумеев, амалекитян, моавитян, но в средние века оно вело к изоляции еврейских этносов, особенно в странах Европы и Евразии, где браки с еврейками возбранялись христианской и мусульманской религиями. В Хазарии таких ограничений не было.

Получалось, что сын хазарина и еврейки имел все права отца и возможности матери. Т. е. его обучали еврейские раввины, община помогала ему делать карьеру или участвовать в

торговле, род отца защищал его от врагов и страховал в случае несчастий от бедности. А сын еврея и хазарки был всем чужой. Он не имел прав на наследование доли отца в родовом имуществе, не мог обучаться Талмуду в духовной еврейской школе, не получал поддержки ни у кого, кроме своих родителей, да и та была ограничена родовыми обычаями и религиозными, еврейскими законами. Этим беднякам не было места в жизни. Поэтому они ютились на окраине Хазарии — в Крыму, и исповедовали караизм, не требовавший изучения Талмуда, а читать Пятикнижие их могли научить любящие, но бессильные против велений закона, отцы. Их потомки составили крошечный этнос крымских караимов, антропологические черты коих совмещают тюркский и ближневосточный типы. [\[1, с. 184–285; ср. поправку интерпретации: 26\]](#) Симпатии их были обращены к аборигенам: хазарам, болгарам, готам, аланам, а не к их двоюродным братьям, делавшим в богатом Итиле «карьеру и фортуна».

Иудейская община в Итиле не только накопила огромные богатства, но и включила в свой состав ханов тюркской династии Ашина. Тюрки сохранили обычай многоженства, женились на прекрасных еврейках, а дети их, оставаясь царевичами, становились членами иудейской общины. Они изучали Тору и Талмуд, общались с родственниками своих матерей и женились по их совету на соплеменницах из числа богатых невест. Так постепенно произошло разделение хазарской знати и народа, тихо жившего в роскошном оазисе дельты Волги, не принимая участия в делах государства, которые перестали его касаться. Но оставалась старая племенная аристократия; с ней дело обстояло сложнее. Решение проблемы пришло только в IX в.

Можно было бы отметить, что для персистентного этноса хазар тюркские беги и тарханы были столь же чужды, как и иудейские купцы. Действительно, хазары получили от династии Ашина только одно благо — защиту от внешних врагов и безопасность, а это быстро забывается, так как становится привычным. Поэтому социальный момент — нелюбовь народа к аристократии, даже не своей, а пришлой, имела место в хазарском обществе. Евреи же были вне этого антагонизма, потому что они жили замкнутыми колониями и с местными жителями общались мало.

Однако характер тюрко-хазарских и иудео-хазарских взаимоотношений был диаметрально противоположен. Тюрки награждали хазарок детьми, которые вырастали хазарами с повышенной пассионарностью. Евреи извлекали из хазарского этноса детей, либо как полноценных евреев (мать еврейка), либо как бастардов (отец еврей), чем оскудняли этническую систему, а тем самым вели ее к упрощению. При непосредственном наблюдении казалось, что здесь просто цепь случайностей, но на самом деле это был направленный процесс, который за 80 лет (считая от Булана) дал весьма ощутимые результаты: в стране появилась популяция людей, говоривших по-хазарски, имевших родственников из числа хазар и тюрков, адаптированных в ландшафте, но не бывших хазарами по этносу и культуре. Для иностранцев, писавших о Хазарии по внешним беглым впечатлениям, казалось, что эти люди — хазары иудейского вероисповедания, но ни евреи, ни настоящие хазары не заблуждались ни на минуту.

Если в отношении хазар доказательства не требуются, то средневековые евреи зафиксировали, что считают своих хазарских единоверцев потомками колена Симонова и полуколена Манасиева, обитающими «в стране Козраим, в далеко от Иерусалима... Они бесчисленны и забирают они дань от 25 государств, и со стороны исмаильтян платят им дань по причине внушаемого ими страха и храбрости их». [\[5, с. 84\]](#)

Приведенный текст характеризует ситуацию не VIII в., а IX-X вв., причем весьма точно. В первое десятилетие IX в. произошли события, когда сочетание двух суперэтносов преобразило зону этнического контакта в социально-культурную, а не только этническую химеру.

И грянул гром...

В то десятилетие, когда патриций Никифор взошел на престол в Константинополе (31. X. 802), а халиф Харун ар-Рашид казнил своих лучших помощников и верных друзей — Бармекидов (27.1.803), в Хазарском каганате некий влиятельный иудей Обадия взял власть в свои руки, превратил хана из династии Ашина (по отцу) в марионетку и сделал раввинистский иудаизм государственной религией Хазарии.

Обстоятельства, при которых произошел этот не столь религиозный, сколь государственный переворот, прикрытый множеством легенд ^[прим. 18], которые все без исключения представляются вымышленными с одной целью — утаить от народа и истории истинное положение дел. Неизвестно даже, кем был Обадия. Видимо, он не принадлежал к числу местных евреев, потомков соратников Маздака, безграмотных и храбрых воинов — караимов, вроде Булана. Об Обадии сказано: «Он был человек праведный и справедливый. Он поправил (обновил) царство и укрепил собрания (синагоги) и дома ученых (школы) и собрал множество мудрецов израильских, дав им много серебра и золота, и они объяснили ему 24 книги (Священного Писания) Мишну, Талмуд и весь порядок молитв, принятых у хаззанов. Он боялся Бога и любил закон и заповеди». ^[38. с. 80. 97] Уже из этого одного видно, что Обадия не был ни караимом, ни хазарином ^[прим. 19].

Нет, эта характеристика показывает, что Обадия был человек интеллигентный и имевший связи в еврейской диаспоре. Для «мудрецов израильских» он не пожалел хазарского «серебра и золота», чтобы только эти мудрецы согласились пожаловать в Итиль. А если сопоставить с этим фактом общеизвестное обстоятельство, что для политического переворота нужны деньги и организация, то видно, с какими кругами был связан Обадия. От смены власти выиграли не хазары и не хазарские евреи, а приезжие иудеи и еврейская община в целом. А коль скоро так, то, значит, они и организовали переворот, сохранив при этом легитимный принцип. Законный хан из рода Ашина стал иудеем, т. е. принял веру своей матери и был принят в общину. Все государственные должности были распределены между евреями, причем сам Обадия принял титул «пех» (бек), переведенное на арабский язык как «малик», т. е. царь. Это значит, что он возглавил правительство при номинальном хане (кагане), находившемся с этого времени под стражей и выпускаемом напоказ народу раз в год. А для народа хазарского значение переворота определил царь Иосиф, глава иудейской общины Итиля, написав: «И с того дня, как наши предки вступили под покров Шехины (присутствие божества) ^[прим. 20], он подчинил нам всех наших врагов и ниспроверг все народы и племена, жившие вокруг нас, так что никто до настоящего дня (около 960 г. — Л. Г.) не устоял перед нами. Все они служат и платят нам дань — цари Эдома (язычники) и цари исмаильтян (мусульмане)». ^[38. с.80. 97] Да, дело было выгодное.

А теперь отвлечемся на минуту от описания хода истории, чтобы попытаться понять ее смысл. Переворот Обадии — явление отнюдь не заурядное, более того — исключительное. Оно не укладывается в обычную закономерность этногенеза, ни тюрко-хазарского, ни еврейского. Тюрко-хазары находились в конце инерционной фазы хунно-сяньбийского степного суперэтнуса, вобравшего в себя угров, хионитов, динлинов, куманов и выработавшего определенный стереотип поведения и мировоззрение, т. е. культуру. Евреи были моложе. Они только что миновали фазу надлома и раскола этнического «поля». Будучи ровесниками византийцев и славяно-русов, евреи отличались от них тем, что освоили не природный, а антропогенный ландшафт — города от Чанъани до Тулузы и караванные пути. Неизбежная взаимосвязь ландшафта с этносом чуть-чуть деформировалась, и этого оказалось достаточно, чтобы этническая система превратилась в жесткую, точнее — полужесткую. Это означало, что этнос превратился в общественный слой, без чего были бы немислимы и переворот Обадии, и

последующее процветание Иудео-Хазарии.

Однако жесткие системы автоматически исключаются из природного саморазвития. Их активность растет за счет постоянных встреч с окружением, и она даже больше, чем у природных этносов, но «возраста» такие системы не имеют. Поэтому появление их среди природных (натуральных) этногенезов деформирует или, точнее, искажает обычный ход этногенезов региона, т. е. создает «зигзаги», не предусмотренные ни природой, ни наукой. Но это делает проблему заслуживающей особого внимания.

Не следует полагать, что созидание химер — явление исключительное и что евреи здесь сыграли уникальную роль. Нет, аналогичные последствия возникают всюду, где возникают неорганичные контакты на суперэтническом уровне. Так, в III в. до н. э. потомки диадохов и эпигонов осели в городах Бактрии и Сирии, а наследники героев Турана — парфяне — стали господствующим классом в растерзанном Иране.

И македонские династы — Птолемеи и Селевкиды, и парфянские шахи — Аршакиды — в течение трех веков оставались для своих подданных чужаками. Антипатия к македонянам затем распространилась на римлян. Поэтому до пассионарного взрыва I–II вв. население Сирии и Египта было этнической химерой. Можно было бы привести еще несколько столь же ярких примеров, но некогда... Нам надо вернуться на Нижнюю Волгу.

Обращать в иудаизм население Хазарии никто и не собирался. Иудейские мудрецы хранили Завет Иеговы для избранного народа, которому теперь достались все накопленные блага, связанные с руководящими должностями.

Переворот, жертвой которого стала родовая аристократия всех этносов, входивших в Хазарский каганат и уживавшихся с тюркской династией, вызвал гражданскую войну, где на стороне повстанцев выступили мадьяры, а на стороне иудеев — нанятые за деньги печенеги. Сведения об этой войне между народом и правительством содержатся у Константина Багрянородного: «Когда у них произошло отделение от их власти и возгорелась междоусобная война, первая власть одержала верх, и одни из них (восставших) были перебиты, другие убежали и поселились с турками (здесь — венграми. — Л. Г.) в (нынешней) печенежской земле (в низовьях Днепра. — Л. Г.). заключили взаимную дружбу и получили название кабаров» [\[прим. 21\]](#).

Эта война была беспощадной, так как, согласно вавилонскому Талмуду, «неиудей, делающий зло иудею, причиняет его самому Господу и, совершая таким образом оскорбление Величества, заслуживает смерти» (из трактата «Санхедрин», без указания листа и колонки).

Для раннего средневековья тотальная война была непривычным новшеством. Полагалось, сломив сопротивление противника, обложить побежденных налогом и повинностями, часто военной службой во вспомогательных частях. Но поголовное истребление всех людей, находившихся по ту сторону фронта, было отголоском глубокой древности. Например, при завоевании Ханаана Иисусом Навином запрещалось брать в плен женщин и детей и оставлять им тем самым жизнь. Даже предписывалось убивать домашних животных, принадлежавших противнику. Обадия возродил забытую древность.

После этой войны, начало и конец которой не поддаются точной датировке, Хазария изменила свой облик. Из системной целостности она превратилась в противоестественное сочетание аморфной массы подданных с господствующим классом, чуждым народу по крови и религии. Называть сложившуюся ситуацию феодализмом нет оснований. Да и может ли этносоциальная химера принадлежать к какой-либо формации? А то, что Обадия выступал как представитель хазарского правительства, отнюдь не говорит о том, что его волновала судьба народа и государства. Просто он использовал право на дезинформацию, что, впрочем, предписывалось его религией, по отношению к которой он был честен.

Иудеям, видимо, весьма помог принцип легитимизма. Их власть названа «первой», а следовательно, она считалась законной, как в случае с Маздаком. Так или иначе в 20-х годах IX в. новый порядок в Хазарии одержал полную победу, с небольшими утратами территорий, подчинившихся языческим каганам.

Крымская Готия — православная страна — отпала от Хазарии и присоединилась к Византии. Сильно пострадали хазарские мусульмане, которым не мог подать помощи багдадский халиф, так как его силы были скованы восстанием Бабека, т. е. хуррамитов, последних маздакитов. Хазарские иудеи покинули своих бывших союзников в беде, но благодаря этому установили дипломатический контакт с Багдадским халифатом, чем обеспечили себе сверхвыгодную торговлю на берегах Каспийского моря.

Решающее слово в этой беспощадной войне должно было сказать собственно хазарское население долин Терека, Дона и Волжской дельты, но оно промолчало. Инертность персистентного этноса обрекла на гибель его беков, тарханов и эльтеберов и на поражение — его союзников — мадьяр, бежавших за Днепр, в страну Леведию. [\[З. с. 341\]](#) Там, по соседству с другим каганатом, языческим и могучим, беглецы обрели некоторую безопасность. Зато иудеи

построили в 834 г. крепость Саркел для защиты от западных врагов, которыми были не только степные мадьяры, но и Русский каганат в Киеве. ^[27] Гарнизон крепости состоял из печенегов или, может быть, гузов. ^[3. с. 328]

Пассивность хазар спасла их от жестоких экзекуций, но больно отозвалась на судьбе их детей и внуков. В VIII в. ханы Ашина руководствовались в политике, внешней и внутренней, интересами своих подданных. Еврейские цари таких целей себе не ставили. Они подавляли внутренних врагов иудаизма, а не Хазарии. Ликвидировав церковную организацию хазарских христиан, они запретили ее восстанавливать. В 854 г. хазары-мусульмане были вынуждены эмигрировать в Закавказье. ^[3. с. 329]

Увеличение числа подданных, плательщиков дани, было в интересах нового правительства. Поэтому во второй половине IX в. западной границей Хазарии стал Днепр. Славянские племена — северяне, вятичи и радимичи — стали хазарскими данниками; тиверцы и уличи, обитавшие в низовьях Буга и Днестра до устьев Дуная, видимо, были союзниками хазарского царя в непрекращавшейся войне с мадьярами; это видно из того, что, по летописи, Олег без боя подчинил себе северян и радимичей в 884–885 гг., а «с уличами и тиверцами воевал». А коль скоро так, то естественными союзниками уличей были хазары, как враги киевского князя. Но поляне, вопреки прямому показанию летописца, в IX в. дани хазарскому царю не платили. ^[27] В Киеве сидели русские каганы Дир и Аскольд, прямые потомки Кия, а вовсе не сбежавшие от Рюрика конунги. ^[8. с. 172] В этом случае, как и в большинстве других случаев, данные исторического анализа предпочтительнее сведений из аутентичного источника.

Химера на Волге

Если Хазарию VIII в. можно было назвать этнической химерой, то в IX–X вв. она превратилась в химеру социально-политическую. Христиане не принимали участия в гражданской войне, избегали расправы и продолжали пользоваться покровительством заморских единоверцев. Но язычникам-аборигенам не на кого было надеяться. Они, правда, умели ходить в походы под чужими знаменами, но новым правителям их помощь была не нужна.

Боевую силу хазарские иудеи нанимали. Сначала они использовали печенегов против мадьяр, но во второй половине IX в. поссорились с ними и заключили союз с гузами. Около 889 г. гузы потеснили печенегов, и те передвинулись на берега Днепра, где продолжили войну с мадьярами, не забывая хазар. В 915 г. печенеги впервые появились на границе Руси, но об этом речь впереди. Гузы тоже недолго оставались в дружбе с хазарскими иудеями, и тем пришлось искать очередной источник военной силы. Он нашелся на юго-восточном берегу Каспия. Тамошние мусульмане охотно нанимались на службу в Хазарию, оговорив только, что их не пошлют воевать против мусульман. Постоянный корпус наемной гвардии в Итиле в X в. состоял из 7 тыс. воинов. [\[44, с. 194\]](#) Этого было довольно для удержания в покорности и окраин каганата, и собственного народа, и даже для внешних войн малого масштаба. Завоевательных войн в Закавказье иудейская Хазария в IX в. не вела, но, несмотря на это, описанная здесь система управления стоила дорого, куда дороже, чем тюркская. И за все приходилось платить самим хазарам, превратившимся в собственной стране в покоренных бесправных подданных правительства, чуждого им этнически, чуждого по религии и задачам.

Можно было бы возразить, что бюджет Хазарского каганата неизвестен. Так-то оно так, но известен бюджет Багдадского халифата, где в 869 г. на годовое жалованье и рационы 70 тыс. наемных тюрок и берберов [\[45, т. II, с. 213\]](#) шло 2 млн золотых динариев, что равнялось двухлетней сумме хараджа [\[прим. 22\]](#). [\[45, т. II, с. 216\]](#) Таковы были цены на воинов в IX в., а Хазария была меньше и беднее халифата.

Платя воинам большое жалованье, хазарское правительство предъявляло им оригинальное требование: войскам запрещалось терпеть поражение. Невыполнение боевого задания, т. е. бегство от противника, каралось смертью. Исключение делалось только для предводителя и его заместителя, которые были не наемники, а иудеи. Но зато подлежали конфискации их имущество, жены и дети, которых у них на глазах царь раздаривал своим приближенным. Если же у них не было смягчающих обстоятельств, то их тоже казнили. [\[37, с. 147\]](#)

Очевидно, что воины, особенно рядовые, далеко не всегда могут быть виноваты в неудаче операции. Поэтому лишать их возможности доказать свою невиновность — несправедливо. Но если подойти к делу по-иному, то появится жесткая логика: воины не свои, им платят, и за эти деньги они предоставляют хозяевам свою жизнь; следовательно, хозяин может распорядиться проданной жизнью как купленной вещью, а поскольку предложение превышало спрос, то практичнее было использовать «покупку» до предела, с максимальной выгодой для себя. Значит, мусульманские наемники рассматривались не как люди, точнее, не как личности, а только как капиталовложение, которое должно было принести прибыль. С точки зрения евразийских кочевников, славян, византийцев, арабов и даже германцев, такое отношение было недопустимо даже к боевым лошадям и охотничьим собакам. Тем не менее охотники заработать находились, и иногда «хазарская» армия увеличивалась до 12 тыс. всадников. Ясно, что средства на оплату воинов правительство Хазарии получало не с рахдонитов, ехавших из Китая в Испанию и из Ирана в Великую Пермь. При увеличении пошлин купцы сменили бы маршруты караванов. Следовательно, расходы покрывались данью с «Эдома и исмаильтян», т. е. хазары оплачивали

свое закабаление сами. Именно потому, что транзитная торговля была смыслом жизни для еврейской общины в Хазарии, а в соответствии с этим принципом мусульманские купцы и сопровождавшие их географы встречали в Итиле исключительно вежливое обращение, возникло одностороннее суждение, сформулированное в юношеской работе В. В. Григорьева: «Необыкновенным явлением в средние века был народ хазарский. Окруженный племенами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных: устроенное правление, обширную, цветущую торговлю и постоянное войско. Когда безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали друг у друга владычество над Западной Европой, держава хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в нее отовсюду. Как яркий пример блистала она на мрачном горизонте Европы и погасла, не оставив никаких следов своего существования».

[13, с. 66]

В самом деле, город Итиль поражал путешественников своими размерами. Расположенный на обоих берегах Ахтубы, Итиль раскинулся на 8-10 км вдоль левого берега и на прекрасном зеленом острове в пойме, где помещался дворец царя. Иудейское население города исчислялось в 4 тыс. мужей, а кроме того, там были хазары, исповедовавшие иудаизм, очевидно дети от смешанных браков. Прочие хазары были христианами, мусульманами или исповедовали веру отцов.

[31, с. 140–143]

Синагоги, мечети, церкви, огромные базары, полные дешевой баранины, разнообразной рыбы, прекрасных арбузов, детей обоих полов, продаваемых в рабство, корабли, спускающиеся по Волге, и караваны, подходящие к городу с востока и запада, — все это производило сильное впечатление на очевидцев, а их описания умиляли историков XIX в.

И тем не менее Истахри и Ибн-Хаукаль сообщают: «Хазары не производят ничего и не вывозят ничего, кроме рыбьего клея»,

[31, с. 141]

но для народа такая торговля приносила мало дохода из-за поразительной дешевизны рыбы. Тяжелый труд хазарских рыбаков оплачивался минимально.

Веротерпимость Хазарского каганата была вынужденной, ибо обеспечивала доходы от транзитной торговли. Но как только кто-либо задевал интересы зарубежных иудейских общин, хазарский царь (не каган) отвечал репрессиями. В 922–923 гг. мусульмане разрушили синагогу в городе Дар-ал-Бабунадж

[прим. 23]

. За это хазарский царь разрушил минарет в Итиле и казнил ни в чем не повинных муэдзинов, заявив: «Если бы я не боялся, что в странах ислама не останется ни одной неразрушенной синагоги, я обязательно разрушил бы и мечеть».

[31]

Но мусульманские купцы покупали у него рабов — печенежских и славянских юношей, платили ему пошрины, переплачивали за продукты на базаре и служили посредниками при найме свирепых и хорошо обученных всадников и стрелков. Мир с ними был доходнее войны, даже победоносной.

Среди восторженных отзывов современников о хазарских порядках есть и охлаждающие пыл восторга. Хазары в апреле выезжали на свои поля и бахчи, а осенью привозили урожай в Итиль для уплаты налогов на содержание кагана, а следовательно, и его приближенных. Для них же ловили в Волге красную рыбу «вкуснее мяса жирного ягненка и мяса курицы». Перед начальниками хазары были обязаны падать ниц, а самое печальное, что дети хазар-идолопоклонников продавались на невольничьих базарах в странах ислама, причем ни иудеи, ни христиане не продавали в рабство своих единоверцев.

[31, с. 148]

Видимо, местное население Хазарии, лишенное даже той организации, которую дает конфессиональная община, было полностью незащитно перед грозными сборщиками налогов, чужими по крови и религии.

Вот откуда добывались средства для оплаты хорезмийских и гурганских воинов, державших в подчинении тех, кто их кормил. А жили они в гостеприимном Итиле вместе с женами и

детьми. [\[31, с.156\]](#)

Кроме мусульманской гвардии, номинально охранявшей кагана, царь-иудей имел 4 тыс. мужей [\[31, с.164\]](#) в своей свите. У тех были тоже жены и дети, которые рыбу не ловили и на полях, раскаленных летним солнцем, не работали.

Б. Н. Заходер считает, что «эксплуатируемое хазарское население находилось в значительно более тяжелом положении, чем крестьянство на мусульманском Востоке». [\[31, с. 144\]](#) К тому же мусульманские крестьяне частыми возмущениями умеряли произвол чиновников, а в Хазарии не было ни одного мятежа! И отнюдь не потому, что хазары были так счастливы.

Хазар нельзя винить, так как их положение было не только тяжелым, но и безнадежным. Любое восстание их против правительства, располагавшего регулярной армией, было обречено. В протоках и зарослях дельты легко было прятаться от чужих, но не от своих, знающих расположение деревень и рыбных угодий. Потенциальные вожди хазар либо погибли в войне с Обадией, либо бежали к венграм. Как памятник безжалостной расправы правительства с собственными подданными стоят развалины хазарского замка на правом берегу Дона у станицы Цимлянской. Этот замок, по мнению первооткрывателя, был уничтожен за то, что его владелец принял участие в борьбе против иудаизации Хазарии. [\[50, с. 63\]](#) Репрессии итильского правительства против мятежников были в первой половине IX в. столь радикальны, что соотношение сил пришлого правительства и побежденного народа стало очевидным для тех и других.

Эта ситуация укрылась от поверхностных взоров арабских путешественников тем более легко, что дети от смешанных еврейско-хазарских браков и даже сами евреи в X в. стали называть себя хазарами. Потому-то арабские географы различали «черных» и «белых» хазар как два разных этноса, живущих совместно в одном государстве (см. выше). Поэтому-то и нужно ввести два термина: «иудео-хазары» и «тюрко-хазары»

Забегая вперед, скажем, что в XI в. потомки тюрко-хазар (аборигенов) отказались от своего этнического имени и стали называть себя сначала по-славянски бродниками, а потом по-тюркски казаками. Тогда этноним «хазар» сохранился за потомками евреев, но лишь до конца XI в., когда этнос исчез с исторической сцены.

Обычно памятники переживают людей. Однако от хазар-язычников остались лишь бедные погребения в дельте Волги, а от хазар-христиан и мусульман не осталось ничего. Это странно!

А где же искусство?

В самом деле, почему ничего не осталось от хазар, тогда как хуннские курганы полны шедевров,^[52] тюркские и половецкие «каменные бабы» обнаружены в огромном числе, уйгурские фрески украшают галереи Эрмитажа и Берлинского музея, и даже от древних угров сохранились барельефы с изображениями воинов и пленников?^[прим. 24] Хазарские сосуды лишены орнамента,^[19] обнаруженные крепости хазарского времени построены небрежно,^[7, с. 12–13] а изображений людей вообще нет. Закономерно это или просто археологические поиски были неудачны?

Нет, археологи работали добросовестно. Но предметов изобразительного искусства из стойких материалов в Хазарии IX-X вв. не было, да и быть не могло, хотя хазары по способностям отнюдь не уступали своим степным и горным соседям. Ведь производить памятники культуры можно лишь тогда, когда есть заказчик, способный оплатить работу художника. В Хазарии могло платить правительство, а оно состояло из людей, принципиально отрицавших изобразительное искусство.

Древние евреи, современники Моисея, ценили изобразительное искусство не менее своих соседей. Они отливали золотого тельца (Аписа) или медного змея как образ божества, которому они хотели молиться. Моисей их жестоко карал за это, ибо на горе Синай ему было сказано: «Не делай богов литых» (Исход 34, 17). Его последователи поступали так же и наконец отучили иудеев изображать что-либо. Искусство у них сохранилось, ибо скинию, а потом храм надо было украшать, но оно стало беспредметным, перейдя к символам и геометрическим орнаментам. Короче говоря, древнее еврейское искусство стало прообразом абстракционизма.

Абстрактное искусство даже у самих евреев прививалось туго. Они нет-нет да и изображали Ваалов и Астарт и норовили поклоняться понятным и красивым образам божества. Но к началу новой эры вкус их установился. Любые картины и статуи их шокировали. Поэтому они своих художников не имели, а если те появлялись, то занимались только каллиграфией.

Хазары по простоте душевной абстрактного искусства не понимали, и интересоваться сложными проблемами абстракционизма в описанном выше положении у них не было ни возможности, ни желания. Собственное же искусство не могло найти покупателя, потому что хазары были бедны, а для украшения требуется некоторое изобилие. Могильных памятников они не ставили; они просто клали покойников на вершины бэровских бугров, где тех присыпала степная пыль; культ они совершали в священных рощах, а не в храмах^[прим. 25]. А те хазары, которые приняли христианство или ислам, были вынуждены молиться в таких же халупах, в каких они жили. Правда, в Итиле была каменная мечеть, но она предназначалась для иностранцев. Когда же византийский инженер Петрона Каматир, строя в 834 г. крепость Саркел, хотел возвести там каменную церковь для донских хазар, то это не было ему дозволено. Привезенные им каменные колонны и капители были брошены в степи, где их нашел М. И. Артамонов в 1935 г.

Но ведь тогда должны были строиться синагоги, хотя бы в крупных поселениях. Да, конечно! Почему они не сохранились, читатель поймет, когда перевернет еще несколько страниц.

Итак, примененная нами методика широкого территориального охвата оправдала себя. Пока исследовали только сам предмет — Хазарию, можно было строить любые гипотезы, чтобы объяснить отсутствие памятников. Но когда в синхроничном обозрении обозначились границы «белого пятна», то резонно отпали предположения о дикости хазар и об их процветании, хотя последний вывод сделал на основании многих восточных источников блестящий востоковед

В. В. Григорьев работал на уровне своего времени: он изучал источники, т. е. словеса, а не деяния, имеющие свою внутреннюю логику становления. Поэтому ему даже в голову не пришло, что у самих хазар могут быть суждения более обстоятельные, нежели те, которые могли сообщить арабы и персы при крайне поверхностном наблюдении Хазарии. Правда, хазарские мнения не сохранились в письменных источниках, потому что хазары не умели писать. Однако своим поведением они ясно показали свое отношение к пресловутому «двоевластию», но для того, чтобы это понять, надо исследовать не источники, а историю событий. В государстве, именовавшемся Хазарским каганатом, в IX-X вв. хазары составляли наиболее угнетенное меньшинство. Сравнительно с хазарами аланы, бургасы, савиры и гузы были почти свободными племенами, хорезмийские наемники — привилегированной прослойкой, а члены иудейской общины — господствующим классом, хотя среди последних было немало бедняков.

И самое главное, для мусульман «своими» были арабы, для христиан — греки, для иудеев — евреи всех больших городов — от Кантона до Гренады и от Багдада до Лиона и Майнца, а у хазар — никого. За них никто не считал нужным заступаться, и они чувствовали себя относительно спокойно только на буграх и в тростниковых зарослях дельты.

Итиль был действительно роскошным городом. Хотя его дворцы были сделаны из дерева, войлока и глины, но наполнены шелком и соболями, вином, бараниной и осетриной, красивыми танцовщицами и услужливыми отроками. Но это все было не для хазар, а для торгующих рахдонитов, отдохавших на Волге после долгого пути по пустыне, из Китая, или через горы, из Прованса. А то, что бессильный и безвластный каган был дальним родственником ханов Ашина, некогда женившихся на еврейских красавицах, это не имело никакого значения, ибо государством правил «пех» или, точнее, малик. Он и его советники были родовитыми иудеями, хозяевами многоэтажного государства и сочленами самых выгодных торговых предприятий. Но он представлял не столько Хазарию, сколько свой рассеянный по миру и баснословно разбогатевший суперэтнос.

«Двоевластие» в Хазарии было грандиозным обманом народа, которому раз в год показывали законного хана, уже ставшего иудеем, для того чтобы остальное время глава иудейской общины выжимал из хазар и окрестных народов средства на наемников, которые должны были этих хазар подавлять. И хазары платили... а выхода не было.

Хазарская трагедия описана нами, но не объяснена. Неясными остаются причины того, что немногочисленная еврейская община, лишенная искренних друзей, ненавидимая соседями, не поддержанная подданными, полтора года лет господствовала в международной торговле и возглавляла добрую половину разрозненных иудейских общин. Без искренних попутчиков и союзников такое дело неосуществимо. Значит, у иудейской Хазарии такие союзники были.

Друзья обновленной Хазарии

Правительство Обадии и Ханукки вместе с престолом получило в наследство опасную традицию международных отношений и влияний. Тюркские ханы династии Ашина и их караимский союзник Булан в сложных экономических проблемах не разбирались. Они просто защищали свой народ от мусульман, наступавших с юга, и печенегов, нападавших с востока, из Зауралья. Естественным союзником Хазарии в VIII в. была Византия, также воевавшая с арабами и бежавшими от хазар болгарами Аспаруха. Поэтому распространение православия среди алан и хазар не встречало сопротивления. В середине VIII в. существовала хазарско-хорезмийская (Доросская) митрополия, которой были подчинены семь епископских кафедр. [\[55, с. 229\]](#) Культурные контакты были следствием политического союза [\[прим. 26\]](#).

С Дальним Востоком и крайним Западом тюрко-хазары отношений не поддерживали. На границах Китая до 745 г. шли упорные, кровопролитные войны между Тюркским каганатом и империей Тан. Затем восстание Ань Лушаня в 756–763 гг. обескровило Китай, а вслед за тем в войну вступили Тибет и Уйгурия. Ничего привлекательного на Дальнем Востоке в это время не было.

Не лучше было и на Западе, где разлагались заживо франкская держава Меровингов и Лангобардское королевство, а в Британии англы и саксы резали кельтов. Но там положение изменилось к 800 г., ибо Карл Великий, покорив саксов и лангобардов, возложил на себя императорскую корону. Последние годы его правления совпали с переворотом Обадии, и тогда две возникшие империи вступили в дружественный контакт, выразившийся в том, что Карл особым указом позволил иудеям жить по их обычаям. [\[9, т. V, с. 342\]](#) И в дальнейшем иудеи поддерживали союз с Каролингами вплоть до их падения в X в.

Наибольшую активность проявили в это время южные этносы. Рост пассионарности потомков арабских завоевателей взорвал Аббасидский халифат изнутри, но осколки его оказались более страшными для соседей, чем громоздкая централизованная социально-политическая система. Для берберов и туарегов Африки, тюрков Средней Азии, горцев Памира и Гиндукуша ислам перестал быть символом угнетения и ограбления, потому что появилась возможность использовать разнообразные шиитские течения как знамена для борьбы против суннитского Багдада.

Отложившиеся от халифата африканцы захватили Сицилию и вторглись в Италию, где потеснили лангобардов и разбили войско франков Людовика II, а в 840 г. африканский флот вошел в устье Тибра и чуть было не овладел Римом. В том же году омусульманенные персы — Саманиды — завоевали Исфиджаб (совр. Сайрам, около Чимкента), а багдадские халифы тратили силы и средства на подавление восстаний своих подданных, единоверцев и соплеменников, и на бесконечную войну с Византией.

Как из тектонических разломов земной коры через трещины вытекает подземная магма, так на рубеже двух суперэтносов и двух великих культур возникли движения, которые казались забытыми и похороненными: хуррамитов в Азербайджане и павликиан в Малой Азии. Между теми и другими не было ни организованной связи, ни общей политической направленности. Одни были просто стойкими маздакитами, другие пытались воскресить некоторые принципы маркионитов — гностиков. Но те и другие по принципам идеологии и конечным целям восходили к древнему учению манихеев: делению мира на черное и белое и стремлению путем кровавых экзекуций добиться победы светлого начала, которым они считали себя. Как следовало бы реагировать на это хазарскому правительству? Хуррамиты были потомками маздакитов, союзников хазарских евреев в 494–529 гг., а арабы — гонителями иудеев в 690 г.; греки

принуждали евреев к отречению от веры еще в 723 г. Казалось бы, наступило время расплаты. Но правительство Обадии и Ханукки предпочло торговлю с Багдадом и помощь византийских инженеров при постройке Саркела верности историческим традициям и былой дружбе, от которой никогда не отказались бы тюрко-хазары. Теперь же система ценностей изменилась: выгода встала на место верности и доблести. А самой выгодной ситуацией для евреев была война греков против их врагов — болгар и арабов. Феофилу удалось вернуть город Самосату в 837 г., но халиф Мутасим разбил византийскую армию у Дазимона, в 838 г. взял крупнейший после Константинополя город империи — Аморий (в центре Анатолии). Война протекала с невероятным ожесточением, причем хуррамиты были союзниками греков, а павликиане [\[прим. 27\]](#) помогали арабам. Болгары хана Персиана ударили по тылам Византии, ворвавшись в Македонию, а хазары, некогда враги болгар и друзья греков, бездействовали. Ханы Ашина никогда не покинули бы своих друзей в беде.

Перейдем к Византии. Там в 843 г. кончился пассионарный надлом, приведший к трагедии иконоборчества. Она дорого стоила Византии. Болгарский хан Крум в 813 г. дошел до стен Константинополя. Испанские арабо-берберские пираты в 826 г. захватили Крит и сделали из этого острова базу набегов на острова и побережья Эгейского моря. В 827 г. берберы Атласа вторглись в Сицилию, а потом перенесли свои завоевания на Южную Италию. Болгары опустошили Македонию. А в Константинополе император занимался уничтожением икон и преследованием монахов. Но все кончается, и к 843 г. страсти стали угасать.

Снижение пассионарного напряжения пошло Византии на пользу. Установление мира светской власти с церковью, достигнутое на Константинопольском соборе 843 г., дало возможность направить огромные силы системы по определенному руслу. В 860 г. св. Кирилл обратил в православие группу хазар, в 864 г. он и его брат Мефодий приобщили к православию Моравию. В 864–865 гг. крестился болгарский царь Борис, и наконец длительная и жестокая война с павликианами в 872 г. закончилась победой византийцев. Но за все надо платить, даже за спасение собственной страны. И плата была очень велика.

До середины IX в. Византия была общепризнанным центром христианской культуры. Это признание не означало политического господства над другими христианскими государствами Запада и Востока, но давало уверенность в том, что они свои и в случае опасности обязаны помогать против иноверцев-мусульман. Пусть эти обязанности не всегда выполнялись, но все же они имели значение, особенно для тех областей Южной Италии, куда вторглись африканские мусульмане — воинственные берберы, занимавшиеся работоторговлей и грабежом.

Даже в жестокие годы иконоборчества римские папы участвовали в церковных делах Византии, по мере сил поддерживая защитников икон. Фактически независимость от Константинополя, подаренная римскому престолу Каролингами, не мешала существованию суперэтнического единства: греки были дома в Риме и Париже, а франки — в Фессалониках и Эфесе. Теология там и тут была одна — полупелагианство, т. е. православие.

Но в 858 г. константинопольским патриархом стал Фотий, которого не признал папа Николай I. За спором последовало отлучение Фотия в 863 г., не признанное на Востоке. В 867 г. Константинопольский собор предал папу анафеме, объявив его вмешательство в дела восточной церкви незаконным. Так возник раскол церквей.

Не нужно полагать, что неуступчивость Фотия и Николая, или спор о filioque, или притязания пап на юрисдикцию в Иллирии и Сицилии были причиной раскола. Все эти мелочи были быстро улажены. Узурпатор Василий I Македонянин низложил Фотия, а строптивый папа Николай I умер в том же 867 г. Богословский спор был отложен и на время забыт. Сицилию захватили берберы, Иллирию — венгры. Официальное примирение византийской церкви с папским престолом около 900 г. уже ничего не изменило.

Церковный раскол был важен не только сам по себе. Он превратился в символ отделения Запада, где в IX в. произошел взрыв этногенеза, от ортодоксального Востока. Франки и латаны стали чужими для греков. Они пошли по новому, оригинальному пути развития. Этносы, возникшие в это столетие на берегах Северного моря и Бискайского залива, открыли небывалые формы общежития и восприятия природы и истории и предпочли их прежним не за то, что они были лучше, а потому, что они были свои. Инерция общей христианской культуры еще долго обольщала души современников, упорно не хотевших замечать грустную действительность.

Итак, Византия превратилась из империи с претензиями на ведущую роль в наследии Рима в небольшое малоазийское царство, где императором сделался армянин, привлечший на службу своих земляков. А поскольку армяне привыкли героически отстаивать свободу и веру против мусульман, то друзья последних, иудеи, стали недругами Византии.

Теперь можно обобщить наблюдения. Иудео-Хазария была в дружбе со всеми имперскими режимами: поздней Тан, Каролингами и их преемниками в Германии — саксонскими Оттонами, Аббасидами — и во вражде со всеми средневековыми народностями: армянами, грузинами, шиитами халифата, поскольку они представляли интересы завоеванных племен, печенегам, турфанскими уйгурами и славянами, т. е. Киевским каганатом.

И это не случайно. Здесь имеет место социальная близость деспотических режимов, противопоставленных ходом истории природным процессам образования этнического многообразия. Борьба этих двух принципов была ведущим антагонистическим противоречием эпохи VIII-X вв. И тут иудео-хазарам опять повезло. В игру вступил новый партнер — варяги, наварбованные из скандинавских викингов.

Четыре каганата

В начале IX в. на берегах Северного моря появились страшные разбойники из Скандинавии — викинги, внутри Западной Европы начали выделяться новые народы, а в Астурии произошла первая, неудачная попытка реконквисты — обратного завоевания Пиренейского полуострова. Если соединить эти области с синхронным появлением возникшей активности воображаемой линией (или лучше полосой), то мы получим ось нового пассионарного толчка, полностью проявившегося в течение IX в.

В этот век состояние Восточной Европы характеризовалось Людовиком Немецким в письме к Василию Македонянину (871) как сосуществование четырех каганатов^[прим. 28]: Аварского^[прим. 29], Нормандского (т. е. Русского), Хазарского и Болгарского (на Дунае, ибо камского Великого Булгара Людовик не знал). Эти каганаты, как и три империи (включая халифат), были наследием минувших пассионарных толчков. Им предстояло выдержать удар от новой вспышки этногенеза. Поэтому, прежде чем перейти к рассказу о главной трагедии начавшейся эпохи, рассмотрим физиономию ее действующих лиц и взвесим их возможности и стремления.

Значение Аварского каганата, ограбленного франками и стесненного славянами, было минимально. Но все-таки это был барьер, сдерживавший агрессию немецких феодалов на рубеже Среднего Дуная.

Неизмеримо лучше было положение Болгарского каганата, потому что первые болгарские ханы Аспарух и Крум не обострили отношений со своими славянскими подданными, а наоборот, объединились с ними против греков. Постепенно болгары вовлеклись в европейскую политику, то поддерживая моравских славян против немцев (863), то посылая вспомогательные войска Людовику Немецкому против феодалов (863). Болгарскому князю Борису мешала лишь его языческая религия, и он сменил ее на православную (864). Это сделало Болгарию противником папства и немецкого королевства, но и союз с Византийской империей был скоро нарушен. В 894 г. наследник Бориса Симеон начал войну с греками, которая измотала обе стороны, без ощутимых результатов для Болгарии.

Большие неприятности причинили болгарам мадьяры, отступившие от хазар и нанятых теми печенегов в низовья Днепра в 822–826 гг. Однако печенеги оказались неудобными для хазар союзниками и около 890 г. хазарское правительство заключило мир с мадьярами и греками против печенегов и болгар. Последние одержали победу над хазарами, но потерпели большой урон от мадьяр, переправившихся в 893 г. через Дунай и захвативших множество пленных. Симеон, царь болгарский, ответил на это таким ударом, что мадьяры покинули свою страну и ушли за Карпаты, в верховья Тисы, где вобрали в свою орду остаток аваров. Низовья Днепра достались печенегам, а низовья Днестра — славянским племенам — тиверцам и уличам.

При создавшейся расстановке политических сил выиграли хазары. Они помирились с мадьярами, направив их воинственную энергию против народов Западной Европы, где последние Каролинги меньше всего беспокоились о безопасности своих крестьян и феодалов, как правило, недовольных имперским режимом. Хазарское правительство сумело сделать своими союзниками тиверцев и уличей, обеспечив тем самым важный для еврейских купцов торговый путь из Итиля в Тулузу. Наконец, в 913 г. хазары при помощи гузов разгромили тех печенегов, которые жили на Яике и Эмбе и контролировали отрезок караванного пути из Итиля в Китай.

Последней нерешенной задачей для хазарского правительства оставался Русский каганат с центром в Киеве. Война с русами была неизбежна, а полная победа сулила неисчислимые выгоды для итильского сеттельмента, но, разумеется, не для поработанных хазар.

О происхождении и древнейшей истории этого четвертого, Русского каганата известно значительно меньше. Литература вопроса необъятна, но, к счастью, недавно была сделана критическая сводка фактов, наблюдений, текстов и мнений, покрывающая историю вопроса, отражающая современную научную точку зрения и исключая фантастическую концепцию норманизма Руси.^[8]

Выводы этого исследования, в котором использованы 623 работы, сводятся к следующему.

В начале н. э. на берегах Среднего Днепра, в лесной и лесостепной зонах жили венеды — предки славян. К IV в. они разделились на склавинов и антов. Анты — греческое название союза племен на Правобережье Днепра, но сами себя эти племена называли — поляне, а потом их стали называть «русь»^[прим. 30]. В IX в. власть в русском городе Киеве захватил пришелец — варяжский конунг Хельги (Олег), не имевший отношения к местным русам. «Варяги» — не этническое, а профессиональное название; так в IX-X вв. назывались банды пиратов разного этнического состава. Русы же хотя и не славяне, но давние обитатели Правобережья Днепра, распространившиеся в VI–VIII вв. на Левобережье, где ими были построены Чернигов и Переяславль. Эта территория в удельный период называлась «Русь» или «русская земля» (в узком смысле), в отличие от Русского государства (в широком смысле), включавшего Новгород, Суздаль, Рязань, Полоцк, Смоленск, Галичину, Волынь, Тмутаракань, низовья Днестра и Буга и некоторые неславянские земли с балтским и финским населением.

Это обобщение антинорманистских концепций представляется наибольшим приближением к исторической действительности и принято нами за основу дальнейшего анализа. Возражения вызывают лишь некоторые частности, из коих следует отметить две.

Первое: сопоставление росомонов IV в., описанных Иорданом,^[33] с роксоланами дань традиционному автохтонизму.^[8, с.161] Этноним «рос» и префикс «гох» не идентичны. «Рох» греческая передача персидского слова «равш/рауш» — блеск (жена Александра — Роксана носила персидское имя Раушанак — «блестящая»). Никакого касательства к аланам россомоны — предки русов не имели, равно как и к норманнам — викингам. И вот почему.

Знаменитое место летописи: «Сице бо ся зваху тьи варязи русь, яко се друзии зовутся свие (шведы), друзии же урмане (норманны, т. е. норвежцы), аныглыне (ютландцы), друзии гьте (готы), тако и си»,^[42, т. I, с. 18] прекрасно прокомментировано Д. С. Лихачевым, но в подтверждение его вывода можно добавить, что под готами летописец XII в. не мог подразумевать остров Готланд, населенный в его время шведами и покинутый готами в середине II в., т. е. за тысячу лет до того, как он писал этот текст. Готы здесь — это крымские или причерноморские готы — тетракситы, хорошо известные русскому читателю XII–XIII вв., упомянутые в «Слове о полку Игореве». А раз так, то причисление Руси к данной этнической группе имеет лишь палео-этнографический смысл: россомоны, как и готы — осколки Великого переселения народов, застрявшие в Восточной Европе, а наименование их «варягами» показывает профессию Рюрика, который происходил из племени русов приднепровских, уже отчасти смешавшихся со славянами, но еще хранивших в IX в. некоторые черты древней северной культуры.

Около 800–809 гг. произошло второе переселение славян с берегов Эльбы на Восток. А. А. Шахматов предположил, что славяне бежали от франков Карла Великого. Эту версию трудно принять. Успехи Карла и его баронов крайне преувеличены хронистами и последующими историками. Франкам не удалось закрепиться ни на Эбро, ни на Тисе, ни на правом берегу Эльбы. Поэтому для переселения славян в страну с совсем иным климатом, туда, где господствует зимний мороз и летний зной (изотерма января ниже нуля), надо поискать иные мотивы.

Пассионарный толчок, проявившийся в Скандинавии в начале IX в., а в Западной Европе около 841 г., имел инкубационный период. В ареале этого толчка была северная часть Германии и, значит, берега Эльбы. Если это так, то перед нами обычная пассионарная миграция, из-за которой вятичи и радимичи сменили место обитания.

Обе ветви восточных славян в VIII в. были на подъеме пассионарного напряжения. Скудость источников заставляет прибегать к хронологической интерполяции, но этот метод дает результаты. Потомки антов IV в., победивших совместно с россомонами и гуннами готов, к началу IX в. имеют свой «каганат», т. е. суверенное государство с центром в Киеве и царя по имени Дир. Если мы учтем, что подъем этой ветви славян сопоставим с пассионарным толчком, вызвавшим Великое переселение народов и созданием из конфессиональных общин Малой Азии, Византии, то на VIII в. падает акматическая фаза, а на IX в. — надлом, как оно и произошло.

Высокий уровень пассионарности дал славянам преимущество над восточными балтами (ятвяги, голядь) и финно-уграми (меря, мурома, весь) и повлек слияние славянских племен в единый древнерусский этнос, осуществившееся в конце X в. Но славяне и хазары в VIII в. еще не сталкивались друг с другом и опасности друг для друга не представляли.

Второе: бесспорно, что взаимоотношения Русского и Хазарского каганатов не были «идиллическими», но гибель ряда Полянских поселений в VIII в. не была делом рук хазар. В VIII в. хазары увязали в войне с арабами, а на рубеже Дона они закрепились только в 834 г., и тогда действительно война началась.

Если датировки гибели Пастырского поселения и других покинутых населением укреплений [\[8, с. 172\]](#) правильна, то противниками славян и русов могли быть только авары, контролировавшие земли кутургуров (западной ветви болгар), от Карпат до Дона. В 631 г. авары подавили восстание кутургуров, остатки коих объединились с утургурами в 633 г. Когда же последние в 656 г. потерпели поражение от хазар, то болгары разбежались кто на Каму, кто на Дунай, кто в Италию, а бывшие земли кутургуров были заселены тиверцами и уличами.

Все эти события никак не уменьшили мощи аваров, которые «примучивали дулебов», т. е. господствовали в степях восточнее Карпат. Упадок Аварского каганата наступил в 800–809 гг. после того, как они проиграли войну с франками, а после этого рокового десятилетия началась хазарская агрессия на запад.

Такова «связь времен» или «логика событий». Антский или Полянский племенной союз, включивший в себя россомонов, возник как восточнославянский этнос вследствие пассионарного толчка II в. одновременно с Византией, и вместе с ней вступил в акматическую фазу, закончившуюся победой над жестоким врагом аварами, после чего славяне распространились до берегов Черного моря. В отличие от Византии, Полянский этнос пережил кризис перехода из фазы в фазу благополучно, так как он получил неожиданное, но весьма полезное подкрепление.

Надо учитывать, что Русский каганат был изолирован от стран, имевших письменную географию: Хазарский каганат отделял его от мусульманского Востока, Болгарский — от Византии, Аварский — от Германии. Вот почему сведения о русах IX в. были столь неполны и отрывочны. И вот почему немецкие авторы IX в. могли спутать забытых россомонов со шведами: те и другие были скандинавы, хотя предки россомонов еще в I–II вв. покинули свою родину.

Еще в X в. современники описывали русов и славян как два разных этноса, выступающих, как правило, совместно.

Значит, здесь была ситуация, похожая на ту, которая сложилась у тюрков и хазар, за одним, весьма важным, различием. Тюркюты принесли пассионарность хазарам, а россомоны и славяне были при встрече и контакте равно пассионарны, ибо сложились в ареале единого

пассионарного толчка.

Теперь несколько слов о викингах, о коих есть столько превратных суждений, что надо избежать недоразумений. В IX в. в Скандинавии перенаселения не было, так как свободных фиордов и теперь много, хотя людей стало больше. Формация там была общинно-первобытная, и конунги являлись выборными племенными вождями. До IX в. скандинавы еле-еле отстояли свою землю от натиска лопарей, пока не загнали их на крайний север, в тундру. Викингами называли тех людей, которые не желали жить в племени и подчиняться его законам. Слово «викинг» носило тогда оскорбительный оттенок, вроде современного «пират, бандит». Когда юноша покидал семью и уходил в дружину викингов, его оплакивали как погибшего. И действительно, уцелеть в далеких походах и постоянных боях было нелегко. При этом викинги не обладали большей физической храбростью, чем остававшиеся дома, физическая смелость южных народов часто превышает мужество народов северных, но это не пассионарность, а другой поведенческий признак: не агрессивность, а способность к адекватной реакции, обычно проявляющийся при самозащите.

Викинги боялись смерти, как все люди, но скрывали этот страх друг от друга, наедаясь перед битвой опьяняющими мухоморами. Современные им арабы бросались в атаку трезвыми, но неукротимые в опьянении викинги сминали и арабов, и франков, и кельтов. Особенно ценили они берсерков (подобных медведю), т. е. людей, способных перед боем впасть в истерическое состояние и с огромной силой крушить врага. После припадков берсерки впадали в глубокую депрессию до следующего нервного срыва. В нормальных условиях берсерков не терпели. Их заставляли покидать села и удаляться в горные пещеры, куда остерегались ходить. Но в отрядах викингов берсерки находили себе применение. Иными словами, пассионарность делает яростными даже не очень храбрых людей. Значит, викинги были людьми несколько отличного от прочих скандинавов склада. Обладая высокой степенью пассионарности, они были нетерпимы для малопассионарных норвежцев, которые предпочитали сидеть дома и ловить селедку. Поэтому пассионарная часть популяции отпочковывалась от основной массы народа и погибала на чужбине. Зато норвежские, датские и шведские воины-пассионарии разнесли славу своей ярости по всей Европе и вынудили ее обладателей защищаться.

Хазары и норманны

Хотя викинги по рождению были скандинавы или прибалты, но они не были представителями своих народов. Пассионарный толчок вызвал этническую дивергенцию. Юноши, покидавшие родную страну ради Гренландии или Нормандии, зеленого острова Эрин или берегов лазурного Средиземного моря, образовывали самостоятельные этнические консорции, иногда погибавшие, но иногда торжествовавшие победу. И поскольку они были рассеяны по всей Европе, встреча их с иудео-хазарами была предрешена. А характер ее был определен тем историческим фоном, на котором она произошла. Источников, освещающих эту страницу истории, нет; следовательно, опять нужно окинуть взглядом расстановку сил, чтобы уловить хотя бы общее направление развития событий.

Как было показано, уже в IX в., после фактического раскола церкви, Византия стала восточным царством, изолированным от всех соседей, превратившись сначала в соперников, а потом во врагов. Связанная постоянной войной с Болгарией и безуспешными попытками удержать Южную Италию от натисков арабов, Византия не могла активно противодействовать усилению хазарских царей, вследствие чего православие потеряло свои позиции в Дагестане и на Северном Кавказе, с трудом удержавшись на Южном берегу Крыма.

Попытка Карла Великого создать суперэтническую христианскую империю германцев на Западе, подобно тому как на Востоке существовала аналогичная империя греков, была небесперспективна, но растущая пассионарность в IX в. опрокинула это грандиозное сооружение, как если бы это был картонный домик. К 888 г. осуществилась «территориальная революция», [\[56, с. 247\]](#) т. е. появились этносы, называемые О. Тьерри «нациями»: бретонский, аквитанский, провансальский, французский, бургундский, итальянский и немецкий, причем последний состоял из субэтнических «племен» саксов, франконцев, баварцев, швабов (алеманы) и тюрингов. Все они тратили силы на борьбу друг с другом и поэтому очень плохо сопротивлялись нападениям арабов и норманнов. Для хазар они не были опасны.

Зато хазарские иудеи были опасны для Франции, так как, приезжая с большими деньгами в Прованс, они покупали покровительство короля и вельмож и защиту от преследований со стороны духовенства и народа. Ожесточение с обеих сторон росло. Иудеи сохранили больше остатков древней образованности, нежели французы, и поэтому побеждали христиан в диспутах, возникавших по поводу Ветхого Завета. Пропаганда их имела успех. Молодой монах из Алемании принял в 847 г. иудаизм, женился на еврейке, уехал в Испанию и там возбуждал арабов к преследованию христиан. Галльские епископы жаловались, что иудеи покупают рабов-христиан и заставляют их исполнять иудейские обряды, что они похищают христианских детей и продают их мусульманам, что иудеи, по ненависти к своим соперникам, помогают мусульманам и норманнам, открывая им ворота осажденных городов, и что они называют свинину «христианским мясом», на что христиане очень обижаются. [\[9, т. V, с. 487–488\]](#)

Трудно сказать, что в этих обвинениях было справедливо, но для нас важно другое: взаимные ожесточение и неприязнь между аборигенами и иудеями на Роне грозили французам теми же последствиями, которые имело еврейское проникновение на Волгу. Прованс легко мог превратиться в подобие Хазарии, тем более что воинская сила берберов, охотно нанимавшихся в войска соседних стран, была не меньше, чем у хорезмийцев. Но для этого, кроме больших денег, нужно было время, а его-то и не хватило иудеям. Почему? Это мы увидим ниже.

А пока обратим внимание на то, что договоренность между хазарскими иудеями и язычниками норманнами имела место. «Повесть временных лет» сообщает, что в 859 г. «варяги из заморья» вимали дань с чуди, славян, мери и кривичей, а хазары — с полян, северян и

вятичей. Если учесть общеевропейскую расстановку сил, то текст наводит на размышления.

В 860 г. киевские русы напали на Константинополь и чуть было не взяли его. Если бы они действительно были подданными хазар, то это не могло бы не вызвать хазаро-византийского конфликта, а вместо этого хазарский каган в этом самом году принял миссию св. Кирилла и позволил ему крестить язычников у себя в столице. Кирилл совершил путешествие в самой мирной обстановке, из чего следует, что Русь, воевавшая с греками, никак не была связана с хазарами и их правительством.

В Швеции около 859 г. было несколько королей: Бьерн Прихольмский, его сопровители Эмунд и Олаф. Сын Эмунда, Эрик, в 854 г. совершил поход на восток и обложил данью куров, эстов и финнов, но, как видно из перечня, он действовал только по берегам Балтийского моря, а кривичи, меря (черемисы) и весь (вепсы) жили в лесных массивах Восточной Европы. Если бы кто-либо из шведских королей подчинил себе столь обширные земли, это было бы отмечено хотя бы в сагах. Не упоминает об этом и католический миссионер св. Ан-сгар, проповедовавший в Швеции в 849–852 гг. и поддерживавший отношения со шведами до своей кончины в 865 г. [\[60, с. 165–173\]](#) Значит, здесь кроется нечто иное.

Сопоставим факты В 848 г. язычники норманны разграбили и сожгли Бордо благодаря измене тамошних иудеев. [\[9, т. V, с. 489\]](#) Так как последние не пострадали от викингов, следует полагать, что между теми и другими была налажена связь. И текст «Повести временных лет» поясняет, какова она была. Это договор о разделе сфер влияния, не стран завоеванных, а тех, которые предстояло завоевать. Потому и опущены данные о существовании самостоятельного Русского каганата, намеченного стать жертвой двух хищников. И действительно, последующее столетие было богато событиями, как на Западе, так и на Востоке.

История варяжского проникновения в славянские земли достаточно темна.

Согласно летописной традиции, варяжский конунг Рюрик в 862 г. стал правителем Новгорода. Этот вопрос мы обсуждать не будем, так как придерживаемся общепринятой точки зрения. Для нас достаточно того, что задолго до этого русы, жившие вокруг Киева, совершали походы, зафиксированные иноземными историками. До 842 г. «скифский народ росов» разорил Амастраду (в Пафлагонии, на берегу Черного моря), а в 860 г. флот росов чуть было не взял Константинополь. К Рюрику и его варягам эти росы отношения не имели.

В 864 г. русы воевали с болгарами, в 865 г. — с полочаками, в 867 г. — с печенегам, в 869 г. — с кривичами. Однако при столь активной внешней политике столкновений с хазарами не было: миссия св. Кирилла в Хазарию в 860 г., повторяю, проходила в мирной обстановке. Это говорит не о миролюбии правительства Хазарии, а о могуществе Киева, союзе русов с мадьярами и сложности обстановки на Каспии, о чем ниже.

Но все изменилось в 882 г., когда власть в Киеве захватил варяжский конунг, именуемый в летописи Олегом (Хельги). С этого времени до 944 г., т. е. убийства конунга, именуемого Игорем (Ингвар), русская земля перенесла много страданий, вызываемых — по нашему глубокому убеждению — постоянными неудачами бездарных чужеземных правителей.

Смена власти в Киеве повлекла за собой смену политики. Олег подчинил древлян в 883 г., северян в 884 г. и радимичей в 885 г., причем последние до этого платили дань хазарам. Это не могло не вызвать войны с Хазарией... и летопись замолкает на целые 80 лет. Это не может быть случайным.

Лакуну отчасти восполняет краткая справка Масуди, что «руссы и славяне составляют прислугу хазарского царя». [\[3, с. 383\]](#) И, как вскоре мы увидим, так оно и было.

Нет! Полного завоевания Киева хазарскими евреями не произошло. В «Кембриджском анониме» перечислены враги хазарской иудейской общины: «Асия (асы-осетины). Баб-ал-Абваб (Дербент), Зибух (зихи-черкесы), турки (венгры), Лузния — ладожане, т. е. варяжские дружины

Олега, которые быстро проиграли войну с хазарскими евреями,^[27] но удержались в Киеве, так как их прикрывали со стороны степи мадьяры. Однако вскоре мадьярам пришлось туго, потому что против них и варягов хазарские иудеи подняли славянские племена тиверцев и уличей. Когда же в 895 г. на мадьяр напали болгары и печенеги, вырезавшие их жен и детей, мадьяры покинули Леведию и ушли в Паннонию, а покинутые ими степи заняли победоносные печенеги. И Византия не могла вмешаться в эту войну, потому что ее силы были связаны болгарами царя Симеона, шедшими по Балканскому полуострову от победы к победе. Тогда изолированное княжество киевских варягов стало вассалом общины хазарских иудеев, которая использовала русов и славян в войнах с христианами и мусульманами-шиитами, подавляя возмущения язычников руками наемников — мусульман-суннитов.

Жесткая система потому и бывает крепка, что она при создании своем приурочена к локальным условиям наилучшим образом. Когда же окружение меняется, перестройка системы трудна.

И наоборот, дискретная система эластична, но не позволяет полностью координировать силы для решения внешнеполитических задач. Поэтому жесткие системы побеждают в стабильных условиях, а дискретные выживают даже при постоянно меняющейся среде обитания и этнического окружения.

Иудейская Хазария — образец жесткой системы, окружающие Хазарию евразийские этносы — дискретные системы. В IX-X вв. изменения географической среды (вследствие переноса пути циклонов на север, в лесную зону Евразии) могли быть для этнохозяйственных систем либо полезны, либо вредны, но не нейтральны. А поскольку интересы евреев и хазар в химерной целостности каганата были противоположны, то климатические колебания отражались на истории Восточной Европы и Великой степи.

До тех пор пока увлажнялись степи и высыхали в Волго-Окском междуречье болота, Каспийское море вело себя тихо. Оно стояло на абсолютной отметке — 36 м, благодаря чему обширные площади плодородной земли в низовьях Волги были заселены земледельцами. К началу X в., когда Волга превратилась из тихой реки в бурный поток, собравший влагу дождей, выпавших на огромной площади от Валдая до Урала, уровень Каспия поднялся до отметки — 29 м, [\[20\]](#) [\[21\]](#) [\[22\]](#)

Для обитателей южной окраины Каспийского моря это существенного значения не имело. Берега там крутые, кругом горы, поднялось море, залило прибрежную крепость... ну и пусть. Но для пологого северного берега подъем уровня моря имел огромное значение. Поля, сады и виноградники оказались под водой Волги, стоявшей на подпоре. Использовать залитые земли было невозможно, люди стали селиться на вершинах бэровских бугров, ожидая времени, когда уйдет вода. А вода все поднималась. Приходилось подаваться в степь.

Но и в прибрежных урочищах не было спасения хазарам. Лишенная дождей степь превращалась в полупустыню, а эта последняя — в пустыню, в которой не могли жить даже кочевники. В X в. карлуки покинули берега Балхаша, чтобы поселиться в оазисах Средней Азии, печенеги ушли с берегов Аральского моря на берега Черного, а гузы сдвинулись к Уралу и Эмбе. Только куманы (половцы), населявшие западные склоны Алтая и южную полосу Западной Сибири, где в то время стояли сосновые боры, не пострадали от засухи. Их спасли многоводные реки, окружавшие с востока и запада Барабинскую степь.

Легче было на западной окраине Великой степи, на берегах Днепра, Донца и Дона, так как меридиональные токи в атмосфере способствовали нормальному увлажнению этой области. Поэтому печенеги, прорвавшись в Поднепровье, восстановили там поголовье скота, в том числе лошадей, а тем самым и воинскую мощь, благодаря чему могли держать себя независимо.

Поскольку восточные степи оказались весьма негостеприимными, хазары устремились на северо-запад и начиная со второй половины IX в. заселили террасы Нижнего Дона, куда принесли с собой культуру терского винограда. Четыре надпойменные террасы Дона плавно переходят в водораздельные степи, но уже на второй террасе проявляются черты аazonальности — колки леса, заросли ивняка и т. п., что обусловило образ жизни алан, хазар и казаков. Автору удалось в 1965 г. найти на Среднем Дону небольшое поселение, содержащее керамику всех эпох — от X до XII в., что указывает на культурную преемственность населения долины Дона независимо от внедрения в нее инородных этнических элементов.

Разумеется, этой ветви хазар сравнительно с другими повезло. В 860 г. они приняли православие от св. Кирилла и благодаря этому вошли в состав христианской общины, вследствие чего установили дружбу с крымскими готами, греками и аланами. А прочие продолжали нести тяготы налогов, снизить которые хазарское правительство не могло, даже если бы оно этого хотело.

Но от засухи и наводнений совершенно не пострадали хазарские иудеи. Они жили в городах, в комфортабельных деревянных домах, теплых зимой и прохладных летом. Пищу они покупали на базаре. Караванщики, проходившие через Итиль, платили за все не торгуясь, так как перекладывали растущие расходы на покупателей в Китае и Провансе. Поэтому на социальные отношения внутри иудейской общины природные явления не оказывали никакого влияния: их воздействие амортизировалось в хазарском этносе, вмещавшем общину. Ослабление кочевников, стада которых мерли от бескормицы, было иудеям только на руку: и мясо можно было купить дешево, и слабый враг не опасен. Поэтому в X в. активность хазарского правительства не снизилась, а возросла. Следовательно, должны были начаться жестокие войны... и они действительно вспыхнули на юге и западе.

Но не на севере! Перенос пути атлантических циклонов в лесную зону был сопряжен с обильными снегопадами, затяжными летними и осенними дождями и соответственно заболачиванием лесных полян, т. е. мест наиболее перспективных для примитивного земледелия. Хозяйство этносов Волго-Окского междуречья было подорвано. А значит, и сила их сопротивления иноземным захватчикам ослабла.

Если в середине IX в. хазарские евреи договаривались с норманнами о разделе Восточной Европы, то к началу X в. они захватили ее почти всю. В состав Хазарии вошли: бургасы (на Средней Волге), болгары [\[прим. 31\]](#) (на Нижней Каме), сувазы (чуваши на Верхней Волге), [\[37, с. 139 и примеч. 599\]](#) арису (мордва-эрзя), черемисы (мари, в Заволжье), вятичи (на Оке), северяне (на Десне) и славяне, «под которыми подразумеваются другие славянские племена». [\[3, с. 385\]](#)

Рубеж IX-X вв. — это кульминация иудео-хазарского могущества и катастрофа для аборигенов Восточной Европы, перед которыми стояла альтернатива: рабство или гибель?

Вокруг Каспийского моря

Торговые пути были нервами иудейской Хазарии, но Каспийское море слишком часто бывает беспокойно, протоки Волжской дельты в устьях мелеют и непроходимы для крупных морских кораблей, а восточные берега безводны и безлюдны. Поэтому правительство не завело собственного флота, предпочитая пользоваться караванными путями в обход Каспийского моря.

Наиболее удобным был путь из Багдада через Кавказ, где, миновав Дербент, купцы сразу попадали в Хазарию и оттуда в Булгар и Великую Пермь. Второй путь шел через Мерв, Бухару и Хорезм по берегу Амударьи, через плоскогорье Устюрт — ворота в страну тюрков, затем пересекал реки Эмбу, Яик, Сакмару и дальше шел по левому берегу Волги в Булгар. Недостатком этого маршрута было то, что он пролегал через кочевья гузов, печенегов и башкир, причем последние считались жуткими головорезами, а первые при проходе Ибн-Фадлана через их земли решали: разрезать ли послов халифа пополам, или, раздев догола, отпустить назад, или выдать послов хазарам в обмен на своих находившихся в плену; но потом Ибн-Фадлана пропустили дальше. [\[37, с. 129\]](#)

Другая дорога из мусульманских стран Средней Азии шла через Нижнюю Эмбу и низовья Яика прямо на Волгу, в Итиль. Этот путь был оборудован великолепными караван-сараями из тесаного камня и колодцами, облицованными камнем, на расстоянии друг от друга примерно в 25 км (нормальный переход каравана). Но, несмотря на все принятые меры, восточный путь был длиннее и труднее западного, кавказского. И использовался он только тогда, когда не было другого выхода.

Но море тоже не оставалось пустым: по нему плавали корабли русов из Итиля в Гурган, где перегружали товары на верблюдов для отправки в Багдад. Разумеется, и этот путь был под контролем хазарского царя, который был кровно заинтересован в том, чтобы купцы по этим путям проходили беспрепятственно и чтобы доходы поступали в его казну регулярно.

Торговым операциям не мешал даже развал халифата, когда эмиры переставали подчиняться халифу и оставляли собранные налоги себе. В 866 г. тюркские наемники взяли Багдад и сменили халифа на своего ставленника. Это был конец господства арабов в государстве, созданном их предками. [\[45, т. II, с. 223\]](#)

Перемены коснулись и Кавказа. В 859 г. была восстановлена Ганджа, где укрепились арабские правители из племени шайбан. В 869 г. в Дербенте пришли к власти Хашимида, арабы из племени сулайм. Но те и другие, будучи правоверными суннитами, не порывали отношений с Багдадом и наместниками Азербайджана — Саджида. [\[44, с. 40\]](#) Поэтому у хазарского царя не было повода для беспокойства.

Но совсем по-иному пришлось реагировать на шиитское движение иранских народов, живших на южном берегу Каспийского моря. В 867 г. горцы Табаристана, поднявшие восстание под знаменем Алидов, отделились от халифата.

Области Южного Прикаспия, защищенные с севера морем, а с юга — могучим хребтом Эльбурса, были надежным убежищем для древних этносов, сохранявших фактическую независимость и при Селевкидах, и даже при Сасанидах. Арабское завоевание тоже не нарушило течения жизни горцев Эльбурса, так же как горцев Астурии, Басконии и Киликии, хотя и вызвало ненависть к арабам. Влияние ислама, принятого лишь в 842 г., было ничтожно, а потому шиитская пропаганда, по сути дела антиарабская, нашла в Дейлеме и Табаристане подходящую почву. Эти горцы охотно шли сражаться не за Алидов, а против Аббасидов. И чем более слабел Багдадский халифат, тем грознее становилась сила дейлемитов, реликта, не растратившего своих сил, как арабы и персы, и достойного противника степных тюрков, единственной боеспособной

армии суннитских владык.

Областью, поставлявшей хазарским царям наемников, был Гурган ^[прим. 32] — «волчья страна», расположенная на юго-восточном берегу Каспия. Воинственные обитатели этой бедной земли охотно оправдывали свое прозвание — «волки» — и продавали свою доблесть тем, кто за нее платил. Официально Гурган подчинялся наместнику Хорасана, где правили потомки персидских аристократов Тахириды, правоверные сунниты.

В 872 г. вождь восставших шиитов Табаристана Хасан вторгся в Гурган и завоевал его, а потом захватил богатые города Казвин и Рей (Тегеран). Хазарские иудеи сразу лишились и удобного караванного пути, и храбрых наемников, переставших поступать в Итиль. Эпоха миролюбия кончилась. Война с шиитами стала для хазарских евреев насущной необходимостью.

Для войны с мусульманами нужны были воины-язычники, т. е. скандинавские варяги. Хазарский царь пригласил дружину Хельги (Олега), посулив варягам раздел Восточной Европы и поддержку за уничтожение Русского каганата и Аскольда.

Конунг Олег в 882 г. овладел Смоленском и Киевом, а к 885 г. подчинил себе северян и радимичей, до того бывших данниками Хазарии.

Молчание летописца Нестора показывает, что в последующие годы Олег не побеждал, а уже в начале X в. русский флот оперирует на Каспии против врагов хазарского царя. Очевидно, киевские варяги стали поставлять хазарскому царю «дань кровью». Они посылали подчиненных им славяно-русов умирать за торговые пути рахдонитов.

Благоприятно для хазарского царя сложились дела в Средней Азии, где власть попала в руки просвещенных Саманидов, покровителей городов, а тем самым и международной торговли.

В 900 г. Исмаил Самани разгромил шиитское государство Алидов в Южном Прикаспии. Но местное население Гиляна, Дейлема и Мазендерана, никогда не подчинявшееся чужеземцам, укрылось в горных замках, и власть Саманидов в Табари-стане была призрачной. До тех пор пока дейлемитов с юга прикрывали горы Эльбурса, а с севера — Каспийское море, они могли держаться, так как «ни Саманиды, ни хазары не имели флота». ^[Масуди, цит. по: 44, с. 198–201] Но в 909 г. на море появились ладьи русов, разгромивших остров Абаскун. На следующий год русы напали на Мазендеран, но потерпели поражение и ушли. В 913 г. огромный флот — 500 кораблей — с разрешения хазарского царя Вениамина вошел в Каспийское море и подверг грабежу побережья Гиляна. Табаристана и Ширвана. Естественно предположить, что русов просто пригласил царь Вениамин для расправы с разбойниками-горцами ^[прим. 33]. Русы сразились с гилянцами и дейлемцами, видимо, без больших успехов, а затем напали на Ширван и Баку, где сидели Саджиды, правители, поставленные халифом, сунниты и, следовательно, друзья хазар, и здесь развернулись со свирепостью, свойственной их скандинавским вождям.

Набрав много добычи, русы вернулись в Итиль, послали хазарскому царю условленную долю и остановились на отдых. Тогда мусульманская гвардия хазарского царя потребовала от него разрешения отомстить русам за кровь мусульман и за полон женщин и детей. Царь разрешил, и в трехдневной битве утомленные походом русы потерпели поражение. Число погибших исчислено в 30 тыс. человек. В плен не брали. Остатки русов бежали по Волге на север, но были истреблены буртасами и булгарами. Очевидно, варяжская неуместная инициатива вызвала расправу со стороны хазарских мусульман, тем более что разгром врагов Дейлема настолько облегчил положение шиитов, что в 913 г. они освободились от власти Саманидов и вытеснили последних из Гиляна и Табаристана. ^[48, с. 249]

Всю первую половину X в. дейлемиты развивали успех. Часть их двинулась на юг, захватила Фарс, Кирман, Хузистан и, наконец, в 945 г. Багдад, где их вожди в течение 110 лет держали под своей опекой халифов. Другая часть подчинила в 914 г. Азербайджан и дошла до Дербента. ^{[44, с.}

[215\]](#) Каспийская торговля оказалась под контролем недругов Хазарии, точнее, врагов хазарской торговли.

Ущерб был большой, но поправимый, потому что оставалась караванная дорога восточнее Каспия. В 913 г. хазары в союзе с гузами разбили восточных печенегов, кочевавших между Волгой и Яиком. [\[66, p. 238\]](#) Это отчасти компенсировало им потерю союзников в Закавказье — Саджидов, но господство грубых и свирепых дейлемитов в Иране и Азербайджане отравляло жизнь хазарским евреям.

И самое досадное, что против них нельзя было послать верных наемников-суннитов из Гургана, ибо повелитель правоверных — багдадский халиф отдавал приказания через дейлемских эмиров, а те не допускали, чтобы он приказал убивать их братьев руками мусульман. Следовательно, надо было опять поднимать русов на войну за торговые интересы еврейской общины, а русы после предательства 913 г. не стремились повторять походы на Каспий.

Конечно, можно было бы мобилизовать самих хазар, хотя бы ту их часть, которая была обращена в православие еще в VIII в., но на это правительство не решилось, надо думать, не без оснований. Хазары никаких выгод от торговли не имели, и воевать им было не за что. Поэтому события потекли по иному руслу.

Враги обновленной Хазарии

Всегда было известно, что война — дело тяжелое и неприятное. Но есть вещи хуже войны: обращение в рабство, оскорбление чтимых святынь, разграбление имущества и, наконец, оскорбительное пренебрежение.

Все это выпало на долю народов Восточной Европы после того, как они оказались в сфере влияния иудейской Хазарии. Но этнические различия между ними не давали им возможности объединиться. Зато итильское правительство легко могло натравливать их друг на друга, используя старые, но не забытые межплеменные счеты. Еще в IX в. царь Вениамин вел войну против асов (осетин), «турок» (мадьяр), «пайнилов» (печенегов) и «македона» (византийцев). Вениамин победил коалицию противников при помощи алан. Затем царь Аарон победил алан при помощи торков (гузов) в начале X в. М. И. Артамонов датирует это событие 932 г. и связывает с ним гонения на христианство, от которого Аарон принудил отречься побежденных алан.

В 922 г. глава камских болгар Альмуш принял ислам и отделил свое государство от Хазарии, рассчитывая на помощь багдадского халифа, который должен был запретить мусульманским наемникам воевать против единоверцев. Кроме того, он просил у халифа денег для постройки крепости против «иудеев, поработивших его».

Халиф приказал продать конфискованное имение казненного визиря и вручить деньги послу Ибн-Фадлану, но покупатель «не смог» догнать караван посольства, [\[37, с. 133\]](#) и крепость в Булгаре построена не была, а хорезмийцы в X в. уже не обращали внимания на приказы ослабевших багдадских халифов, поскольку они касались не духовных, а мирских дел.

Вероотступничество не укрепило, а ослабило Великий Булгар. Одно из трех болгарских племен — суваз (предки чувашей) — отказалось принять ислам и укрепилось в лесах Заволжья. Расколота болгарская держава не могла соперничать с иудейской Хазарией. [\[37, с. 139\]](#)

Похожим было положение у гузов. В 921 г. один из их вождей принял было ислам, но соплеменники предложили ему отречение либо от новой веры, либо от власти. [\[37, с. 127\]](#) Гуз вернулся к древним богам.

Итак, попытки освободиться от иудеев при помощи мусульман оказались обреченными на неуспех. Это учли росы и славяне (поляне), поставленные варяжскими захватчиками в положение отнюдь не благоприятное, что старательно затушевывал летописец Нестор. К счастью, у нас есть возможность восполнить опущенные им сведения.

Хазары собственной монеты не имели, используя арабские диргемы. Какая-то часть этих денег, естественно, оставалась у подданных хазарского царя. Ареал диргемов с куфическими надписями в 883–900 гг. доходил до восточной границы Русской земли, т. е. ими пользовались северяне, находившиеся в сфере влияния Хазарии. [\[64, с. 203–206\]](#) После 900 г. диргемы появляются в кладах Русской земли, что показывает на включение ее в экономическую систему Хазарии. Эти диргемы не военная добыча, потому что победы всегда бывают отражены в летописях. Это оплата за услуги на Каспийском море в 909–910 гг., т. е. за кровь славяно-русских богатырей, пролитую ради чужих интересов, за подавление древлян в 914 г., за войну с печенегам в 920 г., за предательство, совершенное царем Вениамином в 913 г., которое осталось безнаказанным, и за многое такое, что современники постарались не заметить, а потомки забыть. Поводов для восхваления Олега Вещего нет.

Само собой понятно, что варяжское правительство не могло быть популярным среди славянского населения Поднепровья. Это подметил С. М. Соловьев, хотя он и не располагал сведениями, ныне вошедшими в арсенал науки. Олег рассматривается им не как храбрый

воитель, а как хитрый политик и сборщик дани с беззащитных славянских племен [\[прим. 34\]](#). Так оно и было.

Если верить летописи, не отмечающей с 920 по 941 г. ни одного события отечественной истории, то надо признать русичей трусами и обывателями, не способными ни отомстить за преданных и убитых соотечественников, ни отстоять свое добро от сборщиков дани, переправлявших награбленное имущество в Итиль. Но верить надо не летописи, а совокупности сведений: последние же показывают, что хазарским евреям приходилось все время подавлять народные движения и русы доставляли им немало хлопот. Кроме того, менялось международное положение, и это весьма сказывалось на судьбе евреев не только хазарских, но и соседних. А это в свою очередь оказывало воздействие на внешнюю политику Хазарии.

Хазарские иудеи могли не опасаться раздробленных на партии и султанаты мусульман, но им приходилось считаться с растущей силой Византии, где пришла к власти Македонская династия. Все православные христиане были потенциальными союзниками Византии, а число их благодаря деятельности Кирилла и Мефодия росло. В 867 г. произошло первое крещение Руси, [\[34, т. II, с. 229\]](#) и вряд ли будет ошибочным предположение, что варяжское завоевание остановило приобщение Руси к православию. А кому это было на руку? Только хазарским евреям!

Разумеется, греки не могли ликовать по такому поводу, тем более что хазарская торговля питала Багдад, а хазарская дипломатия натравливала болгар на Константинополь. С другой стороны, византийские евреи не проявляли привязанности к странам, где их не любили и обижали. Поэтому «ряд евреев примкнул к нему (хазарскому царю) из мусульманских стран и из Византийской империи». Согласно Масуди, «причина в том, что император, правящий ныне (в 943 г.) и носящий имя Арманус (Роман), обращал евреев своей страны в христианство силой и не любил их... и большое число евреев бежало из Рума в страну хазар». [\[цит. по: 44, с. 193\]](#)

Вполне понятно, что отношения между христианами и иудеями обострились, и... потекла кровь.

Подвиги полководца Песаха

Греко-хазарский конфликт, в котором отразилось армяно-еврейское соперничество [\[прим. 35\]](#), не мог пройти незамеченным на Руси [\[прим. 36\]](#). В Киеве должна была появиться надежда избавиться от обременительного союза с Хазарией путем союза с далекой Византией. Поэтому эмиссары Романа Лекапина смогли «подстрекнуть» [\[38, с. 117\]](#) киевского князя на участие в войне Византии против Хазарии, начавшейся в 939 г. [\[прим. 37\]](#).

Войну развязал хазарский царь Иосиф, который «низверг множество необрезанных», т. е. убил много христиан. К сожалению, источник умалчивает, где производились экзекуции, но, видимо, пострадали христиане, жившие внутри Хазарии, так как нет упоминания о походе. Казни эти рассматривались как ответ на гонения на евреев в Византии, но нельзя не заметить, что хазарские христиане в действиях византийского императора повинны не были.

Затем выступили русы. Вождь их в источнике назван Х-л-гу (Хельгу, т. е. Олег), хотя по «Повести временных лет» в это время правил Игорь Старый. Если Хельгу — имя собственное, то это был тезка Вещего Олега, но, скорее, это титул скандинавского вождя, т. е. имеется в виду сам Игорь, ибо Хельгу назван «царем России». [\[38, с. 117\]](#)

В 939 г. (или в начале 940 г.) Хельгу внезапным ночным нападением взял город С-м-к-рай (Самкерц, на берегу Керченского пролива), «потому что не было там начальника, ребе Хашмоная». Видимо, нападение русов было для хазарского царя неожиданностью.

В то же время другая русская рать, предводительствуемая воеводой Свенельдом, покорила племя уличей, обитавшее в низовьях Днестра и Буга. Уличи воевали против киевского князя еще в 885 г. [\[42, т. II, с. 254\]](#) и, естественно, находились в союзе с хазарами. Тогда им удалось отстоять свою независимость от Киева. Наконец войска русов после трехлетней осады, закончившейся в 940 г., взяли оплот уличей — город Пересечен и обложили их данью в пользу воеводы Свенельда. [\[62, с. 102–103\]](#)

Отсюда видно, что война велась на обширной территории весьма продуманно и целеустремленно. Это отнюдь не похоже на случайный пограничный инцидент или на грабительский набег варяжских дружинников.

Хазарский царь ответил на удар ударом. Полководец «досточтимый Песах» освободил Самкерц, отбросил русов от берегов Азовского моря, вторгся в Крым, взял там три греческих города, где «избил мужчин и женщин», но был остановлен стенами Херсонеса, куда спаслось уцелевшее христианское население Крыма.

Затем Песах пошел на Хельгу, т. е. подступил к Киеву, опустошил страну и принудил Хельгу, против его воли, воевать с бывшими союзниками-византийцами за торжество купеческой иудейской общины Итиля.

Все эти события в русской летописи опущены, за исключением последовавшего за ними похода на Византию. Это понятно: грустно писать о разгроме своей страны, но разгром этот подтверждается новыми косвенными данными.

Около 940 г. от Киевского княжества отпало днепровское Левобережье (северян и радимичей впоследствии пришлось покорять заново). [\[32, с. 67–68\]](#) Русы выдали победителю свое лучшее оружие — мечи [\[27\]](#) и, видимо, обязались платить дань, собираемую с племен Правобережья, т. е. с древлян (см. ниже). Завоеванные земли уличей и тиверцев — в низовьях Днестра и Дуная — попали в руки печенегов. [\[5, с. 147–149\]](#) Кривичи освободились и создали независимое Полоцкое княжество. Осколок варяжской Руси из неравноправного союзника Хазарского каганата превратился в вассала, вынужденного платить дань кровью своих

богатырей.

Русам абсолютно не из-за чего было воевать с греками. Нестор не мог придумать подходящий мотив для похода и ограничился голой констатацией фактов. Зато Еврейский аноним раскрыл причины происшедшей трагедии. Не без гордости он приписал ее давлению «досточтимого Песаха» на русского князя Хельгу (грекам имя Игоря тоже неизвестно), который «воевал против Кустантины на море четыре месяца. И пали там богатыри его, потому что македоняне осилили его огнем. И бежал он, и постыдился вернуться в свою страну, и пошел морем в Персию, и пал там он и весь стан его. Тогда стали русы подчинены власти хазар». [\[38, с. 120\]](#)

Эта война протекала в 941 г. Ужасные последствия ее для русских богатырей описаны в «Повести временных лет», несмотря на усилия летописца представить события более приглядно. Десять тысяч кораблей высадили десант на северном побережье Малой Азии, и начались такие зверства, которые были непривычны даже в те времена. Русы пленных распинали (sic), расстреливали из луков, вбивали гвозди в черепа; жгли монастыри и церкви, [\[42, т. I, с. 33, 230\]](#) несмотря на то что многие русы приняли православие еще в 867 г. Все это указывает на войну совсем иного характера, нежели прочие войны X в. Видимо, русские воины имели опытных и влиятельных инструкторов, и не только скандинавов.

Греки подтянули силы, сбросили десант в море и сожгли русские лодки греческим огнем. Кто из русов не сгорел, тот утонул. Хазарские евреи избавились от обоих возможных противников.

Согласно «Повести временных лет», поход на Византию был повторен в 944 г. А. А. Шахматов считает рассказ об этом походе выдумкой, но, по-видимому, он не прав [\[62, с. 72\]](#)[\[прим. 38\]](#). В 943–944 гг. уцелевших русских воинов хазарские иудеи бросили в Арран (Азербайджан), где засели дейлемские шииты.

Русы при высадке разбили войска правителя Аррана Марзубана ибн-Мухаммеда и взяли город Берда на берегу Куры. Марзубан блокировал крепость, и в постоянных стычках обе стороны несли большие потери. Однако страшнее дейлемских стрел и сабель оказалась дизентерия. Эпидемия вспыхнула в стане русов. После того как в одной из стычек был убит предводитель русов, они пробились к берегу и уплыли обратно в Хазарию [\[прим. 39\]](#).

Итак, за три года союза с царем Иосифом русы потерпели два тяжелых поражения и потеряли много храбрых воинов. Но даже если бы они победили, то победа ничего бы им не дала, потому что закрепиться в Малой Азии или в Закавказье было невозможно, да и не нужно. Обе войны были проведены исключительно в интересах купеческой общины Итиля. Казалось, что славяно-руссы должны разделить горькую участь тюрко-хазар.

Кто виноват?

Может показаться, что агрессия в интересах купеческой верхушки иудейской общины, произведенная руками хорезмийских наемников и воинственных русов, была плодом злой воли хазарских царей Вениамина, Аарона и Иосифа при попустительстве хазарских каганов, имена коих история не сохранила. Действительно, крови было пролито немало, погибли ни в чем не повинные обитатели побережий Черного и Каспийского морей, сложили голову за чужое дело русские богатыри, были обобраны и ежедневно оскорбляемы хазары, аланы потеряли свои христианские святыни, славяне платили дань по белке от дыма, лишь бы их не трогали печенеги, гузы не смыкали глаз, охраняя свои палатки от внезапного нападения. Это перманентное безобразие было тяжело для всех народов, кроме купеческой верхушки Итиля и обслуживавших ее наемников, но последние за приличное содержание платили своей кровью.

Но если мы попытаемся осудить за создавшуюся ситуацию иудейскую общину Хазарии, то немедленно встанет вопрос: а чего было ждать? Евреи попали в Хазарию вследствие гонений, которым они подвергались в Иране за близость к маздакитам, а в Византии — за сотрудничество с арабами, вызванное торговым соперничеством с греками и армянами. Те и другие в торговых операциях были не менее искусны, чем евреи, а к тому же пользовались поддержкой своего правительства. Евреи, чтобы обойти конкурентов, воспользовались поддержкой чужого правительства, арабского, но халифы требовали от них помощи и в военных операциях, например сдачи христианских крепостей, что влекло продажу в рабство всех христиан, не убитых при захвате города, и осквернение христианских святынь. Естественно, что родственники и единоверцы погибших в восторге не были.

Точно так же поступали языческие союзники хазар с мусульманскими городами, за тем лишь исключением, что в жертву войне хазарские иудеи приносили дейлемских шиитов — горцев, не умевших торговать. Но в 945 г. вождь дейлемитов вступил в Багдад и стал править от имени халифа, имея титул «амир ал-умара» (эмир эмиров — главнокомандующий). Это означало, что хазарские иудеи войну за Каспий проиграли. Им оставалось ориентироваться на союзную Среднюю Азию и только что завоеванную Восточную Европу.

Иудейская община получала необходимую ей военную силу из Средней Азии и оплачивала ее данью из Восточной Европы. Но могла ли она поступать иначе?

Ведь, выпустив из рук власть, она теряла и накопленные богатства, и контроль над транзитной торговлей, а следовательно, все средства к существованию. Горожане и купцы не могли вернуться к земледелию и скотоводству, потому что они не имели навыков, необходимых для этих занятий. Потеряв власть, они теряли богатство, а вслед за тем и жизнь. Поэтому им надо было держаться и побеждать.

Но победы и расширение державы не всегда ведут к процветанию и устойчивости. Покорение сильного этноса иной раз стоит дороже, чем доходы, которые можно получить. Это показали первыми камские болгары, освободившиеся от хазарской гегемонии. После болгар, при неясных обстоятельствах, добились независимости гузы и печенеги. Все они стали врагами иудео-хазар.

Победы Песаха позволили хазарскому царю перенести налоговый гнет на русское население Поднепровья, ибо варяжские конунги готовы были оплачивать свой покой данью, собираемой со славян, менее организованных и потому менее опасных. А из этого проистекли дальнейшие события.

Итак, если уж применять к историческому процессу человеческие этические нормы, то винить в бедах Русской земли можно варягов, конечно, не за то, что они путем обмана захватили

Киев, ибо обман на войне — это не предательство доверившегося, и не за то, что они обирали покоренные славянские племена, поскольку те не отстаивали свободу, предпочитая платить дань, а за то, что, возглавив племя полян, называемых тогда русью, эти конунги «блестяще проиграли» все войны: с греками, печенегами, дейлемитами и хазарскими евреями. Омерзительно, что они, перехватив у русов инициативу, довели страну до полного развала и превратили ее в вассала хазарских царей. Но еще хуже, что, выдав хазарским евреям мечи как дань, т. е. по существу обезоружив свое войско, эти узурпаторы бросили своих богатырей на противников, вооруженных греческим огнем или легкими кривыми саблями. Это такая безответственность, такое пренебрежение к обязанностям правителя, что любые оправдания неуместны.

Однако малочисленные варяжские дружины не могли бы держаться в чужой стране без поддержки каких-то групп местного населения. Эти проваряжские «гостомыслы» [\[прим. 40\]](#), пожалуй, виноваты больше всех других, так как они жертвовали своей родиной и жизнью своих соплеменников ради своих корыстных интересов. А сопротивление варягам было даже в Новгороде, хотя сведение о нем сохранилось только в поздней, Никоновской летописи [\[прим. 41\]](#).

Но, помимо эмоционального отношения к давно минувшим фактам, необходим их объективный анализ. Друзья варягов, хотели они того или нет, способствовали включению Русской земли в мировой рынок, который в то время находился под контролем иудейской Хазарии. Русь поставляла на мировой рынок меха, олово и рабов, но не получала взамен ничего, так как поставляла эти товары как дань.

Вот почему князь Игорь Старый, собирая дань в стране древлян, вынужден был отпустить часть своей дружины, после чего был убит древлянами [\[прим. 42\]](#). Дружину надо было оплачивать той же добытой данью, но из нее же надо было послать дань в Хазарию, чтобы полководец Песах не повторил поход. Игорь больше страшился хазар и решил собрать требуемую сумму с наименьшими затратами. Поэтому он стал экономить на «технике безопасности» и погубил не только себя, но и своих сторонников. Но жалеть его не стоит. Благодаря оплошности Игоря Русь вернула себе свободу и славу.

Переворот в Киеве

До тех пор, пока хазарское правительство подчиняло себе народы многочисленные, как черные болгары, культурные, как аланы, храбрые, как печенеги, и вольнолюбивые, как гузы, оно умело управлять ими. Всегда можно было подкупить вождя, или нанять на службу удальцов из народа, или обольстить влиятельных женщин, или завербовать предателей. Важно было то, что этнопсихологическую реакцию можно было рассчитать, так как творческие элементы в психологии были вытеснены традиционными, поддающимися изучению.

Но древние славяно-русы в X в., в отличие от перечисленных народностей, были пассионарным этносом. Надлом, т. е. переход из акматической фазы в инерционную, связанный с варяжской узурпацией, унес много жертв и принес немало позора, но не полностью уничтожил пассионарный генофонд в стране.

В благодатном ландшафте, в устойчивом быте, не нарушенном ни техническими усовершенствованиями, ни европейскими методами воспитания, росли сироты, дети богатырей, погибших на Черном море от греческого огня и на Каспийском — от эпидемий. Они знали, кто послал их отцов на гибель, отобрав предварительно заветные мечи. Они видели, куда уходили шкуры белок и куниц и отчего мерзли их матери и сестры. Они слышали грозные окрики из Киева, где сидел князь, надежно защищенный от народа союзом с хазарским царем, войско которого было всегда наготове.

В этой обстановке росли... ровесники князя Святослава.

По аутентичному источнику — летописанию — князь Святослав родился в 942 г. Его официальный отец Игорь в 879 г. был «дѣтескъ вельми», но даже в этом случае в 942 г. ему было более 66 лет, а его жене Ольге — 49–50. Святослав был их первенец, и он действительно был сын Ольги, а что касается Игоря Рюриковича, то это на совести автора аутентичного источника, так же как и возраст Ольги, которая вплоть до кончины в 969 г. вела себя куда более деятельно, чем это может старуха в 76 лет [\[прим. 43\]](#).

Интересно, что Ольга с сыном жили не в Киеве, а в Вышгороде, где «кормильцем» Святослава, т. е. учителем, был некто Асмуд, а воеводой его отца — Свенельд.

Свенельд имел на прокорм своей дружины дань с древлян и уличей. Игорева дружина считала, что это для него слишком роскошно. Игорю приходилось платить дань хазарам и кормить свою дружину. В 941 и 943 гг. киевский князь откупался от хазарского царя, участвуя в его походах, но в 944 г. «Игорь, побуждаемый дружиной, идет походом на Деревскую землю (чтобы собрать себе дань, причитающуюся Свенельду и его дружине), но Свенельд не отказывается от данных ему прав — происходит столкновение Игоревой дружины со Свенельдовой и с древлянами — подданными Свенельда; в этом столкновении Игорь убит Мстиславом Лютом, сыном Свенельда». [\[62, с. 365\]](#)

Версия А. А. Шахматова устраняет одну из нелепостей версии Нестора, согласно которой корыстолюбие Игоря было сопряжено с легкомыслием. В самом деле, как отпустить дружину, оставаясь в разграбленной стране?! Другое дело, если Игорь и его советники были уверены в бессилии древлян и пали жертвой заговора, организованного в Вышгороде. Но и тогда остается неясным, почему киевская дружина не отомстила Мстиславу Люту за измену и гибель пусть не князя, но своих соратников? И как на это решились в Вышгороде, когда силы Киева превосходили их силу вдвое? И наконец, почему заговор удался, а месть Мстиславу Люту совершилась лишь в 975 г., когда его убил Олег Святославич, точнее, его свита?

В обеих версиях чего-то не хватает: по нашему мнению, не учтено влияние хазарского царя Иосифа.

После похода Песаха киевский князь стал вассалом хазарского царя, а следовательно, был уверен в его поддержке. Поэтому он перестал считаться с договорами и условиями, которые он заключил со своими подданными, полагая, что они ценят свои жизни больше своего имущества. Это типично еврейская постановка вопроса, где не учитываются чужие эмоции. Свенельдичем и его дружиной овладела обида: они восприняли лишение их доли дани, без которой вполне можно было обойтись, как оскорбительное пренебрежение, на которое ответили убийством князя. Но так как Игорь и окружавшие его варяги после двух тяжелых поражений были на Руси непопулярны, то заговорщиков поддержали широкие массы древлян, благодаря чему переворот удался, ибо княжеская дружина оказалась в изоляции.

Затем наступило короткое междукняжие, [\[62, с. 109\]](#) после которого князем стал малолетний Святослав, регентшей — его мать, псковитянка Ольга, а главой правительства — воевода Свенельд, отец Мстислава Люта. Состав нового правительства говорит сам за себя. Отметим лишь, что старшее поколение носит скандинавские, а младшее — славянские имена. Короче говоря, вся фактическая власть сосредоточилась в руках либо славян, либо ославяненных россов.

Не ясен и, вероятно, неразрешим только один вопрос: был ли Святослав сыном Игоря Старого? Летопись в этом не сомневается [\[прим. 44\]](#), у нас нет уверенности в этом [\[прим. 45\]](#). Но в плане этнологическом это не так уж важно. Ольга и Свенельд восстановили славяно-русскую традицию и вернули Русь на тот путь, по которому она двигалась до варяжской узурпации. И последствия оказались самыми благоприятными для Русской земли и весьма тяжелыми для еврейской общины в Хазарии. Славянский элемент восторжествовал и над норманнским, и над россомонским, сохранив от последнего только само название: «поляне, яже ныне рекомая русь». Смена веры в 988 г. позволила покончить с северными заморскими традициями, и Русь вступила в инерционный период этногенеза, при котором условия для накопления культурных ценностей оптимальны.

Русь, избавившись от варяжского руководства, восстанавливалась быстро, хотя и не без некоторых трудностей.

В 946 г. Свенельд усмирил древлян и возложил на них «дань тяжку», две трети которой шли в Киев, а остальное — в Вышгород, город, принадлежавший Ольге. [\[42, т. I, с. 143\]](#)

В 947 г. Ольга отправилась на север и обложила данью погосты по Мете и Луге. Но Левобережье Днепра осталось независимым от Киева [\[прим. 46\]](#) и, по-видимому, в союзе с хазарским правительством. [\[63, с. 51–54\]](#)

Вряд ли хазарский царь Иосиф был доволен переходом власти в Киеве из рук варяжского конунга к русскому князю, но похода Песаха он не повторил. За истекшие пять лет внешнее положение еврейской общины Итиля осложнилось. Прекратилась не только торговля с Багдадом вследствие победы Бундов, но и китайская торговля потерпела урон. В 946 г. кидани взяли Кайфын, столицу Китая и узел караванной торговли, потом отдали его тюркам-шато, а те оказались во вражде и с киданями, и с китайцами. [\[25, с. 78–79\]](#) Торговля от этих неурядиц пострадала сильно. А во Франции тоже шла ожесточенная война между последними Каролингами и герцогами Иль-де-Франс. Как уже было сказано, Каролинги за деньги давали защиту французским евреям; поэтому их поражение и неминуемость падения Западной империи не сулили евреям ничего хорошего.

Исходя из этих обстоятельств, хазарский царь Иосиф счел за благо воздержаться от похода на Русь, но отсрочка не пошла ему на пользу. Ольга отправилась в Константинополь и 9 сентября 957 г. приняла там крещение, что означало заключение тесного союза с Византией, естественным врагом иудейской Хазарии. Попытка перетянуть Ольгу в католичество, т. е. на сторону Германии, предпринятая епископом Адальбертом, по заданию императора Оттона I прибывшим в Киев в 961 г., успеха не имела. [\[12, с. 458–459\]](#) С этого момента царь Иосиф потерял надежду на мир с Русью, и это было естественно. Война началась, видимо, сразу после крещения Ольги.

То, что война Хазарии с Русью шла в 50-х годах X в., определенно подтверждает письмо царя Иосифа к Хасдаи ибн-Шафруту, министру Абдаррахмана III — омейядского халифа Испании, написанное до 960 г.: «Я живу у входа в реку и не пускаю русов, прибывающих на кораблях, проникнуть к ним (мусульманам). Точно так же я не пускаю всех врагов их, приходящих сухим путем, проникать в их страну. Я веду с ними (врагами мусульман. — Л. Г.) упорную войну. Если бы я оставил их (в покое. — Л. Г.), они уничтожили бы всю страну исмаильтян до Багдада». [\[38, с. 83–84\]](#)

Это, конечно, преувеличение. Бунды в Иране, Багдаде и Азербайджане держались крепко. По-видимому, Иосиф хотел расположить к себе халифа Испании, чтобы попытаться создать антивизантийский блок на Средиземном море, где как раз в это время греки при поддержке русов отвоевывали Крит, базу арабо-испанских пиратов. В 960 г. Никифор Фока одержал победу. Надежды царя Иосифа на помощь западных мусульман разбились вдребезги.

Тем не менее Византия не могла активно помочь обновленной Руси. Силы греков были скованы наступлением на Киликию и Сирию. В решающие 965–966 гг. Никифор Фока взял Мопсуестию, Таре, завоевал Кипр и дошел до стен «великого града Божьего» — Антиохии.

Эти победы стоили дорого. В Константинополе в 965–969 гг. царил голод, так как цена хлеба поднялась в 8 раз. Популярность правительства падала.

Однако дружба с Византией обеспечила Руси союз с печенегам, важный при войне с Хазарией. Печенеги, придя на западную окраину Степи, оказались в очень сложном положении:

между греками, болгарами и русскими. Чтобы не быть раздавленными, печенеги заключили союзные договоры с русскими и греками, обеспечивали безопасность торговли между Киевом и Херсонесом, снабжали русов саблями взамен тяжелых мечей. Этот союз продолжался до 968 г.; [\[42, т. II, с.312\]](#) [\[34, т. II, с. 231–233\]](#) т. е. до очередного русско-византийского конфликта. Но в решающий момент войны с Хазарией печенеги были на стороне киевского князя.

Сторонниками хазарского царя в это время были ясы (осетины) и касоги (черкесы), занимавшие в X в. степи Северного Кавказа. Однако преданность их иудейскому правительству была сомнительна, а усердие приближалось к нулю. Во время войны они вели себя очень вяло. Примерно так же держали себя вятичи — данники хазар, а болгары вообще отказали хазарам в помощи и дружили с гузами, врагами хазарского царя. Последний мог надеяться только на помощь среднеазиатских мусульман.

Искренность и выгода

Казалось бы, естественно, что на востоке союзником иудейской Хазарии было таджикское государство Саманидов, известное благодаря активной внешней торговле и блестящей культуре. Однако положение в этой державе было сложным. За 150 лет господства Аббасидов в Средней Азии и Иране потомки арабов, персов, согдийцев и части парфян сумели приспособиться к новым условиям и к X в. слились в монолитный таджикский этнос. Именно таджиков возглавила местная династия Саманидов, и созданная ими культура блистала, как алмаз, по сравнению с которой все прочие — оправа.

Здесь, в кратком очерке, нет возможности описать эту богатую эпоху, но... кристаллы появляются при остывании магмы. За одно только столетие доблесть дехкан, вознесших трон Исмаила Самани, растаяла в очаровании садов, веселом шуме базаров и благолепии суннитских мечетей. Потомки воинов стали веселыми и образованными обывателями.

Вскоре Саманиды, чтобы сохранить свою державу, стали покупать тюркских рабов (гулямов) и составлять из них войско. Те, оставаясь де-юре рабами, могли делать карьеру (порой головокружительную — вплоть до наместников провинций), поскольку фактически гулямы были куда сильнее свободных дехкан и купцов. Ведь в их руках были сабли, и все они были профессиональными вояками. Таким любое ополчение не страшно.

И за границей были тюрки, ставшие мусульманами. В 960 г. приняли ислам карлуки, вслед за ними — воинственные чигили и храбрые ягма. Это снискало им симпатии могущественной суннитской церкви, опасавшейся вольномыслия Саманидов. Шииты казались мусульманскому духовенству большими врагами, чем иноплеменники. К 999 г. Саманиды были преданы буквально всеми: тюркскими наемниками, духовенством, горожанами Бухары, но и до этого помочь хазарским евреям они не могли. В ином положении был одинокий оазис Хорезм, неподалеку от Аральского моря.

Хорезм подобен зеленому острову среди желтой пустыни, и древнее население его — хорасмии, или хвалиссы, — избежало арабского погрома, преобразившего города Согдианы. Хорезмшах покорила арабам еще в 712 г., согласился на уплату дани и обязался оказывать военную помощь. Этим он спас свой народ, состарившийся и уставший [\[прим. 47\]](#).

В X в. в Хорезмском оазисе было два государства: старожилы в Кяте правил хорезмшах; осевшими в Ургенче тюрками — эмир. Они объединились в 996 г., и тогда Хорезм стал тюркоязычным оседлым самостоятельным этническим образованием.

Необходимую для этого традицию сберегли потомки хорасмиев, а пассионарность привнесли тюрки, главным образом туркмены. За X в. благодаря исключительно благоприятным условиям симбиоз превратился в системную целостность — этнос в мусульманском суперэтнотесе.

Можно задуматься над тем, откуда взялась пассионарность у приаральских кочевников. Эти потомки сарматов должны были растратить ее одновременно с хорасмиями, согдийцами и парфянами. Да, так, но в VI–VII вв., в эпоху Западно-Тюркютского каганата, с берегов Орхона шел генетический дрейф, разносящий признак на окраины ареала популяции [\[прим. 48\]](#). Попросту говоря, степные богатыри во время походов на запад награждали местных красавиц своей благосклонностью, а появлявшиеся потомки наследовали пассионарность отцов.

Современники характеризовали хорезмийцев так: «Они храбро воюют с гузами и недоступны для них» (Истахри); «они люди гостеприимные, любители поесть, храбрые и крепкие в бою» (Макдиси); «люди его (города Кята) — борцы за веру и воинственны», «население его (Ургенча) славится воинственностью и искусством метать стрелы» (Худуд ал-

Алям); «каждой осенью с наступлением холодов царь Хорезма выступал в поход против гузов» (Бируни). [\[цит. по: 55, с. 244\]](#)

А так как гузы в X в. стали врагами Хазарского царства, то у царя Иосифа были все основания надеяться на помощь Хорезма. Ведь экономическое благополучие Ургенча и Кята в первой половине X в. было основано на торговле с Хазарией, шедшей через Устюрт и Мангышлак, в обход кочевий гузов. [\[55, с. 242\]](#) Будь царь Иосиф или другой еврей владыкой Ургенча, он поддержал бы хазарскую иудейскую общину, потому что это было выгодно не только ему, но и его стране. Но в Ургенче правил тюрк, который ради веры пошел на менее выгодный союз с освободившимся от Хазарии Булгаром. Гузы, воюя с хорезмийцами, купцов через свои земли пропускали, взимая пошлину. Эта торговля была менее выгодна Хорезму, зато совесть тюрка была чиста.

Понятие «выгода» у разных этносов и в разные эпохи различно. Для эмира Ургенча деньги значили много, но не все. Он не мог на них купить расположение мулл и улемов, энтузиазм своих конных стрелков, симпатии соседних кочевников и даже любовь своих жен. В Азии не все продается, а многое дается даром, ради искренней симпатии, которую эмир должен приобрести, если не хочет сменить трон на могилу. Поскольку общественное мнение хорезмийцев X в. формировалось в постоянной войне за ислам, то и правитель их должен был поступать в согласии с установленным стереотипом поведения. Он так и делал.

Макдиси сообщает: «Городами Хазарии иногда завладевает владетель Джурджании». И в другом месте: «Слышал я, что ал-Мамун нашествовал на них (хазар) из Джурджании, победил их и обратил к исламу. Затем слышал я, что племя из Рума, которое зовется Рус, нашествовало на них и овладело их страной» [\[цит. по: 55, с. 252–253\]](#). И Ибн-Мискавейх и Ибн ал-Асир сообщают о нападении в 965 г. на кагана Хазарии какого-то тюркского народа. Хорезм дал помощь при условии обращения хазар в ислам, а потом «обратился и сам каган». [\[55, с. 252–253\]](#) Сопоставим эти сведения с тем, что мы уже знаем.

В 943 г. хазарские иудеи и хорезмийцы, по свидетельству Масуди, были в союзе. В 965 г. Хазарская держава пала. Следовательно, колебания политики Хорезма имели место в промежутке между этими датами. Логично думать, что шансы царя Иосифа упали после поездки Ольги в Константинополь в 957 г. Значит, в эти годы (957–964) хорезмийцы под предлогом защиты хазар от гузов и русов обратили языческое население дельты Волги в ислам. Те пошли на это охотно, потому что не видели от своих правителей ничего доброго. Таким образом, Святославу была открыта дорога на Итиль, а подготовка к войне закончена [\[прим. 49\]](#).

Пятый акт трагедии

964 год застал Святослава на Оке, в земле вятичей. Война русов с хазарскими иудеями уже была в полном разгаре, но вести наступление через Донские степи, контролируемые хазарской конницей, киевский князь не решился [\[прим. 50\]](#). Сила русов X в. была в ладьях, а Волга широка. Без излишних столкновений с вятичами русы срубили и наладили ладьи, а весной 965 г. спустились по Оке и Волге к Итилю, [\[3, с. 426–429\]](#) в тыл хазарским регулярным войскам, ожидавшим врага между Доном и Днепром [\[прим. 51\]](#).

Поход был продуман безукоризненно. Русы, выбирая удобный момент, выходили на берег, пополняли запасы пищи, не брезгуя грабежами, возвращались на свои ладьи и плыли по Волге, не опасаясь внезапного нападения болгар, бургасов и хазар. Как было дальше, можно только догадываться.

При впадении р. Сарысу Волга образует два протока: западный — собственно Волга и восточный — Ахтуба. Между ними лежит зеленый остров, на котором стоял Итиль, сердце иудейской Хазарии. [\[21, с. 26\]](#) Правый берег Волги — суглинистая равнина; возможно, туда подошли печенеги. Левый берег Ахтубы — песчаные барханы, где хозяевами были гузы. Если часть русских ладей спустилась по Волге и Ахтубе ниже Итиля, то столица Хазарии превратилась в ловушку для обороняющихся без надежды на спасение.

Продвижение русов вниз по Волге шло самосплавом и поэтому настолько медленно, что местные жители (хазары) имели время убежать в непроходимые заросли дельты, где русы не смогли бы их найти, даже если бы вздумали искать. Но потомки иудеев и тюрков проявили древнюю храбрость. Сопrotивление русам возглавил не царь Иосиф, а безымянный каган. Летописец лаконичен: «И бывши брани, одолъ Свято-славъ козаромъ и градъ ихъ... взя» [\[42, т. I, с. 47\]](#) [\[прим. 52\]](#). Вряд ли кто из побежденных остался в живых. А куда убежали еврейский царь и его приближенные-соплеменники — неизвестно.

Эта победа решила судьбу войны и судьбу Хазарии. Центр сложной системы исчез, и система распалась. Многочисленные хазары не стали подставлять головы под русские мечи. Это им было совсем не нужно. Они знали, что русам нечего делать в дельте Волги, а то, что русы избавили их от гнетущей власти, им было только приятно. Поэтому дальнейший поход Святослава — по наезженной дороге ежегодных перекочевок тюрко-хазарского хана, через «черные земли» к Среднему Тереку, т. е. к Семендеру, затем через кубанские степи к Дону и, после взятия Саркела, в Киев — прошел беспрепятственно.

Русские ратники, изголодавшиеся за долгий переход по полупустыне, разграбили роскошные сады и виноградники вокруг Семендера, но обитатели этих незащищенных поселений могли легко укрыться в густом лесу на берегу Терека. Жители Саркела, вероятно, разбежались заблаговременно, ибо сражаться стало не за что и не для чего. Гибель иудейской общины Итиля дала свободу хазарам и всем окрестным народам. Зигзаг сгладился, и история потекла по нормальному руслу.

Хазарские евреи, уцелевшие в 965 г., рассеялись по окраинам своей бывшей державы. Некоторые из них осели в Дагестане (горские евреи), другие — в Крыму (караимы). Потеряв связь с ведущей общиной, эти маленькие этносы превратились в реликты, уживавшиеся с многочисленными соседями. Распад иудео-хазарской химеры принес им, как и хазарам, покой.

Поклонники плененного света

Хазарская трагедия описана нами, но не объяснена. Неясными остаются причины того, почему многочисленная еврейская община, лишенная искренних друзей, ненавидимая соседями, не поддержанная подданными, полтора столетия господствовала над международной торговлей и возглавляла добрую половину разрозненных иудейских общин. Без искренних попутчиков и союзников такое дело неосуществимо. Значит, у иудейской Хазарии такие союзники были.

«Враги наших врагов — наши друзья», — гласит старинная пословица. Даже если они нас не любят и ничего от нас не получают, они, борясь со своими, а тем самым нашими врагами, помогают нам. В IX–XI вв. непримиримыми по отношению к христианству, исламу и хинаяническому буддизму были сторонники учения пророка и философа Мани, казненного в Иране в 276 г. Учение его распространилось на восток до Желтого моря, а на запад до Бискайского залива, но нигде не могло укрепиться из-за своей непримиримости. К IX в. манихейская община, как таковая, исчезла, но она дала начало множеству учений и толкований, породивших несколько сильных движений, резко враждебных христианству и исламу. Повсюду, где только не появлялись манихейские проповедники, они находили искренних сторонников, и всюду текла кровь в таких масштабах, которые шокировали даже привыкших ко многому людей раннего средневековья. А собственно говоря, почему надо было из-за поэтических взглядов на мир жертвовать собой и убивать других? Но ведь убивали же!

Манихейские проповедники в Южной Франции и даже в Италии так наэлектризовывали массы, что подчас даже папа боялся покинуть укрепленный замок, чтобы на городских улицах не подвергнуться оскорблениям возбужденной толпы, среди которой были и рыцари, тем более что затронутые пропагандой феодалы отказывались их усмирять.

Во второй половине XI в. манихейское учение охватило Ломбардию, где пороки высшего духовенства вызвали законное возмущение мирян. В 1062 г. священник Ариальд выступил в Милане против брака священников, но встретил сопротивление архиепископа Гвидо, и был убит. Борьба продолжалась, причем архиепископа и его наследника поддерживал император Генрих IV — тайный сатанист, а реформаторов — папы Александр II и Григорий VII. Видимо, и папы и император не интересовались сущностью проблемы, а просто искали сторонников. За соперничество вождей заплатили жители Милана, который сгорел во время уличного боя в 1075 г. В XII в. манихеи, названные в Италии патаренами, распространились по всем городам вплоть до Рима, причем наименее склонными к ереси оказались крестьяне, а наиболее активными еретиками — дворяне и священники, т. е. самая пассионарная часть населения.

В Лангедоке, находившемся под призрачным покровительством королей Германии, центром манихейства стал город Альби, из-за чего французских манихеев стали называть альбигойцами, наряду с их греческим наименованием — катары, что значит «чистые». Их община делилась на «совершенных», «верных» и мирян. «Совершенные» жили в безбрачии и посте, обучая «верных» и напутствуя умирающих, которые на одре смерти принимали посвящение в «совершенные», чтобы спастись от уз материального мира. Миряне, сочувствующие катарам, переводили на народные языки книги Ветхого Завета как героические сказания, чем понемногу изменяли идеалы рыцарства, а тем самым и стереотип поведения своих читателей. Остальное довершила антипатия провансальцев к французам как к чуждому и агрессивному этносу. К 1176 г. большая часть дворянства и духовенства Лангедока стали катарами, а меньшая часть и крестьяне предпочитали молчать и не протестовать.

Религиозные воззрения и разногласия сами по себе не повод для раздоров и истребительных войн, но часто являются индикатором глубоких причин, порождающих грандиозные

исторические явления. Распространенное мнение, что пламенная религиозность средневековья породила католический фанатизм, от которого запылали костры первой инквизиции, — вполне ошибочно. К концу XI в. духовное и светское общество Европы находилось в полном нравственном упадке. Многие священники были безграмотны, прелаты получали назначения благодаря родственным связям, богословская мысль была задавлена буквальными толкованиями Библии, соответствовавшими уровню невежественных теологов, а духовная жизнь была скована уставами клюнийских монахов, настойчиво подменявших вольномыслие добронравием. В ту эпоху все энергичные натуры делались или мистиками или развратниками. [\[подробно 47, с. 170–173\]](#) А энергичных и пассионарных людей в то время было много больше, чем требовалось для повседневной жизни. Поэтому-то их и старались сплавить в Палестину, освободить Гроб Господень от мусульман, с надеждой, что они не вернуться.

Но ехали на Восток не все. Многие искали разгадок бытия, не покидая родных городов, потому что восточная мудрость сама текла на Запад. Она несла ответ на самый больной вопрос теологии: Бог, создавший мир, благ; откуда же появились зло и сатана?

Принятая в католичестве легенда о восстании обуянного гордыней ангела не удовлетворяла пытливые умы. Бог всеведущ и всемогущ! Значит, он должен был предусмотреть это восстание и подавить его. А раз он этого не сделал, то он повинен во всех последствиях и, следовательно, является источником зла.

Для подавляющего большинства людей, входивших в христианские этносы средневековья, сложные теологические проблемы были непонятны и ненужны. Однако потребность в органичном, непротиворечивом мировоззрении была почти у всех христиан, даже у тех, кто практически не верил в догматы религии и, уж во всяком случае, не думал о них.

Характер и система мировоззрения имели практический смысл — отделение добра от зла и объяснение того, что есть зло. Для средневекового обывателя эта проблема решалась просто — противопоставлением Бога дьяволу, т. е. путем элементарного дуализма. Но против этого выступили ученые теологи, монахи, утверждавшие, что Бог вездесущ. Но коль скоро так, то Бог присутствует в дьяволе и, значит, несет моральную ответственность за все проделки сатаны.

На это мыслящие люди возражали, что если Бог — источник зла и греха, пусть даже через посредство черта, то нет смысла почитать его. И они приводили тексты из Нового Завета, где Христос отказался вступить в компромисс с искушавшим его дьяволом.

На это сторонники монизма возражали теорией, согласно которой сатана был создан чистым ангелом, но возмутился и стал творить зло по самоволию и гордости. Но эта концепция несовместима с принципом всеведения Бога, который должен был предусмотреть нюансы поведения своего творения, и всемогущества, ибо, имея возможность прекратить безобразия сатаны, он этого не делает. Поэтому теологи выдвинули новую концепцию: дьявол нужен и выполняет положенную ему задачу, а это, по сути дела, означало компромисс Бога и сатаны, что для людей, безразличных к вере, было удобно, а для искренне верующих — неприемлемо. Тогда возникли поиски нового решения, а значит, и ереси.

В 847 г. ученый монах Готшалк, развивая концепцию Блаженного Августина, выступил с учением о предопределении одних людей к спасению в раю, а других — к осуждению в аду, вне зависимости от их поступков, а по предвидению Божию в силу его всеведения. Это мнение было вполне логично, но абсурдно, ибо тогда отпадала необходимость что-либо делать ради своего спасения и, наоборот, можно было творить любые преступления, ссылаясь на то, что и они предвидены Богом при сотворении мира. Проповедь Готшалка вызвала резкое возмущение. В 849 г. по поводу ее возникла полемика, в которой принял участие Иоанн Скот Эригена, заявивший, что зла в мире вообще нет, что зло — это отсутствие бытия, следовательно, проблема Добра и Зла вообще устранялась из теологии, а тем самым упразднялась не только

теоретическая, но и практическая мораль.

Мнение Эригены было осуждено на поместном соборе в Валенсе в 855 г. [\[2, с. 62–65\]](#) Собор высказался в пользу учения Готшалка и с презрением отверг «шотландскую кашу», т. е. учение Эригены, которое квалифицировали как тезисы дьявола, а не истинной веры. [\[2, с. 62–65\]](#) Но ведь в обоих вариантах зло, как метафизическое (сатана), так и практическое (преступления), реабилитировалось. Готшалк считал источником зла божественное предвидение, а Эригена предлагал принимать очевидное зло за добро, так как «Бог зла не творит».

Итак, теоретически проблема Добра и Зла зашла в тупик, а практически Римская церковь вернулась к учению Пелагия о спасении путем свершения добрых дел. Такое решение было отнюдь не сознательным отходом от взглядов Блаженного Августина, а скорее, инстинктивным, воспринимаемым интуитивно и дававшим практические результаты естественную мораль. Но если пелагианство удовлетворяло запросам массы, то не снимало вопроса о природе и происхождении зла и сатаны, упомянутого в Новом Завете неоднократно. Неопределенность тревожила пытливые умы молодых людей всех наций и сословий.

Не то чтобы они искали в философии и теологии способ обогащения или социального переустройства; нет, им требовалось непротиворечивое мировоззрение, которое объединило бы их жизненный опыт с традицией и уровнем знаний того времени.

В самом деле, годилось ли для людей IX в., одаренных пылким воображением при привычке к конкретному мировосприятию, описание Бога, как «непостижимости», которая не знает, что она есть. По отношению к предметам мира — Бог обозначается как небытие, — или как монада, не имеющая в себе ни различия, ни противоположения; в отношении к бытию идеальному — как причина всех вещей, обретающих форму; по отношению к своей непостижимости — как «божественный мрак».

А как могли монахи обители Мальмсбери, где Эригена был настоятелем, молиться «мраку», который их и услышать-то не может? Они не могли не усмотреть в учении своего игумена кощунство и в 890 г. по вполне недостоверной, но весьма показательной версии, убили его собственной чернильницей. Но и после этого большие вопросы не были сняты Разочаровавшись в возможностях схоластики, которая в X в. переживала очередной упадок, средневековые богоискатели искали решения проблемы вне школ и получали ответы от приходивших с Востока (с Балканского полуострова) манихеев, или, как их называли, катаров (чистые) [\[прим. 53\]](#). Зло вечно. Это материя, оживленная духом, но обволакивая его собой. Зло мира — это мучение духа в тенетах материи; следовательно, все материальное — источник зла А раз так, то зло — это любые вещи, в том числе храмы и иконы, кресты и тела людей. И все это подлежит уничтожению. Самым простым выходом для манихеев было бы самоубийство, но они ввели в свою доктрину учение о переселении душ. Это значит, что смерть ввергает самоубийцу в новое рождение, со всеми вытекающими отсюда неприятностями. Поэтому ради спасения души предлагалось другое изнурение плоти либо аскезой, либо неистовым развратом, после чего ослабевшая материя должна выпустить душу из своих когтей. Только эта цель признавалась манихеями достойной, а что касается земных дел, то мораль, естественно, упразднилась. Ведь если материя — зло, то любое истребление ее — благо, будь то убийство, ложь, предательство... все не имеет никакого значения. По отношению к предметам материального мира было все позволено.

В учении о предопределении, т. е. об ответственности за свои грехи, наиболее актуальном для того времени, катары совмещали августинизм Готшалка и космологию Эригены. Они отрицали свободу воли у человека и делили людей на сотворенных добрым и злым богами. Первые могут сделать зло лишь против воли, и, следовательно, грех не вменяется им в вину, а может только отсрочить их «возвращение домой». При этом они постулировали

пресуществование душ и метампсихозис. Этим «возвращением» они смыкаются с космологией Эригены с той лишь разницей, что последний отрицал злое начало; зато он называл Бога — «божественный мрак», так что неясно, кому он поклонялся: Богу или сатане? С точки зрения его учеников — монахов логичнее было второе решение, так как «божественный мрак» (несотворенное и творящее) принимал в себя обратно не свою эманацию, т. е. идеи (сотворенное и творящее), и невидимые вещи, наполняющие мир (сотворенное и не творящее), а неуспокоенные души мертвецов (не сотворенное и не творящее), т. е. попросту «нежить», вампиров, которых люди боятся и которые имеют псевдосуществование при злой (для людей) активности. Переводя эту дилемму на язык современных понятий, можно сказать, что в возникшей системе представлений роль дьявола играл вакуум, который, как известно, при столкновении с материей весьма активен, хотя без нее лишен существования. Но поскольку живое воображение людей того времени требовало персонификации и доброго и злого начала, то катары объединили злого бога с богом Ветхого Завета — Яхве, переменчивым, жестоким и лживым, создавшим материальный мир для издевательства над людьми.

Но тут средневековый христианин сразу задавал вопрос: а как же Христос, который был и человеком? На это были приготовлены два ответа: явный для новообращенных и тайный для посвященных. Явно объяснялось, что «Христос имел небесное, эфирное тело, когда вселился в Марию. Он вышел из нее столь же чуждым материи, каким был прежде. Он не имел надобности ни в чем земном, и если он видимо ел и пил, то делал это для людей, чтобы не заподозрить себя перед сатаной, который искал, случая погубить «Избавителя». Однако для «верных» (так назывались члены общины) предлагалось другое объяснение: «Христос — творение демона: он пришел в мир, чтобы обмануть людей и помешать их спасению. Настоящий же не приходил, а жил в особом мире, в небесном Иерусалиме». [\[47, с. 194–195\]](#)

Довольно деталей. Нет, и не может быть сомнений в том, что манихейство в Провансе и Ломбардии не ересь, а просто антихристианство и что оно дальше от христианства, нежели ислам и даже теистический буддизм. Однако если перейти от теологии к истории культуры, то вывод будет иным. Бог и дьявол в манихейской концепции сохранились, но поменялись местами. Именно поэтому новое исповедание имело в XII в. такой грандиозный успех. Экзотической была сама концепция, а детали ее привычны, и замена плюса на минус для восприятия богоискателей оказалась легка. Следовательно, в смене знака мог найти выражение любой протест, любое неприятие действительности, в самом деле весьма непривлекательной. Кроме того, манихейское учение распадалось на множество направлений, мироощущений, мировоззрений и степеней концентрации, чему способствовали в разной мере пассионарность новообращенных, позволявшая им не бояться костра, и оправдание лжи, с помощью которой они не только иногда спасали себя, но наносили своим противникам неотразимые губительные удары.

Ради успеха пропаганды своего учения катары часто меняли одежду, проникая в города и села, то как пилигримы, то как купцы, но чаще всего как ремесленники-ткачи, потому что ткачу было легко попасть на работу и завязать нужные связи, самому оставаясь незамеченным. Отсюда видно, что здесь не классовое антифеодалное движение масс, а маскировка членов организации, объединенной властью манихейского «папы», жившего, как говорили, в Болгарии.

Но почему же манихейские ученые не смогли вытеснить христианства, особенно когда папы воевали с императорами, а схоласты тратили силы на бесплодные споры друг с другом? Пожалуй, потому, что манихейству противостояло неосознанное мировоззрение, которое мы попробуем сформулировать здесь. Бог сотворил Землю, но дьявол — князь мира сего; на Земле дьявол сильнее Бога, но именно поэтому благородный рыцарь и монах-подвижник должны встать на защиту слабого и бороться с сильным врагом до последней капли крови. Ведь не в силе

Бог, а в правде, и творение его — Земля прекрасна, а Зло приходит извне, от врат Ада, и самое простое и достойное — загнать его обратно.

Эта концепция была непротиворечива, проста для восприятия и соответствовала если не нравам того времени, то его идеалам. А поскольку идеал — это далекий прогноз, воспринимаемый интуитивно, то он и оправдался, хотя трагедия, сопутствовавшая его осуществлению, постигла Европу и Азию лишь в XIII в., т. е. за хронологическими рамками нашего сюжета. Поэтому обратимся пока к Византии, которая пострадала от аналогичных учений не менее Франции.

Наследники тайного знания

Как было уже кратко сказано, византийский суперэтнос вылупился из яйца христианской общины, социальным обрамлением которой была церковная организация. Но был в этом яйце и второй зародыш — так называемый гностицизм. Гностиками становились мечтатели, богоискатели, почти фантасты, стремившиеся, подобно античным философам, придумать связную и непротиворечивую концепцию мироздания, включая в него добро и зло. Гностицизм — это не познание мира, а поэзия понятий, в которой главное место занимало неприятие действительности. Среди множества гностических школ и направлений общим было учение о Демиурге, т. е. ремесленнике, сотворившем мир, чтобы забавляться муками людей. Этим Демиургом они считали еврейского ветхозаветного Яхве, которого они противопоставляли истинному Богу, творившему души, но не материю. Вместе с тем они все признавали Христа, но считали его человеческий облик призрачным, т. е. нематериальным. Наиболее распространено было учение офитов, т. е. поклонников Змея, научившего мудрости Адама и Еву.

По этой логико-этической системе в основе мира находится Божественный Свет и его Премудрость, а злой и бездарный демон Ялдаваоф, которого евреи называют Яхве, создал Адама и Еву. Но он хотел, чтобы они остались невежественными, не понимающими разницу между Добром и Злом. Лишь благодаря помощи великодушного Змея, посланца божественной Премудрости, люди сбросили иго незнания сущности божественного начала. Ялдаваоф мстит им за освобождение и борется со Змеем — символом знания и свободы. Он посылает потоп (под этим символом понимаются низменные эмоции), но Премудрость, «оросив светом» Ноя и его род, спасает их. После этого Ялдаваофу удается подчинить себе группу людей, заключив договор с Авраамом и дав его потомкам закон через Моисея. Себя он называет Богом Единым, но он лжет; на самом деле он просто второстепенный огненный демон, через которого говорили некоторые еврейские пророки. Другие же говорили от лица других демонов, не столь злых. Христа Ялдаваоф хотел погубить, но смог устроить только казнь человека Иисуса, который затем воскрес и соединился с божественным Христом.

С более изящными и крайне усложненными системами выступили во II в. антиохиец Саторнил, александриец Василид и его соотечественник, переехавший в Рим, — Валентин.

Большинство гностиков не стремились распространять свое учение, ибо они считали его слишком сложным для восприятия невежественных людей. Поэтому их концепции гасли вместе с ними. Но в середине II в. христианский мыслитель Маркион, опираясь на речь апостола Павла в Афинах о «Неведомом Боге», развил гностическую концепцию до той степени, что она стала доступной широким массам христиан. И это учение не исчезло. Через сотни передач оно сохранилось на родине Маркиона — в Малой Азии, и в IX в., преображенное, но еще узнаваемое, стало исповеданием павликиан (от имени апостола Павла), выступивших на борьбу с византийским православием, причем они даже заключили политический союз с мусульманами.

Если говорить о религиозной доктрине павликиан, то бросается в глаза их различие с манихеями, сходство с древними гностиками и крайне отрицательное отношение к маздакизму и иудаизму.

Но теологические тонкости, которые волновали умы богословов, были чужды и непонятны массам, задачей которых была война против Византии. Для противопоставления себя православию было достаточно общепонятного признания материи не творением Божиим, а извечным злым началом. Этот тезис роднит павликиан с манихеями и катарами, однако происхождение доктрины от утраченного трактата Маркиона наложило на их идеологию неизгладимый отпечаток.

Сочинение Маркиона о несоответствии Ветхого и Нового Заветов не сохранилось, потому что оно во II в. не было ни принято, ни опровергнуто. Оно подверглось осторожному замалчиванию, а потом забвению. Этот способ научной полемики во все века действует безотказно. Но противники Маркиона не могли предвидеть, что к концу XIX в. удастся восстановить содержание его концепции путем применения неизвестной им методики — широкого сопоставления фрагментов с общим направлением мысли, достаточно оригинальной, чтобы выделить ее из числа прочих. Эту работу проделал Дёллингер и получил результат, если не идентичный тексту Маркиона, то достаточно к нему близкий. Различие между Богом Ветхого Завета и Богом Евангелия формулировалось катарам, павликианами и христианскими гностиками так: «Первый запрещает людям вкушать от древа жизни, а второй обещает дать побеждающему вкусить сокровенную манну» (Апок. 2, 17). Первый увещевает к смешению полов и к размножению до пределов ойкумены, а второй запрещает даже одно греховное взирание на женщину. Первый обещает в награду землю, второй — небо. Первый предписывает обрезание и убийство побежденных, а второй — запрещает то и другое. Первый проклинает землю, а второй ее благословляет. Первый раскаивается в том, что создал человека, а второй не меняет своих симпатий. Первый предписывает месть, второй — прощение кающегося. Первый требует жертв животных, второй от них отвращается. Первый обещает иудеям господство над всем миром, а второй запрещает господство над другими. Первый позволяет евреям ростовщичество (т. е. капитализм), а второй запрещает присваивать не заработанные деньги (военная добыча в то время рассматривалась как оплата доблести риска). В Ветхом Завете — облако темное и огненный смерч, в Новом — неприступный свет. Ветхий Завет запрещает касаться ковчега Завета и даже приближаться к нему, т. е. принципы религии — тайна для массы верующих, в Новом Завете — призыв к себе всех. В Ветхом Завете — проклятие висящему на дереве, т. е. казнимому, в Новом — крестная смерть Христа и воскресение; в Ветхом Завете невыносимое иго закона, а в Новом — благое и легкое бремя Христово. [\[65, s. 146–147\]](#) [\[цит. по: 2, с.37\]](#)

Павликиан, как и манихеев, нельзя считать христианами, несмотря на то что они не отвергали Евангелия. Павликиане называли крест символом проклятия, ибо на нем был распят Христос, не принимали икон и обрядов, не признавали таинства крещения и причащения и все активно боролись против церкви и власти, прихожан и подданных, сделав промыслом продажу плененных юношей и девушек арабам. Вместе с тем в числе павликиан встречалось множество попов и монахов-расстриг, а также профессиональных военных, руководивших их сплоченными, дисциплинированными отрядами. Удержать этих сектантов от зверств не могли даже их духовные руководители. Жизнь брала свое, даже если лозунгом борьбы было отрицание жизни. И не стоит в этих убийствах винить Маркиона, который в богословии был филологом, показавшим принципиальное различие между Ветхим и Новым Заветами [\[прим. 54\]](#). В идеологическую основу антисистемы византийского суперэтнуса могла быть положена и другая концепция, как мы сейчас и покажем.

Павликианство было разгромлено военной силой в 872 г., после чего пленных павликиан не казнили, а поместили на границе с Болгарией для несения пограничной службы. Так смешанная манихеиско-маркионитская доктрина проникла к балканским славянам и породила богумильство, вариант дуализма, весьма отличающийся от манихеиского прототипа, укрепившегося в те же годы в Македонии (община в Дроговичах).

Вместо извечного противостояния Света и Мрака, богумилы учили, что глава созданных Богом ангелов, Сатаниил, из гордости восстал и был низвергнут в воды, ибо суши еще не было, Сатаниил создал сушу и людей, но не мог их одушевить, для чего обратился к Богу, обещая стать послушным. Бог вдунул в людей душу, и тогда Сатаниил его надул и сделал Каина. Бог в ответ на это оторвал Иисуса, бесплотного духа, для руководства ангелами, тоже бесплотными. Иисус

вошел в одно ухо Марии, вышел через другое и обрел образ человека, оставаясь призрачным. Ангелы скрутили Сатаниила, отняли у него суффикс «ил» — «единый», в котором таилась его сила, разумеется мистическая, и загнали его в Ад. Теперь он не Сатаниил, а сатана. А Иисус вернулся в чрево Отца, покинув материальный, созданный Сатаниилом, мир. Вывод из концепции был неожидан, но прост: «Бей византийцев!»

Теперь можно остановиться, чтобы сделать первое обобщение, предваряющее вывод. Катары, патарены, богумилы, павликиане, маздакиты, строгие манихеи и их разновидности, несмотря на догматические различия и различный генезис философем, обладали одной общей чертой — антиматериализмом, выражавшимся в ненависти к материальному миру, или, как сказали бы в наше время, к окружающей среде. Представители полярной им идеологии рассматривали окружающую среду, с присущими ей стихийными процессами, как творение Божие, т. е. как благо. Они были стихийными материалистами независимо от присутствия в мировоззрении принципа монотеизма. Таким образом, приняв нейтральную систему отсчета, мы можем ввести в исследование деление на два разряда мироощущений (отнюдь не философских или теологических доктрин), жизнеутверждающее, т. е. сопричастное биосфере планеты, и жизнеотрицающее, ставящее целью и идеалом аннигиляцию материального мира. Соотношение между этими мировоззрениями отнюдь не зеркальное, вследствие чего присвоить социальным образованиям негативного типа название «антисистем» можно только условно. Решающей здесь является асимметрия, ибо негативные образования существуют только за счет позитивных этнических систем, которые они разъедают изнутри, как раковые опухоли — организм, вмещающий их.

Может возникнуть сомнение в том, что описанное явление было в средние века универсально, а не характерно только для христианской культуры. В этом случае можно было бы обойтись без поисков естественного объяснения феномена. Поэтому продолжим описание и рассмотрим, как обстояло дело на Ближнем Востоке, в мире иных культурных традиций и иных этнических соотношений, т. е. Арабском халифате при династии Аббасидов.

Поборники анти-мира

Мусульманское право, шариат, позволяло христианам и евреям, за дополнительный налог — хардж, спокойно исповедовать свои религии. Идолопоклонники подлежали обращению в ислам, что тоже было сносно. Но «зиндикам», представителям нигилистических учений, грозила мучительная смерть. Против них была учреждена целая инквизиция, глава которой носил титул «палача зиндиков» [\[прим. 55\]](#). Естественно, что при таких условиях свободная мысль была погребена в подполье и вышла из него преображенной до неузнаваемости во второй половине IX в. И даже основатель новой концепции известен. Звали его Абдулла ибн-Маймун, родом из Мидии, по профессии — глазной врач, умер в 874–875 гг.

Догматику и принципы нового учения можно лишь описать, но не сформулировать, так как основным его принципом была ложь. Сторонники новой доктрины даже называли себя в разных местах по-разному, исмаилиты, карматы, батиниты, равендиты, бурканы, джаннибиты, саидиты, мухаммире, мубанзе и талими... Цель же их была одна — во что бы то ни стало разрушить ислам. Можно было бы усомниться в этой характеристике, исходящей из уст противника, если бы фактический ход исторических событий не подтверждал ее.

Видимая сторона учения была проста: безобразия этого мира исправит махди, т. е. спаситель человечества и восстановитель справедливости. Эта проповедь почти всегда находит отклик в массах народа, особенно в тяжелые времена. А IX век был очень жестоким. Мятежи и отпадения эмиров, восстания племен на окраинах и рабов-зинджей в сердце страны, бесчинства наемных войск и произвол администрации, поражения в войнах с Византией и растущий фанатизм мулл... все это ложилось на плечи крестьян и городской бедноты, в том числе и образованных, но нищих персов и сирийцев. Горючего скопилось много: надо было уметь поднести к нему факел.

Свободная пропаганда любых идей была в халифате неосуществима. Поэтому эмиссары доктрины — дай (глашатаи) выдавали себя за набожных шиитов. Они толковали тексты Корана, попутно вызывая в собеседниках сомнения и намекая, что им что-то известно, но вот-де истинный закон забыт, отчего все бедствия и происходят, а вот если его восстановить, то... Но тут он, как бы спохватившись, замолкал, чем, конечно, разжигал любопытство. Собеседник, крайне заинтересованный, просит продолжать, но проповедник, опять-таки ссылаясь на Коран, берет с него клятву соблюдения молчания, а затем, как испытание доброй воли прозелита, сумму денег на общее дело, сообразно средствам обращающегося. Затем идет обучение новообращенного учению об «истинных имамах», потомках Али, и семи пророках, равных Мухаммеду. Усвоив это, прозелит перестает быть мусульманином, так как утверждение, что последним и наивысшим пророком является махди, противоречит коренному догмату ислама. Затем идут четыре степени познания для массы и еще пять для избранных. Коран, обрядность, философия ислама — все принимается, но в аллегорическом смысле, позволяющем перетолковывать их как угодно. Наконец, посвященному объясняется, что и пришествие махди — только аллегория познания и распространение истины. Все же пророки всех религий были люди заблуждавшиеся, и их законы для посвященного не обязательны. Бога на небе нет, а есть только второй мир, где все обратно нашему миру. Свят лишь имам, как вместилище духа, истинный владыка исмаилитов. Ему надо подчиниться и платить золотом, которое можно легко добыть у иноверцев путем грабежа и торговли захваченными в плен соседями, не вступившими в тайную общину. Все мусульмане — враги, против которых дозволены ложь, предательство, убийства, насилия. И вступившему на «путь», даже в первую степень, возврата нет, кроме как в смерть.

Община, исповедовавшая и проповедовавшая это страшное учение, бывшее, бесспорно, мистическим и вместе с тем антирелигиозным, очень быстро завоевала твердые позиции в самых разных областях распадавшегося халифата. Наибольший успех имела карматская община Бахрейна, разорившая в 929 г. Мекку. Карматы перебили паломников и похитили черный камень Каабы, который вернули лишь в 961 г. Губительными набегами карматы обескровили Сирию и Ирак, им удалось даже овладеть Мультаном в Индии, где они варварски перебили население и разрушили дивное произведение искусства — храм Адитьи.

Не меньшее значение имело обращение в исмаилизм части берберов Атласа. Эти воинственные племена использовали проповедь псевдоислама для того, чтобы расправиться с завоевателями-арабами. Вождь восставших Убейдулла в 907 г. короновался халифом, основав династию Фатимидов, потомков Али и Фатьмы — дочери пророка Мухаммеда.

Это ему удалось потому, что официально он объявлял себя шиитом, используя тайное право на дезинформацию ^[прим. 56], даваемое высокой степенью посвящения. В 969 г. его потомки овладели Египтом и ворвались в Сирию, но жестокость берберов вызвала возмущение среди местного населения, а попытка халифа Фатимида подчинить себе карматскую республику Бахрейна вызвала сопротивление вольнолюбивых арабов. Жестокая война, возникшая между арабами и берберами, так ослабила обе стороны, что напор карматов и исмаилитов на суннитов ослабел. Однако Фатимиды держались в Египте до 1171 г., опираясь уже не на берберов, которые отпали от халифа, а на наемные войска из негров и тюрков. Негры поддерживали исмаилитов, тюрки были сунниты, подобно большинству населения Египта. Резня этих войск так ослабила правительство, что в 1171 г. был осуществлен суннитский переворот, упразднивший династию Фатимидов. Власть в Египте, а потом и в Сирии перешла в руки знаменитого Салах ад-Дина ибн Аюба, основавшего династию Аюбидов, распавшуюся на множество мелких владений.

Исмаилиты пытались также утвердиться в Иране и Средней Азии, но натолкнулись на противодействие тюрков, сначала Махмуда Газневи, а потом сельджукских султанов. Несмотря на понесенные поражения, исмаилиты в конце XII в. держались в Иране и Сирии. Честолюбивый Хасан Саббах, чиновник канцелярии сельджукского султана Мелик-шаха, выгнанный за интриги, стал исмаилитским имамом. В 1090 г. ему удалось овладеть горной крепостью Аламут в Дейлеме и еще многими замками в разных местах Ирана и Сирии, а в 1126 г. сирийские исмаилиты приобрели крепость Баниас и десять других в горах Ливана и Антиливана.

Однако не крепости были главной опорой этих фанатиков. Большая часть подданных «старца горы» жила в городах и селах, выдавая себя за мусульман или христиан. Но по ночам они, послушные приказам своих даи, совершали тайные убийства или собирались в отряды, нападавшие даже на укрепленные замки. Мусульмане не считали их за единоверцев, и поэт XII в. рассказывает, что во время приступа его замка мать увела свою дочь на балкон над пропастью, чтобы столкнуть девушку в бездну, лишь бы она не попала в плен к исмаилитам. ^[58. с. 201] Попытки уничтожить этот орден были неудачны, ибо каждого везира или эмира, неудобного для исмаилитов, подстерегал неотразимый кинжал явного убийцы, жертвовавшего жизнью по велению своего старца. А может быть, этого довольно?

Провансальские катары, ломбардские патерены, болгарские богумилы, малоазиатские павликиане, аравийские карма-ты, берберийские и иранские исмаилиты, имея множество этнографических и догматических различий, обладали одной общей чертой — неприятием действительности. Подобно тому как тени разных людей непохожи друг на друга не по внутреннему наполнению, которого у теней вообще нет, а лишь по контурам, так различались эти исповедания. Сходство их было сильнее различий, несмотря на то что основой его было

отрицание. В отрицании была их сила, но так же и слабость: отрицание помогало им побеждать, но не давало победить. Эта их особенность так бросалась в глаза всем исследователям, что возник соблазн усмотреть в ней проявление классовой борьбы, которая в эпоху расцвета феодализма, безусловно, имела место. Однако это завлекательное упрощение при переходе на почву фактов наталкивается на непреодолимые затруднения.

Классовая борьба против господствовавших феодалов не прекращалась ни на минуту, но она шла по двум линиям, не связанным друг с другом. Крепостные негодовали на произвол баронов, но их программа была сформулирована четко: «Когда Адам пахал землю, а Ева пряла — кто тогда был джентльменом?» Вопрос резонный, но ведь он не имеет ничего общего с учением о том, что все материальное — проявление мирового зла и, как таковое, должно быть уничтожено. Напротив, классовая природа крестьян толкала их на то, чтобы, добившись свободы и прав, возделывать земли, строить дома, воспитывать детей, накапливать состояния, а не бросать все это ради иллюзий пусть даже вполне логичных. Вторая линия — это борьба городских общин (коммун) в союзе с королевской властью против герцогов и графов. Опять-таки нарождавшаяся буржуазия стремилась к богатству, роскоши, власти, а не к аскетизму и нищете. На западе города поддерживали то папу, то императора, на востоке — суннитского халифа, в Византии они были оплотом православия, ибо благополучие горожан зависело от укрепления порядка в мире, а не от истребления мира, ради потусторонних идеалов, чуждых и невнятных.

И вряд ли проповедь спасительной бедности можно считать социальной программой. Ведь за бедность духовенства ратовали христианские монахи и мусульманские марабуты и суфии. Роскошь епископов, nepотизм и симонию клеймили с амвонов папы и соборы, но подозрений в ереси они на себя не навлекали. Иной раз бывало, что слишком неугомонных обличителей убивали из-за угла, или казнили по вымышленным обвинениям, однако в те жестокие времена и без этого легко было угодить на плаху, особенно когда увлеченный идеей человек не замечал, что он стоит на пути венценосца. Казни совершались и без идеологических нареканий. Да и в самом деле: как может мистическое учение отражать классовые интересы? Ведь для этого оно должно сделаться общедоступным, но тогда будет потерян руководящий принцип — тайное посвящение и слепое послушание.

Ну а каково было поведение самих еретиков? Меньше всего они хотели мира. Феодалов они, конечно, убивали, но столь же беспощадно они расправлялись с крестьянами и горожанами, отнимая их достояние и продавая их жен и детей в рабство. Социальный состав манихейских и исмаилитских общин был крайне пестрым. В их числе были попы-расстриги, нищие ремесленники и богатые купцы, крестьяне и бродяги — искатели приключений и, наконец, профессиональные воины, т. е. феодалы, без которых длительная и удачная война была в те времена невозможна. В войске должны были быть люди, умеющие построить воинов в боевой порядок, укрепить замок, организовать осаду. А в X–XIII вв. это умели только феодалы.

Когда же исмаилитам удавалось одержать победу и захватить страну, например Египет, то они отнюдь не меняли социального строя. Просто вожди исмаилитов становились на места суннитских эмиров и также собирали подати с феллахов и пошлины с купцов. А превратившись в феодалов, они стали проводить религиозные преследования не хуже, чем сунниты. В 1210 г. «старцы горы» в Аламуте жгли «еретические» (по их мнению) книги. Фатимидский халиф Хаким повелел христианам носить на одежде кресты, а евреям — бубенчики; мусульманам было разрешено торговать на базаре только ночью, а собак, обнаруженных на улицах, было велено убивать.

И даже карматы Бахрейна, учредившие республику, казалось бы, свободную от феодальных институтов, сочетали социальное равенство членов своей общины с государственным рабовладением. Как отметил Е. А. Беляев, «напряженная борьба, которую вели карматы против

халифата и суннитского ислама, приняла с самого начала и форму сектантского движения. Поэтому карматы, будучи нетерпимыми фанатиками, направляли свое оружие не только против суннитского халифата и его правителей, но и против всех тех, кто не воспринимал их учения и не входил в их организацию... Нападения карматских вооруженных отрядов на мирных городских и сельских жителей сопровождалось убийствами, грабежами и насилиями... Уцелевших карматы брали в плен, обращали в рабство и продавали на своих оживленных рынках наравне с другой добычей. [\[4. с. 60\]](#) Теоретическим основанием такой политики было «внутреннее» (батин) учение. Божественная субстанция — «вышний свет», произвела эманацию — «сверкающий свет», а тот в свою очередь произвел материю — «темный свет», инертный, нереальный, обреченный на гибель. Эта материя — небытие, но в нее брошены искры «сверкающего света». Это души пророков, имамов, посвященных, и только они, умирая, переселяются из тела в тело. Все прочие люди, не принадлежащие к избранным, — призраки небытия, с которыми можно поступать как угодно, поскольку их бытие нереально. Естественно, что сложившийся на этой идеологической основе стереотип поведения оттолкнул от карматов широкие слои крестьян, горожан и даже бедуинов, которые всегда были готовы пограбить под любыми знаменами, но считали излишним убивать женщин и детей.

Ну какая тут «классовая борьба»!

Но, может быть, это все клевета врагов «свободной мысли» на вольнодумцев, осуждавших правителей за произвол, а духовенство — за невежество. Допустим, но почему тогда эти «клеветники» не возражали на критику своих порядков? Негативная сторона еретических учений не оспаривалась, а о позитивной французы и персы, греки и китайцы XI–XIII вв. отзывались с единодушным омерзением, причем явно без сговора. Но выслушаем и другую сторону — знаменитого Насир-и-Хосрова, прятавшегося от туркмен-суннитов в местности Йомган (территория Афганистана) и скончавшегося там около 1088 г.

Мыслитель считал, что «если убивать змей для нас обязательно по согласному мнению людей, то убивать неверных для нас обязательно по приказу бога всевышнего, неверный более змея, чем змея. [\[цит. по: 6, с. 262\]](#) Высшая цель его веры — постижение людьми сокровенного знания и достижение «ангелоподобия» Средство достижения — установление власти Фатимидов, которое он мыслит следующим образом:

«Узнавши, что заняли Мекку потомки Фатьмы,
Жар в теле и радость на сердце почувствуем мы.
Прибудут одетые в белое [\[прим. 57\]](#) божьи войска,
Мечь Бога над полчищем черных [\[прим. 58\]](#), надеюсь, близка.
Пусть саблю солнце из рода пророка [\[прим. 59\]](#) взмахнет,
Чтоб вымер потомков Аббаса безжалостный род,
Чтоб стала земля бело-красною, словно хулла [\[прим. 60\]](#)
И истинной вере дошла до Багдада хвала.
Обитель пророка — его золотые слова.
А только наследник имеет на царство права [\[прим. 61\]](#).
И, если на западе солнце взошло [\[прим. 62\]](#), не страшись
Из тьмы подземелий поднять свою голову ввысь [\[прим. 63\]](#).

Стихи недвусмысленны. Это призыв к религиозной войне без какой бы то ни было социальной программы. Следовательно, движение исмаилитов не было классовым, равно как и

движения катаров, богумилов и павликиан. Последние отличались от исмаилитства лишь тем, что не достигли политических успехов, после которых их перерождение в феодальные государства было бы неизбежно. И если бы имели значение лишь социально-политические мотивы, то зачем бы фатимидский халиф Египта Хаким (996-1021), находясь в суннитской стране и опираясь на суннитское, тюркское войско, стал утверждать, что он находится в постоянном общении с сатаной, и молиться, обращаясь к планете Сатурну? Выгоды ему от этого не было никакой; напротив, он потерял трон и пропал без вести. Вряд ли это было в его практических интересах. Видимо, Хаким поступал в согласии с совестью.

В свете этих соображений ведущие советские историки отказались от определения исмаилизма как социального протеста. Е. А. Беляев указал, что исмаилиты не возглавляли антифеодальную борьбу крестьян, а использовали ее в своих целях.^[4, с. 70–72] А. Ю. Якубовский и И. П. Петрушевский, отмечая сложность проблемы, считали ее решение преждевременным.^[48, с. 295] Но может быть, мы пытаемся найти решение не там, где его безуспешно искали?

В самом деле, если бы манихеи достигли полной победы, то для удержания ее им пришлось бы отказаться от разрушения плоти и материи, т. е. преступить тот самый принцип, ради которого они стремились к победе. Совершив эту измену самим себе, они должны были бы установить систему взаимоотношений с соседями и с ландшафтами, среди которых они жили, т. е. принять тот самый феодальный порядок, который был естественным при тогдашнем уровне техники и культуры. Следовательно, они перестали бы быть самими собой, а превратились бы в собственную противоположность. Но это положение в данном случае было исключено необратимостью эволюции. Став на позицию проклятия жизни и приняв за канон ненависть к миру, нельзя исключить из этого свое собственное тело. Поэтому собственная гибель была неизбежным следствием отрицания материи. И все равно происходила ли она в бою с христианами, или от аскетизма, или от распутства, конец был один. Странная это концепция, но последовательная.

Может возникнуть ложное мнение, что католики были лучше, честнее, добрее, благороднее катаров (альбигойцев). Оно столь же неверно, как и обратное. Люди остаются самими собою, какие бы этические доктрины им ни проповедовались. Да и почему концепция, что можно купить отпущение грехов за деньги, пожертвованные на крестовый поход, лучше, чем призыв к борьбе с материальным миром? И если одно учение лучше другого, то для кого? Поэтому ставить вопрос о качественной оценке бессмысленно и столь же антинаучно, как, например, вопрос о том, что лучше: кислота или щелочь? Обе обжигают кожу!

Но если так, то почему именно этой вражде уделено столько внимания, когда одновременно шли острые социальные конфликты между классом феодалов и закрепощенными крестьянами; развивалось соперничество растущих королевств за территории и торговых городов — за рынки? Чем же отличалась от них та полускрытая война, которая нами принята за исходную точку отсчета?

Губительный фантом

Поставим вопрос так: что общего между исмаилитством, карматством, маркионитским павликианством, манихейским богумильством, альбигойством и некоторыми вывихами тамплиеров? По генезису верований, догматике, эсхатологии к экзотике — ничего. Но есть одна черта, роднящая эти системы — жизнеотрицание, выражающееся в том, что истина и ложь не противопоставляются, а приравниваются друг к другу. Из этого вырастает программа человекоубийства, ибо раз не существует реальной жизни, которая рассматривается либо как иллюзия (тантризм), либо как мираж в зеркальном отражении (исмаилизм), либо как творение сатаны (манихейство), то некого жалеть — ведь объекта жалости нет, и незачем жалеть — Бога не признают, значит, не перед кем держать ответа — и нельзя жалеть, потому что это значит продлевать мнимые, но болезненные страдания существа, которое на самом деле призрачно. А если так, то при отсутствии объекта ложь равна истине, и можно в своих целях использовать ту и другую.

Надо отдать должное средневековым людям: они были последовательны и потому их речи звучали очень убедительно. Действительность подчас была столь ужасна, что люди готовы были броситься в любую иллюзию, особенно в такую логичную, строгую и изящную. Ведь войдя в мир фантазмагорий и заклинаний, они становились хозяевами этого мира или, что точнее, были в этом искренне убеждены. А то, что им ради этого ощущения свободы и власти над окружающими надо было плюнуть на крест, как тамплиерам, или разбить на части метеорит Каабы, как карматам, их это совершенно не смущало. Правда, встав на этот путь, они отнюдь не обретали личной свободы. Наоборот, они теряли даже ту, которую они имели в весьма ограниченных пределах, находясь в той или иной позитивной системе. Там закон и обычаи гарантировали им некоторые права, соразмерные с несомыми обязанностями. А здесь у них никаких прав не было. Строгая дисциплина подчиняла их невидимому вождю, старцу, учителю. Но зато он давал им возможность приносить максимальный вред ближним. А это было так приятно, так радостно, что можно было и жизнью пожертвовать.

И ведь не только бедствия и обиды приводили неофитов в негативные системы. В средние века люди часто жили плохо, но не везде и не всегда. Бурные периоды сменялись спокойными, но обывательская затхлость мирной сельской жизни действовала диалектическим путем и создавала последствия, противоположные предпосылкам. Когда пассионарного юношу кормили досыта, но запрещали ему что-либо делать, он искал применения своим затаенным силам и находил их в проповеди отрицания, не обращая внимания на то, что поставленная перед ним цель — фантазия. Сказка и миф рождались повседневно. Против них были бессильны строгие выводы науки и практические прогнозы действительности: в I тысячелетии они увлекали людей всех стран, кроме Руси и Сибири, где антисистемы не сложились.

В отличие от борьбы за политическое преобладание внутри одной большой системы, и даже столкновений между разными системными целостностями, здесь имела место истребительная война. Французские манихеи были слишком похожи на французских католиков для того, чтобы они могли ужиться в одном ареале, ибо развивались те и другие в противоположных направлениях. Сталкиваясь, они вызывали аннигиляцию той самой материи, которую они считали не Божиим творением, а мировым злом. И так они вели себя везде: в Византии, Иране, Центральной Азии и даже в веротерпимом Китае. Поэтому гонения на них были повсеместны, а их сопротивление, часто весьма активное, придало раннему средневековью ту окраску, которая просвечивается через видимую историю столкновений государств и становления этносов. Наличие двух несовместимых психологических структур в то время было явлением глобальным. Оттого так

мало памятников искусства осталось от этой эпохи.

То, что манихеи к концу XIV в. исчезли с лица Земли, не удивительно, ибо они, собственно говоря, к этому и стремились. Ненавидя материальный мир и его радости, они должны были ненавидеть и саму жизнь; следовательно, утверждать они должны были даже не смерть, ибо смерть — только момент смены состояний, а анти-жизнь и анти-мир. Туда они и перебрались, очистив Землю для эпохи Возрождения. Неудача их была только в том, что они не смогли забрать с собою всех людей, проведя их через мученичество, далеко не всегда добровольное. Правда, они старались, и не их вина, что жизнеутверждающее начало человеческой психики устояло против их натиска, благодаря чему история народов не прекратила своего течения.

Отсюда видно, что манихейские общины могли существовать лишь при наличии позитивной творческой культуры и за счет создаваемых ею ценностей. Эта антисистема как бы паразитировала в телах тех этносов, куда она проникала, разрушала их и гибла вместе с ними.

В Хазарии антисистема продержалась 150 лет, но гибель ее едва ли была случайной. Никто не живет одиноко, а развития природных этносов, связанных с ландшафтами своей страны, никакая антисистема не остановит. То, перед чем любая антисистема пасует, — это жизнь с выделением свободной энергии, способной производить работу.

Иранская ветвь иудеев принесла хазарам принципы маздакизма, согласно которым злом была объявлена вся неразумная, т. е. стихийная природа, включая эмоции самого человека. Добром был объявлен разум, хотя именно разуму свойственны заблуждения. Византийская ветвь привнесла навыки экстерриториальности, т. е. отсутствия прямых контактов с природными ландшафтами. И обе они проявили нетерпимость к своему этническому окружению, с которым считались лишь постольку, поскольку это было практически необходимо. И тогда против них поднялись и люди, и природа.

Судьбу господствовавшего класса Хазарии, совпадавшего с господствовавшим этносом, разделили аборигены страны, за исключением тех, которые успели выселиться на Дон или укрыться на «гребне» — горном хребте Дагестана, за Тереком. Волжские хазары оказались в наихудшем положении, так как кормивший их ландшафт опустился под волны Каспийского моря. Если в III в. уровень Каспия стоял на абсолютной отметке минус 36 м, то в конце XIII в. он достиг абсолютной отметки минус 19 м, т. е. поднялся на 17 м. Для крутых берегов Кавказа и Ирана это большого значения не имело, но для пологого северного берега, где помещалась Хазария, эта трансгрессия стала катастрофой. «Нидерланды» превратились в «Атлантиду». Цветущие сады, пастбища, деревни — все было залито водой, из которой торчали только сухие вершины бэровских бугров, где ранее находились хазарские кладбища.

Хазарам пришлось покинуть затопленную страну, а без привычного, родного ландшафта этнос рассыпается розно. Так и рассыпались хазары в великом городе Сарае, столице всей Западной Евразии. Но зато они там избавились от темного света антисистемы.

Однако не только этническую целостность потеряли хазары. Темный свет унес у них в межгалактические бездны то, что кажется неотъемлемым — память, или, говоря строго научно, этническую традицию. Потомки хазар забыли о том, что они были хазарами, а потомки хазарских евреев забыли о той стране, где жили и действовали их предки. Последнее понятно: для иудеев низовья Волги были не родиной, а стадионом для пробы сил; поэтому вспоминать о трагической неудаче для них не имело практического смысла. Вот по этим-то причинам Хазария стала страной без исторических источников: письменных, вещественных и этнографических, т. е. зафиксированных в обрядах и верованиях. А поскольку до XX в. любая история основывалась на сборе и критике источников, то история Хазарии и не могла быть написана.

Наше время ознаменовалось могучим сдвигом в области научной методике: появился

системный подход, при котором внимание исследователя перенесено с элементов исследования на связи между ними. Эта методика позволила привлечь данные, казалось бы, далекие от темы изучения и тем самым заполнить пробелы истории Восточной Европы. Благодаря системному методу появилась возможность избавиться от мифотворчества — болезни науки, возникающей при недостаточности сведений о сюжете, когда не изученные разделы темы заполняются измышлениями историка. Хазарскую историю эта болезнь не раз постигала и продолжает постигать.

Недавно вышла книга, в которой хазары названы «тринадцатым коленом (племенем) Израиля». [\[68\]](#) Историю столь удивительного феномена автор преподносит так, что комментарии уместны по ходу изложения содержания книги. Дадим их в сносках.

Автор упоминаемой книги полагает, что примерно с VII по XII в. от Черного моря до Урала и от Кавказа до сближения Дона с Волгой распространилась полукочевая империя, в которой обитали хазары — народ тюркского происхождения [\[прим. 64\]](#).

К сведению автора: древние евреи, будучи монолитным этносом, представляли собой антропологическое разнообразие. Выходцы из Ура Халдейского имели шумерийский тип: низкорослые, коренастые с рыжеватыми волосами и тонкими губами. Негроидную примесь дало пребывание в Египте. Семиты — высокие, стройные, с прямым носом и узким лицом — это примесь древних арабов — халдеев. Большинство же евреев — арменоидный тип, преобладавший в Ханаане, Сирии и Малой Азии, именно тот, который ныне считают еврейским. Это расовое разнообразие указывает лишь на сложность процесса еврейского этногенеза, но не имеет отношения к этнической диагностике, ибо этнос и раса — понятия разных систем отсчета. [\[29\]](#) Занимая жизненно важный стратегический проход между Черным и Каспийским морями, они играли важную роль в кровавых событиях Восточно-Римской империи [\[прим. 65\]](#). Они были буфером между грабителями-степняками и Византией [\[прим. 66\]](#). Они отбили арабов и тем предотвратили завоевание исламом Восточной Европы. Они пытались сдержать вторжение викингов в Южную Русь и к византийским границам [\[прим. 67\]](#).

Где-то около 740 г. [\[прим. 68\]](#) царский двор и правящий военный класс обратились в иудаизм [\[прим. 69\]](#). О мотивах этого необычного события ничего не известно [\[прим. 70\]](#). Вероятно, это давало преимущество для маневрирования между соперничавшим христианским и мусульманским «мирами» [\[прим. 71\]](#) (т. е. культурно-политическими целостностями или суперэтносами).

К X в. появился новый враг: викинги, скоро ставшие известными как русы [\[прим. 72\]](#). Хазарский бастион Саркел был разрушен в 965 г., но центральная Хазария осталась нетронутой [\[прим. 73\]](#), однако государство хазар пришло в упадок [\[прим. 74\]](#).

Насчитав 12 принципиальных и недиспутабельных ошибок, скорее сознательных заблуждений, можно прекратить дальнейшее изложение содержания книги. Да ведь не тайны историографии темных и давних времен интересовали автора. Главное — это связь истории хазар с последующей судьбой иудаизма.

Моисей Хорейский в «Истории Армении» упоминает, что между 193 и 213 гг. «толпы хазар и баслов (барсиллов), соединившись, прошли через ворота Джора (Дербентский проход)... перешли Куру и рассыпались на сю сторону ее» (цит. по: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с.115). М. И. Артамонов полагает, что упоминание хазар в столь раннее время — анахронизм (Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 131), однако оснований для сомнений не приводит. Принимая сведения источника, констатируем, что во II в. хазары обитали в низовьях Терека и Сулака. На Волгу они распространились позднее не через сухие степи, а по берегу Каспийского моря, стоявшего тогда на отметке минус 36 м, т. е. на 8 м ниже, нежели в XX в. (см.: Гумилев Л. Н. Хазария и Каспий. — «Вестник ЛГУ», 1964, N 6, вып. 1, с. 83–95, N 24, вып. 4, с. 78–88).

Термин «тюрк» имеет три значения. Для VI–VIII вв. это маленький этнос (тюркют), возглавивший огромное объединение в Великой степи (эль) и погибший в середине VIII в. Эти тюрки были монголоиды. От них произошла хазарская династия, но сами хазары были европеоиды дагестанского типа. Для IX–XII вв. тюрк — общее название воинственных северных народов, в том числе мадьяров, русов и славян. Это культурно-историческое значение термина не имеет касательства к происхождению. Для современных востоковедов «тюрк» — группа языков, на которых говорят этносы разного происхождения.

Дербент был окончательно оккупирован арабами в 685–686 ГС и отделился от халифата в Х в вместе с Ширваном/

У Захария названы «красные» (см. Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, т I, с 138).

Когда в 627 г. тюркюты и хазары совместно с византийцами осаждали Тбилиси, грузины вынесли на стену города тыкву и нарисовали на ней лицо джабгу-кагана: вместо бровей — тонкие черточки, подбородок голый, редкие волосы на усах, ноздри — шириной в локоть, и кричали: «Вот царь ваш!».

Хуннами принято называть тюркоязычный этнос Центральной Азии, а гуннами — смесь группы хуннов, пришедших во II в. на берег Волги и Урала, и местных угров (Гумилев Л. Н. Некоторые вопросы истории хуннов. — «Вестник древней истории», 1960, № 3) (как название «хазарь» унаследовали потомки хазар и тюркютов).

Библия как исторический источник подвергалась критике, установившей, что даже Пятикнижие обращено к двум разным божествам Элоим — «Единственные» (мн. ч. от «Элои») — и Яхве — проявлявшемуся в огненных смерчах (Редер Д.Г. История древнего мира. М., 1970, с. 172). Значит, и этнос был вначале сложносоставным. Евреи, став монолитным этносом, представляли собой антропологическое разнообразие. Выходцы из Ура халдейского — шумерийский тип: низкорослые, коренастые, с рыжеватыми волосами и тонкими губами. Негроидную примесь дало пребывание в Египте. Семиты — высокие, стройные, с прямым носом и узким лицом — это результат смешения с древними арабами халдеями. Большинство же евреев — арменоидный тип, преобладавший в Ханаане, Сирии и Малой Азии, именно тот, который ныне считают еврейским. Это расовое разнообразие указывает лишь на сложность процесса еврейского этногенеза, но не имеет отношения к этнической диагностике, ибо этнос и раса — понятия разных систем отсчета.

Македония входила в Персидскую державу в 490–465 гг. до н. э., и в этот краткий период ее уроженцы служили царю Артаксерксу.

На этом фоне было создано обновленное иудейское вероучение. В I в были составлены два варианта Талмуда: иерусалимский и вавилонский, а во II–III вв возникла Каббала, т. е. «полученное по преданию учение». Согласно Каббале, Бог, «наскучив одиночеством», решил создать себе равных Мир и люди — его эманация; назначение их — совершенствование до уровня Божества, причем идет перевоплощение душ Бог им не помогает, ибо «помощь» — это позорный хлеб, подачка. Они сами должны достичь совершенства (см.: Льюренсте Х.А. Критическая история испанской инквизиции. Т. II, М., 1936, примеч. 3, с. 535–536).

«Их внутреннее — да проклянет их Господь — противоположно внешнему, слова противоположны делам» (Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. М.-Л., 1949, с.188. Примеч. 339).

Описание быта этой ветви евреев см. 11, с 17 Кембриджский аноним считает их евреями колена Симонова, позабывшими веру предков, (см.: Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932, с. 25).

Ши'ат Алий — партия Алия, или «пристрастные».

Авторство текста приписано известному хронисту и врачу Иосифу б Иегошуа Га-Когену, жившему в XVI в, но имевшему в своем распоряжении более ранние рукописи.

И. Берлин полагает, что именно это событие заставило евреев покинуть Хазарию и перебраться на Запад (см.: Берлин Н. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Пр., 1919, с. 79).

Основания для датировки, которые привел М. И. Артамонов, противоречивы. В описании набега хазар на Закавказье под предводительством Булана упомянуты путь в Д-р алам, «под которым видят Дарьял», и город Ардвил, т. е. Ардебиль (Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 269). М. И. Артамонов сопоставил этот набег с вторжением хазар в Азербайджан в 731 г, когда хазары, после некоторых успехов, были разбиты арабами. Это не соответствует рассказу об удаче Булана. Затем арабы захватили у хазар «знамя в виде медного изображения» (Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 215), чего не могло быть у иудеев. Наконец, предводителем хазар был сын кагана — Барджиль, а отнюдь не иудей, как и мать его — ханша Парсбит («тигриная морда» — (см.: Древнетюркский словарь. Л., 1969). Видимо, следует предпочесть более раннюю дату — 718 г., что не противоречит известным и установленным фактам. Равно и путь Булана истолкован неточно Дар алам — буквально «врата мира» (перс-араб.) — это не Дарьял, а Дербент — буквально «запертая дверь» (перс.). В 718 г. эта крепость была освобождена хазарами от арабов.

Об этом указе упоминают хронографы Феофан (ed. Воннае, I, 617) и Кедрен (ed. Воннае, I, 793); (см.: Берлин Н. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства. Пр., 1919, с. 76).

Бабек, вождь хуррамитов, завязал союз с императором Феофилом около 830 г. (см.: Мюллер А. История Ислама. СПб., 1895, с 199) Но попытка объединить маздакизм с иконоборческим православием, предпринятая тогда же, успеха не имела.

Предположение М И Артамонова о принадлежности Обадии к хазарской знати иудейского исповедания находится в противоречии со всеми фактами, приведенными самим же М. И. Артамоновым (см.: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с 280 и след).

Критический разбор версий «обращения» хазар см.: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с 268–273.

Философская интерпретация термина восходит к Филону Александрийскому В Талмуде Шехина отождествляется с божеством Одетая в темные одежды, она бродит по земле, оплакивая Иерусалимский храм и горе своих детей, рассеянных среди народов Иосиф имел в виду, скорее, мифологическое, нежели философское значение слова «Шехина».

Цит. по: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с 324, так как здесь приведен сравнительный анализ смысловых оттенков трех параллельных переводов.

Харадж — государственный налог.

Место этого города не установлено (см.: Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, с. 161).

Ваза из Сентмиклошского клада Музей истории искусств. Вена/

«Верховный глава их исповедует веру еврейскую, той же веры равным образом как Иша (царь), так и военачальники и вельможи, которые состоят при нем, прочие же хазары исповедуют религию, сходную с религиею турок (мадьяр. — Л.Г.)» (Хвольсон Д.А Известия о хазарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста (Ибн-Руста). СПб., 1869, с 17).

Якут свидетельствует, что хазары были христианами и мусульманами, а частично язычниками, только немногие исповедовали иудаизм (см.: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с 280) Димашки указывает, что хазарские воины были мусульманами, а горожане — иудеями (см.: Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с 280), но, по-видимому, он имеет в виду только население столицы.

Если говорить о религиозной доктрине павликиан, то бросается в глаза их различие с манихеями, сходство с древними гностиками и крайне отрицательное отношение к маздакизму и иудаизму. Но теологические тонкости, которые волновали умы богословов, были чужды и непонятны массам, задачей которых была война против Византии. Для противопоставления себя православию было достаточно общепонятного признания материи не творением божьим, а извечным злым началом. Этот тезис роднит павликиан с манихеями и катарами, однако происхождение доктрины от утраченного трактата Маркиона наложило на их идеологию неизгладимый отпечаток. Павликиан, как и манихеев, нельзя считать христианами, несмотря на то что они не отвергали Евангелия. Павликиане называли крест символом проклятия, ибо на нем распят Христос, не принимали икон и обрядов, не признавали таинства крещения и причащения и все материальное почитали злом. Будучи последовательными, павликиане активно боролись против церкви и власти, прихожан и подданных, сделав промыслом продажу плененных юношей и девушек арабам. Вместе с тем в числе павликиан встречалось множество попов и монахов-расстриг, а также профессиональных военных, руководивших их сплоченными, дисциплинированными отрядами. Удержать этих сектантов от зверств не могли даже духовные руководители. Жизнь брала свое в том случае, если лозунгом борьбы было отрицание жизни. И не стоит в этих убийствах винить Маркиона, который в богословии был филологом, показавшим принципиальное различие между Ветхим и Новым Заветами. В идеологическую основу антисистем могла быть положена и другая концепция.

Каган (тюрк) — суверенный государь. Буквально: «великий» на сиу-дакотском языке (wakan) (см.: Каримуллин А. Г. К вопросу о генетическом родстве отдельных языков индейцев Америки с тюркскими, 1976, с 16, 28, с 123–125).

Людовик имел в виду остатки этноса подлинных аваров (обров), уцелевшие после поражения, нанесенного им франками в 795 г. Эти авары продолжали жить в Паннонии под властью собственного кагана еще в середине IX в. (Вебер Г. Всеобщая история. 2-е изд., в 15 т. М., 1893–1896, т. V, с. 432).

«...поляне, яже ныне зовомая Русь» (Лихачев Д. С. Повесть временных лет. М.-Л., 1950, т. I, с. 21). Автор поясняет, что Русь — новое историческое явление, сменившее распавшийся племенной союз полян (Брайчевский М. Ю. Похождения Русі. Київ, 1968, с. 163–64).

Сын болгарского эльтебера был заложником у хазар, а «дочерей хазарский царь требовал себе в гарем» (Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг., с. 141).

Гурган — от персидского слова «гург» — волк; это древняя Гиркания, по-арабски — Джурджан.

Они названы «аджам», т. е. «не-мусульмане» (Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963, с. 199).

Соловьев СМ. История России с древнейших времен.

Василий Македонянин был армянин, переселившийся в Македонию. Эпоха Македонской династии была временем преобладания армян при дворе и в управлении/

Русь в узком смысле включала три города Киев, Чернигов и Переяславль.

Об этой войне подробно рассказывает Кембриджский аноним, еврейский автор XII в. Несмотря на аморфность повествования, достоверность событий подтверждается историческим анализом (см... Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани. — «Русская литература», 1974, N 3, с. 168).

Лихачев Д. С. оспаривает это мнение, опираясь на заключение в 945 г. договора, выгодного для Руси. Однако, по его же уточнению, Игорь был убит осенью 944 г. (Лихачев Д. С. Повесть временных лет. М.-Л., 1950, т. II. с. 288, 295), следовательно, договор был заключен уже с правительством Ольги, после крутого поворота в политической ориентации.

Разбор гипотез о походах русов на Каспий см.: Артамонов М. И. История хазар, с. 374–380.
Критику предложенных гипотез см.: Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани.

В поздних летописях это слово персонифицируется в имя собственное — «старейшина Гостомысл» (см... Лихачев Д. С. Повесть временных лет. М.-Л., 1950, т. II, с. 214), значение термина — симпатизирующий иноземцам.

Оскорбишася новгородци, глаголюще, яко быти нам рабом и многа зла всячска пострадати от Рюрика и ради его Того же лета уби Рюрик Вадима Храброго и иных многих изби новгородцев съвстников его». Однако оно заслуживает доверия. «Западнику» Нестору было бы незачем сочинять «норманнскую теорию» происхождения Руси и замалчивать древний, свободный, славный период истории Русского каганата, если бы не необходимость переубедить тех, кто скептически относился к рассказам о подвигах варяжских конунгов. А таких людей в Древней Руси было, видимо, немало.

По сухому сообщению Нестора, «древляне убита Игоря и дружину его» Лев Диакон сообщает, что Игорь, захваченный в плен, «был привязан к двум деревьям и разорван на две части» (Лев Диакон. История в 10 книгах. Кн. IV, гл. 10. СПб., 1820, с. 66) Год гибели Игоря спутан летописцем вместо 945 г., надо 944 г. (см Лихачев Д. С. Повесть временных лет. М.-Л., 1950, т. II, с 295).

Нестор погрешил против истины. В 946 г князь Мал сватается к Ольге, которой 54 года. Нелепость, но это не описание династического брака, а вставная дидактическая новелла В 955 г. на приеме у Константина Багрянородного она была, согласно Нестору, столь «красива лицом», что базилевс влюбился... в старуху 62 лет? Одно из двух, неверен или возраст Ольги, или все остальное. (см.: Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани. — «Русская литература», 1974, N 3).

См тексты Киевского свода 1039 г и Новгородского свода 1050 г, восстановленные А. А. Шахматовым (Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с 543, 613).

Вымышленные генеалогии — слишком частое явление, чтобы придавать им большое значение. Например, подлинная фамилия русского царя Павла I — Готорп.

Это видно из того, что радимичей заново покорил воевода Владимира Волчий Хвост в 984 г.

Хорасмии — близкие родственники парфян, следовательно, начальная дата их этногенеза — IV–III вв до н э, но ему еще предшествовал инкубационный период, длительность коего определить пока трудно. Значит, к X в н э хорасмии прошли все фазы этногенеза и находились в гомеостазе, что позволило им без сопротивления принять в свою среду пассионарных тюрок, стремившихся с ними ужиться. А это сделало возможной полную ассимиляцию на мирной основе.

Н. И. Вавилов доказал, что рецессивные мутации постепенно оттесняются на окраины видовых и расовых ареалов (письмо к академику Вернадскому В И, цит. по Чебоксаров Н. Я, Чебоксарова И. А Народы, расы, культуры. М, 1971, с 47-148).

С. П. Толстов вопреки Макдиси полагает, что завоевание Хазарии русами предшествовало вступлению в Хазарию хорезмийцев; он пытается сопоставить вторжение русов с походом Владимира на Булгар в 985 г. (Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. Л, 1943, с. 255). Для такого мнения оснований нет.

Это ответ на сомнения А. А. Шахматова (Шахматов А А Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, с. 118–119).

С. П. Толстов (Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. Л, 1943, с. 256) полагает, что русы встретились с гузами около Верхнедонского волока (т. е. выше Итиля) и двинулись вверх по Волге. Однако течение на Волге настолько сильное, что подняться против течения можно было только при помощи бурлаков. В военных условиях это слишком опасно. Поэтому надо считать, что русы спускались по Оке и Волге самосплавом, при котором воины не устают и могут быть готовы к бою с противником.

Там сказано: «И градъ их и Бълу Вежю взя». Значит, «градъ» — не Белая Вежа (Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 427. Примеч. 9).

Западное манихейство соперничало с христианством с конца III в и подвергалось аналогичным гонениям при Диоклетиане. Христианские императоры продолжали эти преследования Феодосий определил за принадлежность к манихейству смертную казнь. Гонимый квалифицировал исповедание манихейства как государственное преступление. Вандальский король Гуннерих истребил манихеев в Северной Африке, спаслись лишь те, кто успел убежать в Италию. В VI в центром манихейства стала Равенна, ибо жители Ломбардии, ариане, вынужденные бороться против Рима, дали им приют. В X в манихейство распространилось в Лангедоке и сошло с аналогичными учениями Болгарии. В 1022 г в Орлеане были сожжены десять катаров, среди которых были духовник короля Роберта I Этьен, схоластик Лизой и капеллан Гериберт. В отличие от многих патриархальных и плебейских антицерковных движений, катары были социально разнообразны, что способствовало успехам их учения.

Взгляд Маркиона на Космос разъяснил его ученик Апеллес (ум. ок 180 г) Единое начало — нерожденный Бог — сотворило двух главных ангелов. Один, «знаменитый и славный», сотворил мир, другой, «огненный», враждебен Богу и миру Следовательно, мир, как творение доброго ангела, благостен, но подвержен ударам злого «огненного», отождествленного с Яхве Ветхого Завета (Арсеньев И. От Карла Великого до Реформации. М., 1909. З. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с 117) Различие древнего маркионизма с учениями, от него отпочковавшимися, очевидно.

Зиндик от персидского слова «зенд» — смысл, что было эквивалентом греческого «гнозис» — знание. Следовательно, зиндики — это гностики, но в арабскую эпоху это название приобрело новый оттенок — «колдуны» (Мюллер А. История Ислама. СПб., 1895, с 136)

«Основа их веры внешне состоит в исповеди шиитской догмы и любви к повелителю правоверных Али, внутренне же они — неверные» (Китаб ал-байан Цит по Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. М.-Л., 1949. Примеч. 339, с 336) К аналогичному заключению пришел И П Петрушевский, рассматривающий учения «галийя» и «исмаилиа» как самостоятельные религии, лишь внешне прикрытые шиитскими формами (Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV веках. Л., 1966, с. 242).

Цвет Фатимидов.

Цвет Аббасидов.

Мустансир, халиф Египта, Фатим (1036–1094).

Плащи бедуинов — белые с красными полосами.

Подразумевается происхождение Мустансира от Али и Фатьмы, дочери Мухаммеда. На самом деле родоначальником Фатимидов был Убей-дулла — пасынок Абдуллы ибн Маймуна, еврей, обращенный в исмаилизм.

Имеются в виду успехи войск Мустансира. См. Бертельс А. Е. Насир-аль-Хосров и исмаилизм. М., 1959, с. 263.

Стихотворный перевод Л. Н Гумилева.

Термин «тюрк» имеет три значения. Для VI–VIII вв. — это маленький этнос (тюркют), возглавивший огромное объединение в Великой степи (эль) и погибший в середине VIII в. Эти тюрки были монголоиды. От них произошла хазарская ханская династия, но сами хазары были европеоиды дагестанского типа. Для IX–XII вв. тюрк — общее название воинственных северных народов, в том числе мадьяров, русов и славян. Это культурно-историческое значение термина не имеет касательства к происхождению. Для современных востоковедов «тюрк» — лингвистическая группа. На тюркских языках говорят этносы разного происхождения. Следовательно, дефиниция автора может относиться только к древним тюркам, что, как мы показали, неверно.

Хазария с VII в. граничила на Кавказе с Арабским халифатом, а не с Византией.

Авары, болгары и мадьяры воевали с Византией на Дунае, куда хазары никогда не достигали.

Викинги двигались на Русь по Днепру, который был вне контроля Хазарии.

Дата взята из апокрифа и ошибочна. Компетентный автор X в. — Масуди указывает, что это произошло в царствование Гаруна ар-Рашида, а точнее, в IX в. (Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962, с. 262–282).

Иудаизм не прозелитическая религия. Если бы действительно военный класс Хазарии просто сменил религию, не понадобилось бы заменять своих воинов наемными мусульманами, дорогостоящими и не очень надежными.

А. Кёстлер в числе использованной литературы помечает книгу М. И. Артамонова, но из текста видно, что он ее не читал. Однако он сам приводит свидетельство караимского автора XI в. Яфета ибн-Али, который называет хазар иудейской веры бастардами (мамцер), показывая тем самым, каким путем эта вера распространялась в Хазарии (Koestler Arthur. *The Thirteenth Tribe — The Khazar Empire and its Heritage*. London, 1976, с. 80). При наличии естественного хода метисации нет нужды искать мотивы политического характера. Бастарды возникают не по инструкциям правительства.

Какие преимущества может дать исповедание религии единой для обоих соперников? И странно, что автор традицию и природное мировоззрение ставит в связь с требованиями политической конъюнктуры. Почему надо предполагать в хазарах такую беспринципность?

Норманнская теория происхождения Руси устарела полвека тому назад.

Центральная, а точнее — Волжская Хазария была оккупирована сначала Хорезмом, а потом — гузами.

Да, если бы оно продолжало существовать, то сохранились бы договоры и сведения о его политике. А ведь ничего нет!

Алексеев В. П. В поисках предков. М., 1972.

Арсеньев И. От Карла Великого до Реформации. М., 1909. З. Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962.

Беляев Е. А. Мусульманское сектанство. М., 1957.

Берлин Н. Исторические судьбы еврейского народа на территории Русского государства.
Пр., 1919.

Бертельс А. Е. Насир-аль-Хосров и исмаилизм. М., 1959.

Биджиев Х. Х., Гадло А. В. Раскопки Хумаринского городища. — В кн.: Археология Северного Кавказа. VI Круп-новские чтения в Краснодаре: Тезисы докладов. М., 1976.

Брайчевский М. Ю. Происхождение Руси. Киев, 1968.

Вебер Г. Всеобщая история. 2-е изд., в 15 т. М., 1893–1896.

Вернадский Г. В. Начертание русской истории. Прага, 1927.

Гаркави А.Я. Сказания еврейских писателей о хазарах и хазарском царстве. СПб., 1874.

Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949.

Григорьев В. В. О двойственности верховной власти у хазаров. — В кн.: Россия и Азия, СПб., 1876.

Гумилев Л. Н. Некоторые вопросы истории хуннов. — «Вестник древней истории», 1960, № 3.

Гумилев Л. Н. Хазария и Каспий (Ландшафт и этнос. I). — «Вестник ЛГУ», 1964, N 6, вып. 1, с. 83–95.

Гумилев Л. Н. Хазария и Терек (Ландшафт и этнос. II). — «Вестник ЛГУ», 1964, N 24, вып. 4, с. 78–88.

Гумилев Л. Н. Соседи хазар. — «Страны и народы Востока», 1965, вып. IV.

Гумилев Л. Н. Хазарские погребения в дельте Волги. — «Сообщения Гос. Эрмитажа», 1965, вып. XXVI.

Гумилев Л. Н. Памятники хазарской культуры в дельте Волги. — «Сообщения Гос. Эрмитажа», 1965, вып. XXVI.

Гумилев Л. Н. Истоки ритма кочевой культуры Средней Азии. — «Народы Азии и Африки», 1966, N 4, с. 85–94.

Гумилев Л. Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в древности. (Ландшафт и этнос: IV). — «Вестник ЛГУ», 1966, N 6, вып. 1, с. 62–71.

Гумилев Л. Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века. (Ландшафт и этнос: V). — «Вестник ЛГУ», 1966, N 6, вып. 3, с. 81–90.

Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., «Наука», 1967.

Гумилев Л. Н. Кочевнические погребения в дельте Волги. — «Доклады ВГО. Отделение этнографии», 1968, вып. 6.

Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства. М., 1970.

Гумилев Л. Н. Об антропологии для неантропологов. — «Природа», 1973, N 1.

Гумилев Л. Н. Сказание о хазарской дани. — «Русская литература», 1974, N 3.

Гумилев Л. Н. Дакоты и хунны. — В кн.: Вопросы географии США. Л, 1976, с. 123–125.

Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., Гидрометеиздат, 1990.

Древнетюркский словарь. Л., 1969.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962.

Зайцев А. К. Черниговское княжество. — В кн.: Древнерусские княжества X–XI вв. М., 1975.

Иордан. О происхождении и деяниях гетов. / Пер. с лат. и коммент. Е. Ч. Скржинской. М., 1960.

История Византии. В 3-х тт. М., 1967.

История Дагестана. Т. I М., 1967.

Каримуллин А. Г. К вопросу о генетическом родстве отдельных языков индейцев Америки с тюркскими. — В кн.: Вопросы географии США Л., 1976.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.

Коковцов П. К. Еврейско-хазарская переписка в X в. Л., 1932.

Конрад Н. И. Старое востоковедение и его новые задачи. — В кн.: Запад и Восток. М., 1966.

Куликовский Ю. К критике известий Феофана о последнем годе правления Фоки. — В кн.: Византийский временник. Т. 21 (1–2). СПб., 1914, с. 1–14.

Куник А, Розен В. Известия Ал-Берки и других авторов о Руси и славянах. СПб., 1878, т. I.

Лев Диакон. История в 10 книгах. Кн. IV, гл. 10. СПб., 1820.

Лихачев Д. С. Повесть временных лет. М.-Л., 1950, т. I и II.

Льоренсте Х.А Критическая история испанской инквизиции. Т. II, М., 1936.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. М., 1963.

Мюллер А. История Ислама. СПб., 1895, т. I и II.

Низам ал-Мульк. Сиасет-намэ. М.-Л., 1949.

Осокин П. Первая инквизиция и завоевание Лангедока франками. Казань, 1872.

Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII–XV веках. Л., 1966.

Пигулевская Н. В. Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М.-Л., 1946.

Плетнева С.А. Хазары. М., 1976.

Редер Д.Г. История древнего мира. М., 1970.

Руденко С. Н. Культура хунну и Ноиннулинские курганы. М.-Л, 1962.

Соловьев В. С. Три разговора. СПб., 1901.

Салодухо Ю.А Движение Моздака и восстание еврейского населения Ирака в первой половине VI в. н. э. — «Вестник древней истории», 1940, N 3–4, с. 131–145.

Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. Л, 1943.

Тьерри О. Избранные сочинения. М, 1937.

Тюменев А И. Евреи в древности и средние века. Пр., 1922.

Усама-ибн-Мункыз. Книга назиданий. М, 1958.

Хвольсон Д.А Известия о хазарах, бургасах, болгарах, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста (Ибн-Руста). СПб., 1869.

Хенниг Р. Неведомые земли. М, 1961.

Чебоксаров Н. Я, Чебоксарова И. А Народы, расы, культуры. М, 1971.

Шахматов А А Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.

Шахматов А А «Повесть временных лет» и ее источники. — Труды отдела древнерусской литературы. Т. IV. Л, 1940.

Ширинский С. С. Объективные закономерности и субъективный фактор становления Древнерусского государства. — В кн.: Ленинские идеи в изучении первобытного общества, рабовладения и феодализма. М., 1970.

Dollinger. Geschichte der gnostischen-manichäischen Lehren im fruher Mittelalter. Leipzig, 1980.

GroussetR. L'Empire des Steppes. Paris, 1960.

Jeschurun. Vol. XI, N 9110. Berlin, 1924.

Koestler Arthur. *The Thirteenth Tribe — The Khazar Empire and its Heritage*. London, 1976.

Szyszman S. Le roi Bulan et la probleme de la conversion des Khazars. — «Ephemerides Teological Loganienses», T. 33, Bruges, 1957.

Szyszman S. Ou la conversion du Roi Khazar Bulan a-t-elle eu Lieu? Hommage a Andre Dupon — Sommer. Paris, 1971.